

Николай Васильевич Гоголь

Письма 1820-1835 годов

Содержание

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1820 г. Полтава.> . . .	0018
Т. С. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ <1820 г. Полтава.> .	0020
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1820 г. Полтава.> . . .	0021
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <10 июня 1821 г., Нежин> . .	0023
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <13 августа 1821 г. Нежин.>	0025
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <14 августа 1821 г. Нежин.>	0027
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <26 августа 1821 г. Нежин.>	0030
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <6 сентября 1821 г., Нежин.>	0032
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <6 октября 1821 г. Нежин.>	0034
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <10 декабря 1821 г., Нежин.>	0036
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Декабрь 1821 г. Нежин.> . .	0038
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <7 января 1822 г., Нежин.>	0039
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Август 1822 г., Нежин.> . . .	0042
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <10 октября 1822 г., Нежин>	0044

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1823 г., 23 марта, Нежин.>	0047
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1823 г., 3 октября. Нежин.>	0049
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Ноябрь-декабрь 1823 г. Нежин.>	0051
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <11 декабря 1823 г. Нежин.>	0053
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <22 января 1824 г. Нежин.>	0055
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1824 г. 30 марта. Нежин.>	0059
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ 1824-го года, июня 13 дня. <Нежин.>	0061
В. А. ГОГОЛЮ и М. И. ГОГОЛЬ <1 октября 1824 г., Нежин.>	0065
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <19 октября 1824 г. Нежин.>	0069
М. И. ГОГОЛЬ 13-го января. 1825-го года. Нежин. . 0071	
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Март 1825 г. Нежин.> 0073	
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ 1825-го года, 18-го марта <Нежин.>	0075
М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года апреля 23-го дня. Нежин	0077
М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года, 24-го апреля <Нежин.>	0081

- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года 26-го мая. <Нежин.> . . . . .
0084
- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года, месяца июня 3. Нежин
. 0088
- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года. Июня 10-го числа.
<Нежин> 0092
- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года, августа 15-го. Нежин . .
0095
- А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ 1825-го года, августа 17
числа, Гимназия 0097
- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года, сентября 30-го дня.
<Нежин.> 0098
- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года, 13 октября. <Нежин.> . .
0102
- М. И. ГОГОЛЬ 1825-го года октября 23-го дня.
<Нежин.> 0104
- М. И. ГОГОЛЬ Декабря 2-го дня, 1825-й. Нежин . . . .
0106
- М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года января 17. Нежин 0108
- М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года 21 апреля. Воскресение
Христово. <Нежин.> 0109
- М. И. ГОГОЛЬ 1826 года, мая 14-го дня. <Нежин> . .
0112
- М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года [1825-го года.] июня 4-
го дня <Нежин> 0115
- М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года, июня 13-го дня.
<Нежин.> 0118
- М. И. ГОГОЛЬ <16 августа 1826 г. Нежин> . . . 0119

М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года августа 20 дня <Нежин.>	0120
М. И. ГОГОЛЬ Сентября 10-го 1826-го года. Нежин	0123
М. И. ГОГОЛЬ 1826 года, сентября 30-го дня. <Нежин.>	0127
М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года октября 15-го дня. <Нежин.>	0131
М. И. ГОГОЛЬ Ноября 16-го дня. Нежин. 1826-го года	0135
М. И. ГОГОЛЬ 1826-го года ноября 23 дня. <Нежин>	0138
Г. И. ВЫСОЦКОМУ 1827 года, генваря 17-го. Нежин	0141
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года, февраля 1-го. Нежин . . . 0146	
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года, февраля 26-го. Нежин	0148
Г. И. ВЫСОЦКОМУ 1827-й год март 19-е число. Нежин	0152
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года. Марта 24-го. Нежин . . . 0162	
М. И. ГОГОЛЬ 1827 года, апреля 6 дня. Нежин 0167	
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го, апреля 17-го дня. Нежин . . . 0171	
М. И. ГОГОЛЬ 1827-й год. М. Май, 20-е число. <Нежин.>	0174

М. И. ГОГОЛЬ <7 июня 1827 г. Нежин>	0178
Г. И. ВЫСОЦКОМУ 1827 год, м. июнь, число 26. Нежин	0181
М. И. ГОГОЛЬ <19 августа 1827. Нежин.>	0194
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года, августа 30-го. <Нежин.>	0197
М. И. ГОГОЛЬ <12 сентября 1827 г. Нежин.> .	0199
ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ Неж<ин>. 13 сентября 1827	0202
В. П. КОСЯРОВСКОЙ <13 сентября 1827 г. Нежин>	0205
ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ 1827-го года, сентября 13. <Нежин.>	0206
М. И. ГОГОЛЬ 1827, месяц октябрь, 2-е число. <Нежин.>	0210
ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ Нежин. 3-го октября, 1827-й год	0213
ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ Нежин. Октября 3-го 1827 года	0218
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года, ноября 13-го дня. <Нежин.>	0223
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года, декабря 15. <Нежин.> . . 0226	
М. И. ГОГОЛЬ 1827-го года, декабря 20 дня. Нежин	0230
М. И. ГОГОЛЬ <После 6 января 1828 г. Нежин.> 0232	
М. И. ГОГОЛЬ 1828-го, март, 1 число. <Нежин.>	

0237

М. И. ГОГОЛЬ 1828-го г. Марта 30 дня. <Нежин.> . . .

0241

М. И. ГОГОЛЬ 1828 год, апреля 7-е. <Нежин.> 0244

М. И. ГОГОЛЬ М. май, 3 число, 1828. Нежин. 0246

М. И. ГОГОЛЬ 1828-го г. М. май, 16-е число. Нежин

. 0249

М. И. ГОГОЛЬ 1828, май, 30-е число, Нежин. 0252

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <Сентябрь 1828 г.

Васильевка> 0254

ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ <1828> Сентября 2-го.

<Васильевка.> 0255

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ <1828.> Сентября 8-е.

<Васильевка.> 0257

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ КОСЯРОВСКОМУ Декабря 2-го

1828-го года. Васильевка 0263

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <Декабрь 1828 г.??> . . . 0269

М. И. ГОГОЛЬ С.-Петербург. Янв. 1829, 3 число . . . . .

0270

М. И. ГОГОЛЬ <Март 1829 г. Петербург> 0273

М. И. ГОГОЛЬ <1829> 30 апреля. С.-Петербург 0274

М. И. ГОГОЛЬ 1829, мая 22-го. Санктпетербург . . . . .

0284

К. С. СЕРБИНОВИЧУ <Июнь 1829 г. Петербург.> . . . . .

0289

М. И. ГОГОЛЬ <1829> 24 июля. Санктпетербург . . . . .

0290

М. И. ГОГОЛЬ Любек. 1829, августа 13 по новому

СТИЛЮ	0302
М. И. ГОГОЛЬ Травемунд. 1829, августа 25 по европейскому стилю	0310
М. И. ГОГОЛЬ 1829-го сентября 24 <Петербург>	0315
М. И. ГОГОЛЬ 1829 октября 27 <Петербург>	0320
М. И. ГОГОЛЬ Санкт-Петербург. Ноября 12. 1829	0322
М. И. ГОГОЛЬ 1830, января 1. С.-Петербург	0326
М. И. ГОГОЛЬ 1830. Генваря 5. СПб	0328
М. И. ГОГОЛЬ <1830> С.-Петербург. Февраль 2	0333
М. И. ГОГОЛЬ 1830, апреля 2-го дня. С.-Петербург	0339
М. И. ГОГОЛЬ 1830, июня 3. С. Петербург	0353
М. И. ГОГОЛЬ СПб. Сентября 1-го д. 1830	0366
М. И. ГОГОЛЬ 1830 года. Сентября 29-го дня. С.-Петербург	0370
М. И. ГОГОЛЬ <1830> Октября 10	0374
М. И. ГОГОЛЬ Декабря 19 дня, 1830 <Петербург>	0377
М. И. ГОГОЛЬ Февраля 10 дни, 1831. СПб	0385
М. И. ГОГОЛЬ С.-Петербург. 16 апреля <1831>	0391
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831 г. Петербург.>	0399
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831 г.> <?> <Петербург.>	0400
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831 г.> <?> <Петербург.>	0401

М. И. ГОГОЛЬ 28 апреля 1831. <Петербург> . .	0402
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831> Мая 2-го <Петербург.>	0403
М. И. ГОГОЛЬ <1831> 27 июня. Павловск	0406
М. И. ГОГОЛЬ <1831> Июля 24. Павловск	0408
А. С. ПУШКИНУ <1831> 16 августа. СПб	0412
А. С. ПУШКИНУ СПб. Августа 21. <1831>	0414
М. И. ГОГОЛЬ С.П.б. Августа 21 <1831>	0420
В. А. ЖУКОВСКОМУ Спб. Сентяб. 10 <1831> . .	0422
М. И. и М. В. ГОГОЛЬ СПб. 19 сентября <1831>	0426
М. И. ГОГОЛЬ 1831 г. Октября 9. С.-Петербург	0429
М. И. ГОГОЛЬ <1831> Октября 17. С.-Петербург	0433
М. И. ГОГОЛЬ С.-Петербург, октября 30 <1831>	0435
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831> Ноября 2. СПб .	0437
М. И. ГОГОЛЬ С.-Петербург. 17 ноября <1831>	0442
М. И. ГОГОЛЬ <1831> Декабря 8. СПб	0445
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ 1 генварь, 1832. <Петербург.>	0447
М. И. ГОГОЛЬ Генваря 4. 1832. <Петербург.> .	0451
М. И. ГОГОЛЬ Февраля 6-го 1832. <Петербург.>	0453
М. И. ГОГОЛЬ 1832 г., февраля 26-го. С.-Петербург	0456
М. И. ГОГОЛЬ 1832 г. Марта 10. С. Петербург .	0459
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ СПб, 1832. Марта 10-го	0462

М. И. ГОГОЛЬ <1832> Марта 25. С.-Петербург	0464
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ СПб., марта 30. <1832>	0468
М. И. ГОГОЛЬ <1832> 16 апреля. С.-Петербург	0473
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1832> 26 апреля. СПб	0476
М. И. ГОГОЛЬ <1832> Апреля 27. СПб	0478
М. И. ГОГОЛЬ СПб. 12 мая <1832>	0480
М. И. ГОГОЛЬ 9 июня 1832 г. [В копии ЛБ описка: 1831 г.] С.-Петербург	0482
Н. М. ЛОНГИНОВУ 9-го июня 1832 г. <Петербург.>	0484
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ 1832, СПб., июня 15 . . .	0485
М. И. ГОГОЛЬ 1832. Москва. 4 июля	0487
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ <1832> Июля 8. Уездн. городок Подольск, 30 верст от Москвы	0489
М. П. ПОГОДИНУ <1832> Июля 8. Подольск, 1-я станция от Москвы	0492
М. П. ПОГОДИНУ <1832> Июля 20. Д. Васильевка . . 0494	
И. И. ДМИТРИЕВУ <Ок. 20 июля 1832 г. Васильевка.>	0498
М. П. ПОГОДИНУ <1832> Сентября 2. Д. Васильевка	0501
ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ <1832> Сентября 9. Васильевка	0503
И. И. ДМИТРИЕВУ <23 сентября 1832. Васильевка>	0505
П. А. ПЛЕТНЕВУ <1832> 9-го октября [10-го октября]. Курск	0507

М. И. ГОГОЛЬ 1832. Октября 10. <Станция под Курском.>	0509
М. И. ГОГОЛЬ Москва. 21 окт. <1832>	0511
М. И. ГОГОЛЬ <1832, ноябрь. Петербург.>	0513
М. И. ГОГОЛЬ <1832 г.> 22 ноября. С.-Петербург	0514
М. П. ПОГОДИНУ СПб. Ноября 25 <1832>	0517
И. И. ДМИТРИЕВУ <30 ноября 1832 г. Петербург.>	0520
М. И. ГОГОЛЬ 1832 г. Декабря 3. <Петербург.>	0523
М. А. МАКСИМОВИЧУ СПб. 1832, декабря 12	0526
М. И. ГОГОЛЬ <1832> 13 декабря СПб	0528
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1832> 13 декабря СПб	0530
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1832> Декабрь 20-е. СПб	0532
В. И. ГРИГОРОВИЧУ <1 января 1833 г. Петербург.>	0535
М П. ПОГОДИНУ 1833-го, генваря 10	0536
М. И. ГОГОЛЬ 1833. Генваря 10. <Петербург.>	0538
М. П. ПОГОДИНУ 1833 Февраль 1. СПб	0539
М. И. ГОГОЛЬ Февраля 8, 1833. СПб	0544
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ 1833, февраля 8. СПб	0548
М. П. ПОГОДИНУ Февраль 20 <1833. Петербург.>	0554
М. И. ГОГОЛЬ 1833 г. 23 марта. <Петербург.>	0559
М. И. ГОГОЛЬ <5 апреля 1833. Петербург>	0561

М. И. ГОГОЛЬ <Апрель 1833. Петербург.>	0563
М. И. ГОГОЛЬ <1833> Мая 2. С. Петербург	0565
М. П. ПОГОДИНУ <1833> Мая 8. СПб	0569
М. И. ГОГОЛЬ С. Петербург. 1833, июня 8	0572
М. И. ГОГОЛЬ Июня 24, СПб. 1833	0577
М. А. МАКСИМОВИЧУ СПб. июля 2 <1833>	0579
М. И. ГОГОЛЬ Июля 4. <1833 г. Петербург.> . .	0582
М. И. ГОГОЛЬ 1833 г. Августа 9 <Петербург.> .	0583
М. И. ГОГОЛЬ СПб. Авг. 30 <1833 г. Стрельна>	0585
М. И. ГОГОЛЬ <1833> Сентябрь 26. <Петербург.> . .	0587
М. П. ПОГОДИНУ Сентябрь 28 <1833. Петербург.>	0588
В. В. ТАРНОВСКОМУ 1833, октября 2-го. С.-	
Петербург	0591
М. И. ГОГОЛЬ 1833 г. Октября 2. С.-Петербург	0595
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1833> Ноября 9. СПб .	0602
М. И. ГОГОЛЬ 1833 г. Ноября 22. С.-Петербург	0606
М. И. ГОГОЛЬ Декабря 20. СПб. 1833	0610
М. А. МАКСИМОВИЧУ <После 20 дек. 1833.	
Петербург>	0613
А. С. ПУШКИНУ 23 декабря 1833. <Петербург>	0617
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Генварь 7. <СПб.> . . .	0620
М. П. ПОГОДИНУ <1834> Генварь 11. <Петербург>	0622
К. С. СЕРБИНОВИЧУ <Конец января—начало	

февраля 1834. Петербург.>	0627
М. И. ГОГОЛЬ СПб. 1834. Февраля 10	0628
К. С. СЕРБИНОВИЧУ <11 февраля 1834. Петербург.>	0630
М. А. МАКСИМОВИЧУ СПб. Февраля 12. <1834>	0632
И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ СПб. Марта 6. 1834	0635
М. И. ГОГОЛЬ 9 марта 1834. СПб	0640
М. А. МАКСИМОВИЧУ Марта 12. СПб. 1834	0642
М. П. ПОГОДИНУ Марта 13, СПб. 1834	0644
М. И. ГОГОЛЬ Марта 17. 1834. СПб	0646
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834>. Марта 26. СПб	0651
М. А. МАКСИМОВИЧУ 1834. Марта 29. СПб	0654
М. П. ПОГОДИНУ <1834> Апреля 4. СПб	0656
М. И. ГОГОЛЬ <Апрель, 1834. Петербург>	0658
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Апреля 7. СПб	0660
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> 20 апреля, СПб	0662
М. И. ГОГОЛЬ 1834. Апреля 20. С.-Петербург	0668
М. И. ГОГОЛЬ <Апрель, 1834. Петербург>	0671
М. И. ГОГОЛЬ <1834> Мая 13. СПб	0674
А. С. ПУШКИНУ 13 мая <1834 г. Петербург.>	0676
А. С. ПУШКИНУ <Май 1834 г. Петербург>	0677
К. С. СЕРБИНОВИЧУ <Май 1834 г. Петербург>	0678
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Мая 28. <Петербург.>	0680
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Мая 29. <Петербург>	0683

И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ 1834. 1 июня. СПб	0686
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> 8 июня. СПб	0689
М. А. МАКСИМОВИЧУ 10 июня <1834 г. Петербург.>	0691
М. И. ГОГОЛЬ <1834> Июня 15. СПб	0693
М. П. ПОГОДИНУ СПб. 23 июня. <1834>	0695
М. А. МАКСИМОВИЧУ 27 июня <1834. Петербург.>	0698
М. А. МАКСИМОВИЧУ СПб. Июль 1 <1834>	0703
М. И. ГОГОЛЬ <1834> Июля 10. СПб	0705
М. А. МАКСИМОВИЧУ СПб. Июля 18 <1834>	0710
М. П. ПОГОДИНУ <1834> 23 июль. СПб	0713
М. И. ГОГОЛЬ СПб. Августа 1. <1834>	0714
В. В. ТАРНОВСКОМУ СПб. 1834 г. августа 7	0717
М. А. МАКСИМОВИЧУ 1834 августа 14. <СПб>	0721
М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Августа 23 <СПб>	0726
В. В. ТАРНОВСКОМУ <После 20 сентября 1834 г. Петербург.>	0728
К. С. СЕРБИНОВИЧУ 29 сент. 1834. <Петербург>	0730
М. П. ПОГОДИНУ <1834> Ноябрь 2. СПб	0731
М. И. ГОГОЛЬ <1834.> Ноября 6, вторник. С. Петербург	0734
М. П. ПОГОДИНУ <1834> Декабря 14. СПб	0737
М. И. ГОГОЛЬ 1834. Декабря 15-го. СПб	0741
А. С. ПУШКИНУ <Конец декабря 1834 г. — начало	

- января 1835 г. Петербург.> 0743
- М. И. ГОГОЛЬ 1835, генваря 4-го <Петербург> . . . . .
0744
- А. С. ПУШКИНУ <Ок. 22 января 1835 г. Петербург>
. 0746
- М. П. ПОГОДИНУ СПб. 1835, вторник, 22 генваря . . .
0747
- М. А. МАКСИМОВИЧУ СПб. Генваря 22. 1835 .0749
- А. В. НИКИТЕНКО Генваря 24. 1835. <Петербург> . . .
0752
- М. И. ГОГОЛЬ <1835> Генваря 30. СПб 0754
- М. П. ПОГОДИНУ Генварь 31 СПб. 1835 0756
- М. И. ГОГОЛЬ 1 февраля 1835. <Петербург> . . 0757
- М. П. ПОГОДИНУ <9 февраля, 1835. Петербург> . . . .
0758
- М. П. ПОГОДИНУ <1835> Февраль 20. СПб 0760
- С. П. ШЕВЫРЕВУ <1835> Марта 10. <Петербург.> . . . .
0763
- М. П. ПОГОДИНУ <18 марта 1835. Петербург.> . . . . .
0766
- М. И. ГОГОЛЬ <1835> 20 марта <Петербург> . . 0767
- М. А. МАКСИМОВИЧУ Марта 22 <1835.
Петербург.> 0769
- М. П. ПОГОДИНУ 23 марта <1835. Петербург> . . . . .
0773
- М. И. ГОГОЛЬ Апреля 12. <1835. Петербург.> . 0774
- М. П. ПОГОДИНУ 1835. Апреля 17. <Петербург> . . . . .
0784

Г. А. фон-ШВЕРИНУ <Конец апреля 1835 Петербург>	0785
А. А. ДЕГУРОВУ <25–30 апреля 1835 г. Петербург>	0787
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ <1835> Май 24. Полтава	0789
Г. И. СПАССКОМУ <1 июня 1835. Васильевка>	0791
И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ <11 июля 1835. Васильевка.>	0795
В. А. ЖУКОВСКОМУ Полтава, июля 15. 1835 .	0797
М. А. МАКСИМОВИЧУ Полтава. Июль 20 дня. 1835	0800
М. П. ПОГОДИНУ <Нач. мая или августа 1835 г.> Москва	0802
М. П. ПОГОДИНУ <Начало мая или августа 1835 г.> Москва	0803
М. И. ГОГОЛЬ Сентября 2. 1835. СПб	0804
М. И. ГОГОЛЬ <1835>. Сентября 22. С.Петербург	0805
М. И. ГОГОЛЬ 1835. СПб. Октября 1-го	0808
М. И. ГОГОЛЬ 1835 года. Сентября <Петербург>	0810
А. С. ПУШКИНУ Октября 7. 1835. СПб	0812
М. И. ГОГОЛЬ <1835>. Ноября 10. С.-Пб	0814
М. И. ГОГОЛЬ <1835> Ноября 19. СПб	0818
М. П. ПОГОДИНУ 1835. Декабря 6. СПб	0819
М. И. ГОГОЛЬ 1835. Декабря 18. СПб	0822

Николай Васильевич Гоголь
ПИСЬМА 1820–1835 ГОДОВ

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1820 г. Полтава.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Я весьма рад, что узнал о благополучном здравии вашем. Я поставил для себя первым долгом и первым удовольствием молить бога о сохранении безценого для меня здравия вашего. Ваканции быстро приближаются. Я не успел еще окончить всего, следовательно нужно заняться ваканциями, чтобы поспеть с честью во второй клас. Учитель математики мне необходим.

Если вы будете в Полтаву сами скоро, то я уверен, что всё устроете вся для моей пользы. Цалуя безценные ручки ваши

имею честь быть,

С СЫНОВНЫМ МОИМ К ВАМ ВЫСОКОПОЧИТАНИ-

ем

ваш послушный сын

Николай Гоголь Яновский.

Т. С. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ <1820 г. Полтава.>

Дражайшая Бабушка.

Извините меня в том, что долгое время не мог писать к вам, Дражайшая Бабушка. Покорно вас благодарю, что вы прислали гостинец мне. От всего сердца желаю вам благополучия и долголетней жизни, при чем остаюсь

Ваш покорный внук

Николай Яновский.

Пришлите мне, дражайшая бабушка, погребец; я куплю для него прибор. Обрадуйте Папильку и Маминьку, что я успел в науках то, что в первом классе гимназии, и учитель мною доволен. Прошу поцеловать за меня Гапу и сестриц моих.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <1820 г. Полтава.>

Почтеннейшие Родители,
Папинька и Маминька.

Благодаря родительскому вашему о мне попечению, я слава богу чувствую себя здоровым совершенно. Настойку оставленную вами Папинька я продолжаю по данному наставлению.

В прошедшее воскресенье я обедал у Ивана Алексеевича, на другой день видел Ивана Дмитриевича, возвращаясь из сада с Гаврилом Максимовичем Иван Дмитриевич показывал нам свой дом. К величайшему моему удовольствию узнал я от него, что вы слава богу живы и здоровы. Дай бог, чтобы безценное ваше для меня здоровье продолжалось вечно в самом цветущем состоянии.

Учение в Гимназии начнется чрез неделю

а до того времени я слегка занимаюсь повторением.

С глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданностию

Имею честь быть

Любезнейшие Родители!

вашим покорнейшим и послушнейшим
СЫНОМ

Ни<колай Гоголь Яновский>

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <10 июня 1821 г., Нежин>

Дражайшие Родители,
Папинька и Маминька

С величайшим удовольствием принимаюсь за перо чтоб писать к вам уже несколько времени собира<лся> искал удобной минуты, чтоб изъяснить вам благодарность за ваше родительское о мне попечение.

Благодаря бога я здоров. И вам также желаю здоровья и благополучия. Платие [В подлиннике: Платье] нам будут шить после каникул но как во мне недостаток в платье то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платие. За мною присылайте на каникулы 20-го июня.

С сыновним почтением и преданостью остаюсь навсегда вашим покорным слугою [сыном] и послушным сыном

Н. Г. Яновский

1821-го года

10 июня.

Нежин.

Федор Иванович Чекиев свидетельствует
вам свое почтение.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <13 августа 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька

Осведомившись, что вы находитесь здоровы пишу к вам единственно для того чтоб благодарить вас за ваше Родительское ко мне расположение и просить [и благодарить] бога чтоб даровал вам совершенное здравие и спокойствие. Что касается до меня я славу богу здоров чого желая вам, остаюсь навсегда вашим послушнейшим сыном

и покорным слугою

Николай Гоголь-Яновский.

1821-го года

Августа 13 числа.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <14 августа 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Весьма опечалился услыша что вы приедете еще в о<к>т<я>бре Месяце. Ах! как бы я желал естлиб вы приехали как можно поскорей и узнали б о участи своего сына. Прежде каникул писал я что мне здесь хорошо а теперь напротив того. О! естлибы Дражайшие родители приехали в нынешнем месяце тогда бы вы слышали что со мною делается. Мне после каникул сделалось так грустно что всякой божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас то градом так и льются.

И те<пе>рь у меня грудь так болит что даже не могу много писать. Простите мне за мою дерзость но нужда всё заставит делать.

Прощайте дражайшие родители далее слезы мешают мне писать.

Не забудьте также доброго моего Симона которой так старается обо мне что не прошло ни одной ночи чтобы он не увещевал меня не плакать об вас Дражайшие родители, и часто просиживал по целой ночи над мною уже его просил чтоб он пошел спать но никак не мог его принудить. Жалования ему не выдают и он принужден сам на нас всех готовить кушанье ибо другого повара нету был один и тот выпросился домой на два месяца. С величайшим почтением и преданостию честь имею быть вашим покорным сыном и послушным

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Учеников же еще о сю пор и половины нету.

1821 года

Августа 14-го.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <26 августа 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Долгое время не получаю я от вас никакого известия и начинаю уже думать что вы как-нибудь потревожены. Ах как бы я желал что<бы> вы были в совершенном здравии и благополучии дай бог чтоб он принял желание вашего сына Которой навсегда с истинным почтением

И преданностию навсегда останется вашим послушнейшим и покорнейшим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

1821 года

Августа 26-го,

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <6 сентября 1821 г., Нежин.>

Дражайшие родители
Папинька и Маминька.

Извините меня, что я писал такое письмо к вам. Но когда бы вы знали, в каком я тогда находился положении. Приехавши в Нежин, на другой день стала у меня болеть грудь. Ночью так у меня болела грудь, что я не мог свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя всетаки болела и потому я опасался чтоб не было чего-нибудь худого, и притом мне было очень грустно в разлуке с вами. Но теперь слава богу всё прошло и я здоров и весел, вам же желая совершенного здравия и благополучия, остаюсь с истинным почтением и преданностию ваш послушнейший сын

Николай Яновский.

1821 года

Сентября 6 числа.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
<6 октября 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Извините меня, что толь долгое время не мог писать к вам. Причиною сему, что не имел свободного времени; но теперь с полным удовольствием пишу к вам и извещаю о новостях здешних, которые будут для вас любопытны. Сюды ожидают со дня на ден директора, которой уже утвержден в здешнюю гимназию. Директор же вам известный, доктор Орлай, которой был в Кибенцах.

А что касается до меня, то я здоров и желая вам остаюсь навсегда вашим

Послушнейшим сыном

и покорным слугою

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Еще прошу вас прислать несколько книг, потому что мне в них великая надобность. Итак пришлите мне следующие книги: Латинскую грамматику, Латинский Лексикон, Греческую грамматику, священную историю, Кати́зис, Арифметику, Маф<e>матику Фусса в трех частях и рисовальную книгу.

1821-го года

Октября 6-го.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ

<10 декабря 1821 г., Нежин.>

Дражайшие Родители!

Папинька и Маминька.

Крайне обрадовался, получа от вас письмо, от которого узнал я что вы слава богу-здоровы. Извините меня, что о сию пор еще не писал к вам. Благодарю вас за деньги только книги вы не все прислали, и для того я прошу покорнейше прислать мне книги, необходимо нужные именно: Латинскую Граматику Бандыша-Каменскаго, Латинский Лексикон, Французкие разговоры и Немецкие разговоры и рисовальную книгу. Пожалуста пришлите сии книги поскорей, потому что м<н>е в них большая нужда. Что касается до меня, то я слава богу здоров и желая вам всякого здравия и благополучия остаюсь вашим

послушным сыном

и покорным слугою

Н. Гоголь-Яновский.

Р. S. Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки Г-на Мармонтеля, потому что мы их переводим на французской язык. У всех здесь есть, а у меня нет.

Ежели угодно вам будет чтоб я учился танцовать и играть на скрыпке и фортепиано так извольте заплатить 10 рублей в месяц я уже подписался хотевшим учиться на сих инструментах также и танцованию но не знаю как вам будет угодно.

1821 года

Декабря 10.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Декабрь 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители!
Папинька и Маминька.

Крайне желая вас видеть, пишу к вам чтобы приехали хотя вы Дражайший Папинька, за мною на праздник. А не то так прислали бы за мною но только с письмом. Но лутче бы было ежелиб вы сами приехали.

Третего дни я был у Ивана Семеновича и он говорил, ежели я буду хорошо весть себе то он отпустит меня домой на праздник. Я слава богу здоров и желая вам быть благополучным и здоровым

Остаюсь вашим послушным сином

и покорным слугою

Н. Гоголь-Яновский.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ

<7 января 1822 г., Нежин.>

Дражайшие родители
папинька и маминька.

Несказанно обрадовался получа ваше письмо, в котором узнал о вашем здоровьи. Я слава богу здоров, но только имею недостаток в книгах весьма нужных, о которых я вам писал. И теперь прошу, чтоб вы прислали или ежели приедете сюда то привезите мне сии книги: Французскую грамматику, Латинский лексикон Ивана Кронебурга, Арифметику 2-ю часть, Священную историю, катихизис, Нравоучительные сказки г-на Мармонтеля и рисовальную книгу. И еще нравственные примеры с картинками, о коих я уже вам писал, что они нужны для перевода с русского на французской язык.

Еще ль ежели бы вы прислали денег мне, потому что моя казна вся истоцилась, один

мой товарищ купил за восемь рублей ножик, я просил его, чтоб дал мне посмотреть, и я забыл ему отдать сейчас, а положил в свой ящик, но чрез минуту посмотрел в ящик и его уже там не было. Теперь он говорит, чтобы я отдал сейчас ему восемь рублей, а не то так он возьмет все мои вещи и еще пожалуется гувернерам, и они меня накажут со всею строгостию. Простите мне это. Я впредь уж никогда не буду чужих вещей брать, а когда и попрошу вперед, то буду сей час отдавать и со всею осторожностью. И прошу вас пожалуста пришлите мне денег хоть рублей десять, то я отдам ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма. Еще прошу вас, пришлите мне тулуп, потому что нам не дают казенного ни тулупа, ни шинели, а только в одних мундирах несмотря на стужу. И еще ежели б вы прислали жилетов хоть два. Здесь нам дают по одному жилету.

Между тем желая вам совершенного здоровья, остаюсь ваш послушнейший и покорнейший слуга

Николай Яновский.

1822 года,

7-го января.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Август 1822 г., Нежин.>

Дражайшие родители
папинька и маминька!

Извините меня, что я в первом моем письме не мог обстоятельно описать приезд мой сюда, причиною сему была скорость, с каковою я вам писал боясь не опоздать. Я теперь переведен в четвертый класс и, слава богу, учусь со всем старанием. Но меня беспокоит более всего ваше молчание и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вам писал. К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку. Но советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор уже приехал?

Я, слава богу, здоров и весел... немного грустно расставшись с вами да нечего делать, книги же пришлю по первой почте, как с<ко-

ро> пришлите мне деньги, потому ч<то> нечем будет заплатить на почту. Я и теперь позычил денег немного за письмо это, которое я к вам пишу; а потому прошу вас покорнейше прислать мне оных денег.

Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. А вы, дражайшая маминька, не позабудьте мне прислать припасов, которых вы обещались, и еще ежели можно бархату, потому что того не стало. Еще прошу меня известить о здоровье вашем, также и о моих сестрицах, бабушке.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ

<10 октября 1822 г., Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Извините, что столь долгое время не мог писать к вам, причиною сему было, что я опасно был болен. Но теперь уже почти выздоровел.

Учитель танцования и музыки будет к нам в последних числах сего месяца, и для того нам объявлено, что кто хочет учиться на каком-либо инструменте, должен писать, чтоб ему прислали оные инструменты, услышав что, и пишу, чтоб вы прислали мне скрипку, на которой я хочу учиться.

К нам прибыли множество новых воспитанников и пансионеров.

Прошу вас, дражайшие родители, при-

слать мне сколько-нибудь денег, потому что у меня они вовсе сошли, так что я найдусь принужденным занять да и займы достать негде, а мне надо ужасно, а особливо в теперешних моих обстоятельствах.

Также ежели б еще прислали чего-нибудь из съестных припасов, как маминька еще тогда обещались прислать сушеных вишен без косточек. Но мне хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это.

Впрочем с истинным почтением и преданностию

честь имею быть

вашим покорным слугою и

послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1822-го года,

Октября 10 дня.

Нежин.

**В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
<1823 г., 23 марта, Нежин.>**

Дражайшие родители,
папинька и маминька!

Уведомляю вас, что я благодаря бога здоров и стараюсь всеми силами учиться и вести себя хорошо. Я не знаю, отчего вы до сих пор ко мне не пишете. Между тем как я уже писал к вам три письма, и ни на одно из них не получил ответа, что меня крайне беспокоит. Сделайте милость не оставьте меня в сем беспокойном недоумении. Уведомьте меня о своем здоровье, которого вам желая навсегда остаюсь

вашим послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1823 года,

Марта 23-го дня.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
<1823 г., 3 октября. Нежин.>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Письмо ваше я получил 2-го числа и был им весьма доволен. Однако бы мне хотелось ежели б Федька приехал ко мне прежде. Прошу вас покорнейше не позабыть мне прислать Вестник Европы, о котором я вас просил в предыдущем, я вам его скоро возвращу. Что же касается о принятии мальчика в живописцы, то я вам посылаю записку живописца где он уведомляет, как и на каком положении он согласится его принять.

Иван Семенович возвратился из Орла, но на другой день уехал опять у Киев, и думают, что он пробудет там недели три. Денег же я у него не успел взять на заплату танцмейстеру, и я еще не начинал учиться танцевать, однако время не уйдет. Ежели вы только пришле-

те денег через Федьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно уметь танцевать. Однако же, папинька, не забудьте прислать всего того, чего я у вас просил, за что я вас буду благодарить. Да я и забыл вам напомнит п<r>о <1 нрзб.> вы, кажется, обещали мне прислать, еще знаете что, пришлите мне вишневого клею. У нас, я думаю, мальчишки собирали его.

Извините, что я так худо пишу. Это от непривычки, ибо я, по правде вам сказать, был болен, но теперь слава богу здоров и с трудом могу писать. Засвидетельствуйте мое почтение дедушке, бабушке, также всем родным. Я же с истинным почтением и преданностью честь имею быть вашим покорным слугою и послушнейшим сыном.

Н. Гоголь-Яновский.

1823-го года,

Октября 3 дня.

Нежин.

В. А и М. И. ГОГОЛЯМ
<Ноябрь-декабрь 1823 г.
Нежин.>

Дражайшие родители,
папинька и маминька

Уведомляю вас, что нас будут распускать на праздник Р. Х. и для того прошу вас покорнейше или самим приехать, как папинька говорил, что он будет сам скоро, а ежели вы не приедете, то пришлите за мною, ибо вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздник, или лучше сказать зимою никогда не был дома и для того прошу вас покорнейше приехать за мною. Я однако ж надеюсь, что вы исполните мою просьбу.

Я трудился долго и наконец успел нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что начал и можно сказать, что стоит чего-нибудь. Ежели б вы их повидели, то верно бы не могли поверить, что я рисовал. Только жаль, что они

пропадут, ежели не будет рамок, ибо они все
рисованны на грунту и долго лежать никак
не могут и для того прошу вас покорнейше
прислать как можно поскорей рамки с стек-
лами. Я бы вам их так прислал, но никак
нельзя, ибо когда уже на месте чуть одна не
потерлась, то что б было с нею в дороге. Итак
прошу вас покорнейше заказать оные рамки:
две такие, чтобы имели в длину пол аршина с
вершком, а в ширину четверть аршина и пол-
тора вершка; другие две в длину на 3 четвер-
ти аршина, в ширину на пол аршина и два
вершка. Сделайте милость, дражайший па-
пинька, вы, я думаю, не допустите погибнуть
столько себя прославившимся рисункам.
Ожидая, что вы мне их пришлете в скорости
и что вы пришлете за мною 20-го декабря,
остаюсь

вашим послушнейшим и покорнейшим
сыном

Николай Гоголь-Яновский.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <11 декабря 1823 г. Нежин.>

Дражайшие родители!
Папинька и маминька!

Вы пишете, что не можно за мною прислать. — Ах! сделайте милость, пришлите за мною. — Нужды нет, что живёте в Кибенцах; мне с вами везде будет весело. Притом же погода к празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей просьбе! и осчастливьте своего сына, который с истинным почтением и преданностию имеет честь быть

вашим послушнейшим сыном

и покорным слугою.

Н. Гоголь-Яновский.

1823-го года.

Декабря 11-го.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
<22 января 1824 г. Нежин.>

Дражайшие родители
папинька и маминька.

Скрыпку и другие присланные вами мне вещи исправно получил. Но вы еще писали, что присылаете мне деньги на смычок, которых я не получил и не могу до сих пор узнать, почему они не дошли ко мне, или вы забыли или что-нибудь другое.

Извините, что я вам не посылаю картин. Вы видно не поняли, что я вам говорил, потому что эти картины, которые я вам хочу послать, были рисования пастельными карандашами и не могут никак дня пробыть, чтоб не потереться, ежели сейчас не вставить в рамки. И для того прошу вас и повторяю прислать мне рамки такой величины, как я вам писал, т. е. две таких, которые бы имели $3/4$ аршина в длину и $1/2$ в ширину [ширины], а

одна такая, которая бы имела $1\frac{1}{4}$ длины и $\frac{3}{4}$ ширины, да еще маленьких две $\frac{1}{4}$ и 2 вершка длины и $\frac{1}{4}$ ширины. [Далее начато: то только бы ск<азали>]

Посылаю вам при сем Вестник Европы в целости и прошу вас покорнейше прислать мне комедии, к.<ак> т.<о> Бедность и благородство души, Ненависть к людям и раскаяние, Богатонов или провинциал в столице. И еще ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости.

Также ежели можете, то пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пиеса у нас будет представлена Эдип в Афинах, трагедия Озерова. Я думаю, дражайший папинька, вы не откажете мне в удовольствии сем и прислать нужные пособия. Так ежели можно прислать и сделать несколько костюмов сколько можно, даже хоть и один, но лучше ежели бы побольше, также хоть немного денег. Сделайте только милость, не откажите мне в этой просьбе. Каждый из нас

уже пожертвовал что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу.

Уведомляю вас, что я учусь хорошо, по крайней мере сколько позволяют силы. Вы пишете, что я вас не извещаю о том, что у нас делается и случается со мною. Позвольте мне вам сказать, что мне бы самому очень бы было любопытно знать, что делается как с вами, так и с посторонними лицами. Например, к величайшему моему сожалению узнал я о смерти Василия Васильевича Капниста. Но вы мне об этом ничего не сказали. Как будто бы еще о сию пору я ребенок и еще не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положиться. Я думаю, дражайший папинька, ежели бы меня увидели, то точно бы сказали, что я переменялся как в нравственности, так и успехах. Ежели бы вы увидели, как я теперь рисую (Я говорю о себе без всякого самолюбия).

Машиньку вы отдали в пансион или нет? Что делает Анинька и Лизанька? Надеюсь, что вы на это мне дадите ответ. Ожидая ж

Оного, остаюсь вашим послушнейшим и искренно Вас любящим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

1824 года,

Генваря 22-го.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
<1824 г. 30 марта. Нежин.>

Дражайшие родители,
папинька и маминька!

Долгое молчание ваше удивляет меня, не знаю, какая тому причина. Месяца три не получаю от вас известия. Это повергает меня в горестное уныние. Я начинаю думать, не случилось ли вам какого несчастья (чего сохрани бог). Ради бога не терзайте меня сим печальным недоумением. Утешьте хоть двумя словами искренно вас любящего сына

Николая Гоголь-Яновского.

P. S. Я с нетерпением ожидаю присылки тех вещей, о которых я вас просил. Прошу вас покорнейше прислать мне для рисования тонкого полотна несколько аршин.

1824 года,

Марта 30 числа.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
1824-го года, июня 13 дня.
<Нежин.>

Непонятным для меня кажется ваше молчание. Или вы не получили письма моего; или другие посторонние обстоятельства удерживают вас.

Мне бы очень хотелось иметь ответ на прежнее мое письмо; хотелось бы услышать от вас самих о скором нашем свидании, или по крайней мере мог бы быть двумя строчками, которые для меня сократили бы медлительность моего ожидания, успокоен [Было: или по крайней мере двумя строчками ~ быть успокоен. Затем вписано: мог бы быть].

Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предпримем; о радостном нашем свидании; о удовольствиях которые я буду вкушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? верьте, любезные родители! что вся

так сказать жизнь моя основанна на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий. — Итак надеюсь, вы ускорите письмом вашим. Но правда теперь уже его не нужно, я и позабыл, что ныне 13-е июня и что чрез 10 дней вы пришлите за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23 выедем отсюда; как бы я желал скорее. — Г-н Баранов и Данилевский с нетерпением ожидают вместе со мною каникул. Ежели вы будете присылать за нами, то пожалуста пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте коляску с зонтиком, в случае дождя чтоб нам спокойно было ехать, не боясь быть промоченными. Я думаю, папинька не забыл сделать того, о чем я его просил, именно для меня лошадку. Еще сделайте милость, пришлите нам на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоянных дворах, несколько книг из Кибинец; будьте уверены, что мы их привезем такими, какими они будут нам врученны. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием: Собрание

образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах, за что мы будем очень благодарны.

Я уже почти собрался, уклал всё свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени: уже вижу всё милое сердцу, — вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псёл, мерцающий сквозь лехкое покрывало, которое я сброшу, наслаждаясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей.

Время не позволяет более писать; мы теперь приготавливаемся к экзамену.

Прощайте! дражайшие родители, прощайте, по недолго. Скоро мы увидимся, и сия радостная мысль наполняет мою душу [душу нашу] восторгом. Скоро вы увидите у ног своих благодарного сына,

Н. Гоголь-Яновского.

P. S. Прошу вас прислать мне денег десять

рублей, которые мне следует получить. Еще раз, оне теперь мне пренужны, ибо мне надо расплатиться и купить еще красок для рисования.

**В. А. ГОГОЛЮ и М. И.
ГОГОЛЬ**

<1 октября 1824 г., Нежин.>

Дражайший папинька!

Письмо ваше получил я 28 сентября. Весьма рад, находя вас здоровыми; за деньги вас покорнейше благодарю. Вы писали мне про стихи, которые я точно забыл: 2 тетради с стихами и одна Эдип, которые, сделайте милость, пришлите мне скорее. Также вы писали про одну новую Балладу и про Пушкина поэму Онегина; [Далее начато: которая] то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать. Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите.

Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то по вашему обещанию прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен.

Между прочим прошу вас еще: нельзя ли

каким-нибудь образом достать Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе, ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах, с тем только чтоб на время, и я вам в чистоте их пришлю переписавши.

Еще прошу уведомить меня — не приедете ли вы в Нежин когда-нибудь посетить нас и осчастливить меня своим присутствием.

Прощайте, дражайший папилька!

Ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

Дражайшая мамилька!

Позвольте, дражайшая мамилька! позвольте поздравить вас с днем ангела вашего, с сим блаженнейшим днем для каждого нежного и благодарного сына. Ваша родительская любовь и нежность, ваши благодеяния, ваши о мне попечения, — всё сие побуждает меня

приняться за перо, чтоб изъявить вам свою благодарность. Но к несчастью оно столь не твердо силы мои так слабы, а о благодарности я и думать не могу: она ничто иное есть, как слабая тень в сравнении со всем тем, что я вам должен. Но если не имею возможности воздать вам более, если мои силы не позволяют сделать того, если уже и мой ум отказывается от сего; то всякой бы на моем месте пришел бы в отчаянье, бросил бы с досады перо и не захотел более ломать голову над тщетным. Но я знаю, что вы и сие малое мое желание примете с искренним удовольствием, и тем вознаградите меня боле всего, могущего прельстить взоры другого.

Итак желая вам, дабы вся жизнь ваша была безмятежна, исполненна всеми возможными радостями, короче сказать, чтобы вы всегда были здоровы, благополучны и вечно веселы, остаюсь

вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголь-Яновский.

1824-го года.

Октября 1 дня.

Нежин.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
<19 октября 1824 г. Нежин.>

Дражайшие родители
папинька и маминька!

С неизъяснимым удовольствием получил письмо ваше, которое меня чрезвычайно обрадовало, особливо потому, что я скоро буду видеться с вами. И для того мне осталось только мне написать, когда можно отсюда выехать, а как я надеюсь, что зима теперь будет хорошая, то и прошу прислать за мною 16-го декабря потому что распускать нас будут 18-го числа.

Прошу вас еще прислать мне синего сукна на мундир, или здесь пускай куплят, [сошьют и куплят] потому что у меня о сю пору тот мундир, тот самый, что был на каникулах. Он совсем теперь не может на меня налезть, — так сделался мал, притом весь почти в дырах.

В ожидании радостнейшего свидания,
остаюсь вашим покорнейшим и послушней-
шим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1824-го года.

Октября 19-го дня.

Нежин.

М. И. ГОГОЛЬ
13-го генваря. 1825-го года.
Нежин

Приехал сюда преблагополучно и 12-го числа по полудни очутился в Гимназии. Езда моя хотя была невыгодна, по той причине, что люди позабыли взять из дому всё, что весьма нужно для дороги, как то: для обеда и проч. — приехал я как раз в срок, ни поздно, ни рано.

Прощайте, дражайшая маменька. Я весьма беспокоюсь о вашем здоровье. Дай бог, чтоб оно поправилось и вы наконец совершенно были здоровы. Между тем прошу вас, маменька, писать ко мне почаще, это одно только услаждает разлуку с вами, я буду стараться писать к вам почаще. — До следующей почты!

Ваш покорнейший и любящий вас сын

Н. Гоголь-Янов<ский>.

На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ <Март 1825 г. Нежин.>

Папинька! и маминька!

Получивши ваше письмо, весьма огорчился, особливо услышавши, что вы, дражайший папинька, весьма нездоровы (Я уже не думаю о праздниках, потому знаю сам, никаким образом нельзя теперь ехать). Когда бы только папинька выздоровел, то я уже доволен. При том же всё-таки буду скоро с вами видеться: до каникул уже не далеко (а почему знать, может быть, и до Христова праздника).

Прошу вас, дражайший папинька, прислать мне к праздникам хоть несколько книжек на прочот, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужась, я сам не знаю, что делать. Вообразите себе сидеть одному, поджавши руки и повеся голову, хоть кому придет тоска поневоле. У нас почти все порозъезжались, кроме тех, которые из самых дальних мест.

Да еще пришлите пожалуста деньги портному, который мне каждый день надоедает. Вы не поверите, как страшно иметь заимодавца. Я ему должен за пошитые сертука 10 рублей. Также ежели можно прислать мне сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провианту.

Итак прощайте, дражайшие родители. Я ожидаю известия. До того, целуя ваши ручки, остаюсь

вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголь-Яновским.

Прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Дмитриевне, также всем родным.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ
1825-го года, 18-го марта
<Нежин.>

Итак позвольте вас во-первых поздравить с наступающим праздником и вместе с желаньем провести оный как нельзя лучше. Благодарю вас покорнейше за присылку мне денег и за наставление, которое вы мне сделали. — Но, дражайшие родители, позвольте вам сказать, что я не имею ни одной из тех склонностей, об которых вы мне писали, или по крайней мере ни к одной не имею пристрастия. — Позвольте еще вас просить а особливо, нельзя ли мне прислать несколько полотна. Письмо же сие пишу чрез Петра Александровича Баранова, который, надеюсь, сам привезет к вам. Может быть, дражайший папинька, не пришлете ли мне какие вещи, или что-нибудь чрез его, особливо по возвратном пути его в Нежин.

Также еще нельзя ли мне (извините, что несколько раз тревожу вас прошением) при-

слать на праздник несколько книжечек для препровождения времени, а особливо когда здесь бывает ужасная скука в это время. Хотел бы вам <прислать> несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами, но некоторые из них еще не dokonчены, а другие боюсь чтоб не потерялись дорогою, потому что рисовка их весьма нежна.

Еще я думаю, что вы мне пришлете к празднику несколько съестных припасов. Вы не знаете, как они были бы мне полезны в этом случае.

Итак прощайте, дражайшие родители!

Желая вам провести сии праздники как можно лучше, а между тем <остаюсь> ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

Нежин.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года апреля 23-го
дня. Нежин

Не беспокойтесь, дражайшая маминька! Я сей удар перенес с твердостью истинного христианина.

Правда я сперва был поражен ужасно сим известием однако ж не дал никому заметить, что я был опечален. Оставшись же я наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою. Но бог удержал меня от сего — и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в легкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения ко всевышнему.

Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утolenия своей горести! [Далее начато: Правда] Так дражайшая маминька! я теперь спокоен — хотя не могу быть счастлив: лишившись луч-

шего отца, вернейшего друга всего драгоценного [и всего драгоценного] моему сердцу. Но разве не осталось ничего, что б меня привязывало к жизни? Разве я не имею еще чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может мне заменить и отца и друга и всего что есть милее, что есть драгоценнее?

Так я имею вас и еще не оставлен судьбою. Вы одни теперь предметом моей привязанности; одни которые можете утешить печально, успокоить горестного. Вам посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждые минуты. Сделаю всё то, что может сделать чувствительный, благодарный сын. Ах, меня беспокоит больше всего ваша горесть! Сделайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, так, как я уменьшил свою. Прибегните так, как я прибегнул, к всемогущему. Зачем я теперь не с вами? вы бы были утешены. Но через полтора месяца каникулы — и я с вами. До тех пор уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте что с вашим благополучием соединено благополучие и вашего сына,

который с [Далее начато: не<жною?>] почитением и нежною любовью к вам пребывает

Николай Гоголь-Яновский

P. S. Напишите, дражайшая маминька, ко мне: здоровы ли [что делают] мои сестры? здоровы ли маленькие сестры, [здорова ли Машинька, Анинька, Лиза, Таня и наконец Олинька] что они теперь делают, чем занимаются, перецелуйте их за меня, скажите им, что через полтора месяца приеду к ним. Поцелуйте за меня бабушку, почтеннейшую Анну Матвеевну, скажите, что я ей обязан более нежели жизнью. Она утешает и возвращает мне мать мою! Да еще напишите мне, дражайшая маминька: Машинька дома ли? или в пансионе. Ах, мне бы весьма желательно было ее увидеть на каникулах.

С нетерпением ожидаю ответа. Сделайте милость напишите мне поскорее, как можно поскорее, по следующей почте. Каждая минута просрочки меня будет мучить.

Еще P. S. Ежели я вас этим не побеспокою и ежели вы можете, то пришлите мне 10 рублей на книгу, которую мне надобно купить, под заглавием Курс российской словесности, ибо у нас ее проходят. На свои нужды мне ничего не надобно.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года, 24-го апреля
<Нежин.>

Извините моему нетерпению дражайшая маминька! Вообразите мою досаду. Письмо, которое я написал вчера, о сию пору не отправлено по той причине, что человек еще не едет. А между тем я мучусь каждый день об вас, мне всё представляется, что вы теперь в величайшей горести. Ах маминька! я вам говорю и повторяю, что я спокоен — что мое спокойствие зависит от вашего. Сделайте милость, не печальтесь, пожалейте нас несчастных сирот, которых всё благополучие зависит от вас. Пожалейте, говорю, не расстраивайте нашего последнего счастья. Ах чего б я не сделал чтобы быть теперь с вами. Мое нетерпение увеличивается, мне хочется вас видеть, слышать, хочется говорить с вами, но странство [Далее начато: (Ах бесчеловечное)] разлучает нас. Говорите хотя со мною письменно! Сделайте милость, скорее только пишите, прошу вас, умоляю. Ах вы не знаете, в

каком беспокойстве теперь я нахожусь. И днем и ночью мысли об вас наполняют мою душу. Я с нетерпением ожидаю вашего письма, по первой же почте. Как для меня долго это время. [Далее начато: Ах]

Когда бы приходили скорей каникулы. Но они удаляются от меня, они смеются моей горести. Маминька! пощадите хоть вы ее.

Я папинеке хотел было прислать несколько своих сочинений. Также своего рисования картинок. Но... ему не угодно было их видеть. Я не знаю, прислать ли мне вам их и примете ли вы милостиво [милостиво вписано.] первые плоды ваших родительских обо мне попечений [плоды вашего воспитания]. Уведомите меня о домашних делах и о тому подобных происшествиях. Сделайте милость, наполните несколько страничек вашего драгоценного письма, чем больше тем лучше.

Еще хотелось бы говорить с вами, <но> не о чем и нечего. Сердце мое теперь так стеснено, что едва могу владеть пером.

Прощайте во второй раз, дражайшая маминька, до первой почты.

Н. Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года 26-го мая.
<Нежин.>

Сделайте милость, дражайшая маминька, успокойте меня хотя одною строчкою; пожалейте обо мне! Вы не знаете, что причиняете мне своим молчанием, вы не знаете, что отравляете каждую минуту мою жизнь. Ежели бы вы меня увидели, вы бы согласились, что я совсем переменялся. Я теперь можно сказать совсем не свой, бегаю с места на место, не могу ничем утешиться, ничем заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновение, бегаю на почту, спрашиваю: есть ли хоть малейшее известие, но вместо ответа получаю — нет! и возвращаюсь с печальным видом в свое ненавистное жилище, которое с тех пор мне опротивело, вы не знаете, что это несносное нет наносит мне боязнь неизъяснимую. Печальные мысли наперерыв теснятся в моей голове и не дают мне ни минуты насладиться спокойствием.

Сделайте милость, я вас прошу, молю, заклиная всем, что есть свято, что осталось еще любезным для вашего сердца, заклиная вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас; отвечайте мне, не мучьте меня мрачною неизвестностью. Пожалейте своего несчастного сына; несчастного оттого, что он теперь находится в самом горестном состоянии. Он не знает об вашей участи. Одна только мысль меня немного подкрепляет, немного утешает горестного: скоро каникулы, и я увижусь с вами, тогда-то я вас утешу. Впрочем я не знаю, можно ли так печалиться, как вы. Правда я не отвергаю ее, вы должны печалиться, но не так, в какой печали находитесь ныне. Вы знаете [Вы знайте] я думаю и то, что у вас есть еще большая обязанность, есть дети, которых ваша малейшая горесть приводит в отчаяние. Так, дражайшая маминька, утешьтесь хоть немного, живите для нас, верьте, что вы никогда не будете иметь огорчения. Мы постараемся усладить, сколько можно, вашу драгоценную для нас жизнь.

Я писал вам письмо чрез людей г-на Бара-

нова и не знаю, получили ли вы его? Теперь посудите о моем отчаянии не получая о сю пору ответа, между тем приближается время каникул и не знаю, буду ли я счастлив или самым несчастливейшим человеком. Никогда еще мне не хотелось так видеть каникул, как теперь. Я вам говорю, что ежели я вас не увижу, я не знаю тогда на что решусь. Ежели же не получу ответа на это письмо, то сие молчание будет самый ужасный для меня признак. Тогда-то я прибегну к отчаянию, и оно-то даст мне средство, как избавиться от сей мрачной неизвестности.

Теперь вы видите, что от одного вашего слова зависит счастье и несчастье вашего сына.

Каникулы у нас начнутся с 20 июня, следовательно за мною надо присылать 18 июня. — Между тем я ожидаю от вас с нетерпением, час от часу увеличивающимся, драгоценных для меня строк, которые возвратят жизнь несчастному вашему сыну, которые, как целительный бальзам, прольют отраду в

изнывшее сердце [в мое сердце].

Не знаю, что делается теперь дома, вы не известили меня ни о сестрицах, ни о чем другом. Я думаю всё переменялось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам Родины, и теперь она еще вдвое драгоценнее для сердца горестного.

Извините, дражайшая маминька, что я теперь пишу и без связи, и без разборчивости: я вам объявил причину.

Всемигнута ожидая ответа,

остаюсь вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголем-Яновским.

М. И. ГОГОЛЬ

**1825-го года, месяца июня 3.
Нежин**

Вы не поверите, дражайшая маминька, как меня обрадовало ваше письмо, которое вы писали к г-ну Баранову [через г-на Баранова]. Известие, что вы в совершенном здоровье, как отрадный луч, проникло в мою душу; впрочем мне весьма бы хотелось иметь от вас письмо собственно ко мне. Вы не знаете, как я после этого вашего молчания, долгого и крайне для меня мучительного, жажду каждой вашей строчки. — Мне бы весьма хотелось знать, где вы теперь живете и в самом ли деле спокойны так, как доказывает ваше письмо.

Я не знаю, может быть я вас потревожил предыдущим письмом, но этому виной было ваше мучительное для меня молчание, которое ввергнуло было меня в некоторый род отчаянья. Ужасные мысли беспрестанно представлялись моему расстроенному воображе-

нию. — Но теперь я совершенно успокоился. — Теперь мое всё желание состоит в том, чтобы вы были совершенно здоровы. Я горю нетерпением вас видеть скорее. — Слава богу время скоро приближается: теперь 3-е число июня, и я в радости твержу себе беспрестанно, что в этом же самом месяце я увижусь с вами, и это самое заставляет меня забывать все горести. Экзамен у нас начнется 15-го июня, в нашем классе кончится 17-го, и я 18-го могу уже ехать.

Жаль, что г-н Баранов теперь едет вместе с г. Забелою; следовательно уже не будет более ездить с нами. Итак нас теперь будет двое: я и г. Данилевский. Присылать же за нами надобно так, чтоб уже к 18 числу лошади были в Нежине, ибо сего числа мы выедем.

Еще прошу вас, дражайшая маминька, распорядить так, чтобы нам не зае^зжать в Кибенцы, ибо платья у меня совсем нет кроме того, которое на мне. А присылать за нами прошу, ежели можно, желтою колясочкою, маленькою, которая как раз будет способна к

нашему путешествию, потому что весьма легка, мало надо лошадей, и мы можем поспеть гораздо скорее, нежели какую-нибудь огромною бричкою.

Так, дражайшая маминька, я вас скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслию, и теперь собираюсь привезть вам какой-нибудь подарок. Но знаю, что вам не может быть подарка лучшего, приятнейшего, как привезть вам, сердце доброе, пылающее к вам самую нежную любовь какую только может внушить благодарность к добродетельно-нежной матери. — Но смею вам сказать, что я приобрел уже довольно и других качеств, которые, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработал-таки свои понятия, которые сделались гораздо проницательнее, дальновиднее. — Ежели могу я вам угодить ими, тогда почту себя самым благополучнейшим человеком. Притом я постараюсь к вам привезть несколько своих произведений, также хорошеньких картинок своей работы: дары скудные, но они от чистого сердца, и их приносит нежный, чувствительный сын.

С нетерпением ожидая каникул и вашего письма, которое надеюсь получить сей час по прочтении сего письма,

остаюсь вашим послушнейшим

и покорнейшим сыном

Гоголь Яновским.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года. Июня 10-го
числа. <Нежин>

Письмо ваше, дражайшая маминька, (писанное 24 мая), я получил 3-го июня и спешу отвечать вам. — Я не знаю, получили ли вы прежние два письма, которые я к вам писал одно последних чисел мая, а другое первых июня. Вы не поверите, дражайшая маминька, какое удовольствие принесло мне ваше письмо, но вместе с ним я не мог не быть растроган, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имеете к вашим детям, но ваши слова: что вы уже более для себя и для мира сего не живёте, что, может быть, я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам, слова сии поселили печальные предчувствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться

на всевышнего, в руке которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь в сем мире и ежели не так, как предназначено всякому человеку, по крайней мере буду стараться сколько возможно быть таковым.

Благодарю вас покорнейше, дражайшая маминька, за деньги, которые вы мне прислали и которые мне были нужны.

В рассуждении каникул я вам писал, что за нами надо присылать так, чтобы 18 или 19 лошади были уже здесь, потому что мы 20 или 21-го июня непременно выедем. — Также я вам писал, чтобы в Кибенцы не езжать, потому что у меня платья совсем нет, кроме того, в котором хожу повседневно. Также еще я просил вас, маминька, чтобы вы за нами, ежели можно, прислали маленькою желтинькою коляскою, которая тогда, как я был, поправлена была в Кибенцах. И которую, ежели можно, прислали бы с зонтиком. Еще просил бы у вас, дражайшая маминька, прислать на дорогу несколько книг каких-нибудь новых и

хороших, оттого что дорогою будет нам ужаснейшая скука, не делавши ничего.

С нетерпением ожидаем теперь каникул. Данилевский, как уже вы знаете, хотел было <ехать> теперь, но его удержали до экзаменов. Чему я весьма рад, оттого что мне бы ужасная скука была ехать одному.

Прощайте, дражайшая маминька, до радостнейшего свидания.

Ваш послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года, августа 15-го.
Нежин

Итак я уже на месте, то есть приехал как нельзя лучше в Нежин, и в самую пору, ни поздно, ни рано, а так, как было должно. Иван Семенович Орлай еще и не собирался ехать в С. Петербург, оттого что, по его словам, не получил о сию пору разрешения от министра и не знает ничего, что еще его ожидает. Я не знаю, маминька, справедлива ли весть, что ему в С. Петербурге есть место генерал-штаб-доктора, и ежели точно справедлива, то вы напишите ко мне; здесь никто и сам он о сем ничего не знает.

Рыбы, по Андрея Андреевича записке, не нашли. Каракатиц нет, а купец Стефанеев говорил, что ежели надо сколько, так он может выписать из Одессы в весьма скором времени. — Сделайте милость, пришлите мне ту книгу, которую я забыл и которую мне весьма [весьма вписано.] надо, а особливо пото-

му, что она казеная. Вы, я думаю, ее помните. Она не так толста, в голубой бумажке, под заглавием: Опыт о русском стихосложении, А. Востокова. — Еще сделайте милость, пришлите мне адрес Данилевского как можно поскорее.

После вам напишу за кисти и за краски, каким образом это сделать, а теперь я еще не распросился об этом да и не успел. Прощай<те>, дражайшая маминька. Дай бог вас видеть здоровыми и счастливыми, чего вам желая и о чем моля бога, остаюсь вашим послушнейшим сыном

Николаем Гоголь-Яновским.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
1825-го года, августа 17
числа, Гимназия

Ты не поверишь, как я был раздосадован, узнавши, как ты был в Гимназии и мне не удалось тебя видеть. А мне бы весьма хотелось тебе порассказать и пересказать много разных разностей, из коих некоторые для тебя были бы довольно важны и занимательны. Ты не знаешь, теперь я осветился новыми знаниями и новыми сведениями о нашем любимом С. Питере. Не знаю, придешь ли ты сегодня к нам или лучше напиши, могу ли я теперь тебя застать дома — то я сам к тебе приду.

Прощай.

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года, сентября 30-го
дня. <Нежин.>

Извините меня, дражайшая маминька! виноват, право виноват! не писавши столь долгое время. Не знаю, чем даже оправдаться, попросту сказать — ленью. Однако надеюсь, что это последний раз.

Я говорил с профессором живописи о моем предприятии, именно — продолжать писание масляными красками. Он берется на себя доставить некоторые вещи, как-то: кисти и часть красок, остальные могу искупить здесь. Следовательно деньги 50 рублей должно прислать в начале октября, чтобы не опоздать занятиями.

Позвольте поздравить вас, дражайшая маминька, с приближающимися вашими именинами, с которыми желаю, чтобы для вас началось благополучие и счастье.

Мне весьма жаль [весьма жаль дражайшая маминька] что не отыскалась книга, о которой я говорил: у меня ее спрашивают. Я советовал бы еще посмотреть ее в угольном столике в столовой. Ее можно узнать по голубой обертке; заглавие: Опыт о русском стихосложении.

Не знаю др<ажайшая> маминька, что бы вам сказать о наших происшествиях: нового у нас так мало, примечательного и того менее; притом мы живем теперь совершенно в глуши, никто не посещает наш бедный Нежин. Скажу вам только, что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро) в Одессу, в тамошний лицей.

Вы видите теперь сами, что совсем почти нет ничего нового. Мы совершенно, так сказать, в другом мире, старом и забытом. Я только как-то и оживляюсь вашим письмом, которого я теперь ожидаю с нетерпением. Надеюсь, что вы меня известите о нашем крае хоть немного, но: родной и дым приятен.

Прощайте, маминька, до следующего письма.
ма.

Н. Гоголь-Я.

Деньги, которые вы мне присылаете, следуют таким образом.

После каникул ----- 15 получил

Перед Покровом б.<ожьей> матери, 1-е октября ----- 10 '

Перед рождеством ----- 10 '

Перед масленной ----- 10 '

Перед воскресением Хри<стовым> ----- 10 '

Перед Зеленою неделю ----- 10 '

Перед каникулами ----- 5 '

Итого ----- 70 '

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года, 13 октября.
<Нежин.>

Позвольте, дражайшая маминька, и вас немного попенять за молчание. Я уже два письма писал к вам, из коих одно чрез Егора Ильича г-на Бажанова, и не знаю, получили ли вы. — Также позвольте мне просить вас о присылке за мною на Рождество, тем более, что я имею много кой-чего сказать вам, которое весьма интересно, как для вас, равным образом и для меня; но обстоятельства, пространство письма и другие особенные причины не позволяют мне объявить вам теперь. — Надеюсь, дражайшая маминька, что вы не откажете в сем желании сильно вас любящего сына. Кроме того, я имею многие основательные причины, которые заставляют меня ехать домой; равным образом и обстоятельства такие, которые весьма будут полезны для меня по возвращении обратном в мою Гимназию. Но более всего побудит вас еще, [Было начато: но всего боле побуждает меня

еще то] что профессор физики и химии, по прошению Димитрия Прокофьевича, обещался приехать к нему на Рождество. Итак вы сим сделаете удовольствие не только мне, но и Дим.<итрию> Проков.<ьевичу>. О присылке за мною вы можете сделать условие с родителями Данилевского и Баранова, которые также хотят прислать за ними. Следовательно экипаж надо побольший для четырех.

Прощайте, маминька! Изъявите почтение всем моим родным и не забудьте просьбы нежно вас любящего сына, который с нетерпением желает видеться скорее с вами!

Н. Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ
1825-го года октября 23-го
дня. <Нежин.>

Письма ваши и деньги, присланные вместе с ними, получил и спешу писать к вам, тем более, что почтеннейший Егор Ильич, чрез которого я вам вручаю сие письмо, сей час едет; итак постараюсь сколько возможно скорее уведомить вас о вещах, на которые вы требовали скорейшего ответа. Во-первых о книгах я потому не писал к вам так долго, что ожидал ответа от одного моего товарища, которые я ему выезжая вручил и который уехавши о сю пору не приезжал. В рассуждении же сочинения скажу вам, что я его не брал, но оно осталось между книгами в шкафу. Но это небольшая беда, ежели оно и точно пропало, я постараюсь вам вознаградить новым и гораздо лучшим.

Деньги 50 рублей я также получил и употребил их с пользою.

Прощайте дражайшая маминька. Писать более не успеваю.

Ваш послушный нежно-любящий вас сын

Н. Гоголь-Яновский.

Прошу засвидетельствовать почтение бабушке и всем родным, поцеловать за меня сестриц.

На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской в Кибенцы.

М. И. ГОГОЛЬ
Декабря 2-го дня, 1825-й.
Нежин

Получивши почтеннейшее письмо сего 2-го декабря, спешу немедленно отвечать. Во первых благодарю вас покорнейше за исполнение моей просьбы прислать за мною на Рождество. Не зная теперь, можно ли ехать на колесах, я думаю, что к празднику зима гораздо увеличится и будет довольно постоянная; следовательно не худо бы приискать экипаж санный гораздо поболее, чтобы можно было четверем удобно поместиться; ибо, как я вам прежде упоминал, и г-н профессор едет с нами. — Прислать же за нами прошу 16-го числа декабря. Прощайте, дражайшая маминька, до радостного свидания, которое, надеюсь, скоро настанет.

Нежно вас любящий послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

Р. S. Вы обещали мне для жилета голубой материи; пришлите теперь ее. Из тех денег, которые мне следуют пред Рождеством я заплачу за пошитье.

М. И. ГОГОЛЬ
1826-го года января 17.
Нежин

Поспел сюда вчера благополучно и спешу уведомить вас, дражайшая маминька. В замедлении моем ничего мне не стоило оправдаться; принят был, как самый добрый товарищ. Я теперь почти в совершенной радости, изредка только вспоминание об вас туманит светлое лицо мое, только что недавно видевшее вас. Извините, почтенейшая маминька, что не могу более писать, теперь столько хлопот, что я спешу как можно скорее окончить письмо. До следующей почты.

Ваш сын Николай Гоголь-Яновский.

На обороте: Милостивой государине Марьи Ивановне Гоголь-Яновской.

М. И. ГОГОЛЬ
1826-го года 21 апреля.
Воскресение Христово.
<Нежин.>

Первым долгом поставляю себе поздравить с наступившим праздником и желать вам провести онный гораздо лучше, нежели я, который на нем так соскучился, что с величайшим чистосердечием желает скорейшего окончания его. Вообразите, мы теперь живем в совершенном забытье: все разъехались, и я один почти как безумный бегаю по музеумам, попеременно заглядывая в окно, нет ли от вас какой родимой весточки... Не знаю даже, что делается у нас. Тут ходят вести, будто его высокопревосходительство Димитрия Прокофьевича приглашают в Петербург. Не знаю, правда ли это.

Теперь у нас уже конец апреля; почти через полтора месяца и каникулы, и я буду видеться с вами. Это немного развеселяет скучную мою угрюмость.

Я вас буду просить, дражайшая маминька, еще об снабжении меня деньгами. Я был еще перед Рождеством немного болен, и так как у нас не всегда хорошее содержание для больных, то и занял у г-на профессора; после опять случилось мне занять на разные книги, и теперь набралось всего на сорок рублей, а как денег не имею ни копейки, то и надеюсь единственно на ваше пособие. Вы можете прислать хотя из тех, которые мне следуют: от Рождества я должен был получить два раза, и не получал ни разу; теперь же, я думаю, вы не откажете мне в сей просьбе.

Напишите мне что-нибудь об хозяйственных делах. Я теперь сделался большим хозяином, умею различать хлеба и на каникулах покажу вам, где сено, овес, жито и прочее, и могу даже целый час спорить с житными паннами о посеве озимой гречихи [Типографическая ошибка, самая непростительная при моем великом знании. (Прим. Н. В. Гоголя.)]. Кстати об хозяйстве: продолжается ли у нас теперь постройка дома? работают ли в саду?

курится ли винокурня? Эти известия для меня весьма любопытны.

Глубокое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Дмитриевне, бабушке и всем родным. Сестре моей Анне Васильевне самое глубочайшее почтение и также всем маленьким.

Ваш послушнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Сделайте милость, пришлите Симону на шинель сукна.

М. И. ГОГОЛЬ
1826 года, мая 14-го дня.
<Нежин>

Странно и непонятно, каким образом не дошли мои письма к вам, дражайшая маминька! Мне было грустно, весьма грустно, слышавши, как вы обо мне беспокоились. Последнее письмо я отправил к вам на прошедшей неделе. Не знаю, каким образом оно так длило путь свой, хотя однако ж нельзя похвалить и исправность нашей почты: ваше письмо, писанное вами 14-го апреля, поспело сюда к 11-му маю, почти около месяца.

Благодарю вас, маминька, чувствительно за поздравление меня с именинами, также за посылку, а более всего за ваше необыкновенное обо мне попечение (которого я не заслужил, однако ж не теряю надежды заслужить его). Касательно моего здоровья, смело могу вас уверить, что я еще никогда не был в таком хорошем состоянии, как теперь: весел, радостен, скучен только в те минуты, когда

думаю об разлуке вашей со мною. Но мысль об скором свидании одна только теперь полнит мою душу. Близкие каникулы не выведутся из головы.

Аврам приехал сюда 14-го мая, сего самого дня, в который я пишу к вам, привез мне добрую весть об вашем здоровьи, которая согнала недобрые думы с лица моего; привез несколько мелочных новостей домашних, между которыми были некоторые для меня весьма важные, как-то о работе, производимой около дому и т. п.

Хорошая весна была у нас; думаю, теперь можно ожидать изобилия на фрукты. Я давно уже острою на них зубы, и эти каникулы увидят ужасное опустошение в нашем саду. Жаль только, что мне не достанется отведать клубники: отойдет к тому времени.

Иван Семенович свидетельствует свое почтение и приказал мне немедленно писать к вам, приговаривая, что вы обо мне беспокоитесь, а я о том совсем не думаю...

P. S. Честное слово писать к вам по два раза в месяц! пишите ж и вы ко мне чаще. Через полтора месяца каникулы. До радостного свидания!

М. И. ГОГОЛЬ
1826-го года [1825-го года.]
июня 4-го дня <Нежин>

Вы, верно, на меня сердитесь маминька: что до сих пор не отвечаете на письма мои. Сделайте милость простите меня! Я вам уже сказал, что это было в последний раз и с тех самых пор обещался писать к вам по два раза в месяц и твердо выполняю обещание.

Годичное испытание у нас давно началось и скоро кончится. Числа 18-го будет уже можно мне ехать. Полгода как не бывало! Я льщусь надеждою в этом месяце вас увидеть. Вы не поверите, маминька, с каким нетерпением я жду этого свидания. Не знаю, захотите ли вы мне сделать здесь платье, только в таком случае надо прислать за мною с деньгами гораздо ранее. Я спрашивал у Симона, можно ли у него теперь занять, но он божится, что у него нет и что его все деньги теперь на руках, которых он не надеется скоро получить, а у меня платья почти совсем нет.

На это письмо я еще ожидаю вашего ответа. После его, может быть, я еще буду писать через Баранова, который, как скоро кончится у них экзамен, едет на почтовых.

Не знаю, будете ли вы довольны, но только я намерен привезть вам кое-что, в засвидетельствование, что я не даром провел здесь протекшее полугодие. Ваше одобрение будет для меня лестною наградою.

Думаю, мои сестрицы очень подросли, горю нетерпением их видеть, особливо Анинька, я думаю, она совсем забыла меня [про меня]. Сколько новых радостей ожидает меня при свидании. Поверите ли, маминька, считаю, что один день остался до каникул, и это сближение так радует меня (в мечтах), что я часто сижу по целым часам у окна, поджидая знакомого экипажа.

Кланяйтесь Александре Федоровне, ежели она у нас. Мне всё так и представляется, что я застаю ее с вами, вы не знаете как я люблю

всех тех, которые любят вас и к которым вы привязаны.

Ежели угодно будет вам заказать [сд<елать>] мне здесь платье, то надо прежде 18-го прислать за мною в ожидании чего остаюсь вашим послушнейшим и до беспамяти вас любящим сыном

Н. Гоголь-Янов<ский.>

М. И. ГОГОЛЬ
1826-го года, июня 13-го дня.
<Нежин.>

У нас, где нет ничего постоянного, вздумалось г-ну директору отложить экзамен, и об этом только сегодня нас уведомили. Пишу к вам, ежели только письмо застанет экипаж невысланным, чтобы присылать уже не к 18-му, а к 22-му. Ежели же выслан с тем, чтобы сделать мне платье, то он выслан как раз в пору, потому что шить платье здесь будут по крайней мере дней пять.

Ваш послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ
<16 августа 1826 г. Нежин>

Милостивая государыня
маминька!

Приехавши сюда, за первый долг почел вас уведомить о благополучном конце моего пути, в котором, благодаря вам, я не имел ни в чем нужды, и желая вам здоровья и счастья во всем остаюсь вашим

покорнейшим и послуш<нейшим> сыном

Н. Гоголь-Яновский.

1826 г. 16 августа.

На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

М. И. ГОГОЛЬ
1826-го года августа 20 дня
<Нежин.>

В прошедшем письме моем я не мог ничего сказать вам кроме извещения о своем приезде, так я был озабочен встретившимися занятиями и другими обстоятельствами. Теперь же прошу вас (ежели только не будет вам в тягость) чтобы извещать меня о всем, что вы намерены предпринимать и что делаете касательно хозяйственного устройства. Это крайне не будет занимать меня. Бывши в таком отдалении от мест, к которым я привязан, я жажду их видеть хотя в письме вашем и надеюсь, что вы, так много любя меня, не откажетесь доставить мне это удовольствие тем более, что мне хочется самому быть в этом случае вам полезным. Особливо извещайте меня касательно построек, новых заведений и проч. и ежели нужно будет фасад и план то сделайте милость, известите меня немедленно и уже фасад будет непременно хорош, а главное, издержки будут самые малые (не так, как

дом приказчика я думал сначала), и фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан.

Приятно мне будет ежели вы мне будете поверять свои планы, мысли, также разные прожекты, новые изобретения и проч. и проч. и ежели будете принимать благосклонно и мои толки — похвалите за что-нибудь доброе и побраните за худое.

Также об каких-нибудь посторонних делах, случающихся в нашем округе. Говорил бы вам о своих, но совершенно ничего нет, всё пусто, и Нежин наш заснул в бездействии. О переводе моем в 8-й класс вы уже прежде знали; что я не застал здесь Орлая, тоже, думаю, знаете. Вот и всё.

Да, забыл вам сказать еще об одном деле и, думаю, весьма важном, а именно: когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепиц. Я не знаю, что может быть полезнее, как завести этаким завод. Крыша, ими укрытая, из-

держками не превышает соломенной, зато какая выгода в прочности. Черепичная крыша лет пятьдесят и более не требует подчинки, притом как красивы под нею будут строения, не надо никогда деревянной. Да притом и деревянная далеко ей уступает [и деревянной не уступит] в прочности и крепости. Под эту крышею конюшни, амбары, всё приняло бы другой <вид> и вековую несломаемость. Для стен и щекотурки я знаю один дешевый способ, который со временем объявлю вам, не знаю придется ли по мыслям, но за прочность ручаюсь.

Когда окончатся полевые работы и что вы предпримете по окончании их, прошу убедительно уведомить. Может быть, я моими просьбами наскучаю вам, почтеннейшая маминька. Но, зная вашу снисходительность и великое обо мне попечение, я надеюсь, что вы согласитесь принять просьбу сына, любящего вас более всего, для которого вы одни веселье.

Н. Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ

**Сентября 10-го 1826-го года.
Нежин**

Любопытны и занимательны были для меня ваши известия, я как бы участвовал во всех ваших заведениях и постройках, по крайней мере мысль моя была там. Читая письмо ваше, я был с вами, тронуло меня весьма ваше материнское наставление, и я поклялся в сердце всегда следить ему. — Но только я не заметил в себе поступка [того поступка], заслужившего упрёк ваш. Я всегда любил родственников своих какого бы они ни были звания, никогда не чуждался. Быть может, неумышленное вы приняли за действительное.

Между многими известиями, ценными для меня, я с радостью увидел, что вы некоторые мои предположения нашли полезными. Вы пишете, что строится птичий домик. Бывши дома, об этом я не слыхал. Ежели что надобно, фасад или план, пишите ко мне.

Уведомите, когда его высо<ко>пре<в>. [его высо<ко>пре<в>. вписано.] Дмитрий Прокофьевич будет у нас, что он там найдет хорошего, что ему понравится, мне с нетерпением хочется знать мнение великого человека, даже о самых маловажных; сделайте милость, маминька, не пропустите ничего. Большое вы дадите мне удовольствие.

Я отыскал план и фасад нового дома, который я еще рисовал при папине. Посылаю вам их, они сниманы без масштаба, без исправности, но ими можно пользоваться, когда нет другого, и особенно касательно наружных украшений. Один фасад представляет передний вид дома, другой задний, при них приложенный план показывает расположение пристроек, он, я думаю, вам будет нужен в это время.

Извините, что теперь не могу прислать узора, он еще не кончен, по следующей почте вы получите. Мне совестно перед Ольгой Дмитриевною, что я так долго его задержал.

Директор наш уже отправился в Одессу. Теперь мы одни. Однако ж теперь всё приняло другой порядок. Пансион наш приметно начал улучшаться: стол теперь сделался у нас прекрасный, и этим всем обязаны мы нынешнему нашему инспектору.

Вы пишете, чтобы я вам к Рождеству привез что-нибудь из сочинений своих. Время еще далекое, однако ж постараюсь заготовить.

Уведомите меня, когда у нас начнут курить водку и что по тогдашним ценам будет стоить ведро. Успешно ли у нас винокурение и приносит ли доход.

Не знаю, ежели теперь тетинька [тетинька вписано.] Варвара Петровна у нас, то свидетельствуйте мое почтение. К Дмитрию Проковьевичу постараюсь написать; только не знаю, когда его высок.<опрев.> именины [его именины]: вы не написали, 26-го ли сентября или октября.

Прощайте, почтенейшая, любезная маминька. Не забудьте отписать к любящему вас до беспамяти сыну

Н. Гоголь-Яновскому.

М. И. ГОГОЛЬ
1826 года, сентября 30-го
дня. <Нежин.>

Посылаю дорисованный мною узор. Сделайте милость, почтеннейшая маминька, извините меня перед тетинькою [тетинькою вписано.] Ольгою Дмитриевною, только не знаю, может ли что меня извинить. Хотя я не так виноват еще; видно, несчастье удел мой: приехавши сюда, я тот же час бросился доканчивать его, вы сами видели, что дома я не имел ни красок, ни кистей, но я хотел сдержать свое слово, теперь же вообразите мое несчастье: я рылся везде в своих бумагах и не нашел его, считал уже пропавшим, но после, незадолго до получения письма нечаянным образом его отыскал и ту же минуту бросился его докончать, не спал ни ночей, ни дня, по неумению своему (по канве я в первый раз рисую) изорвал три рисунка, покуда [покудова] кончил один. Не причислите это к беспечности, почтеннейшая маминька; нет, я теперь постановил себе за правило, что должно

сделать, делать тот же час, не откладывая. Я думаю теперь тетинька сердится сильно на меня и по делом. Не знаю, чем испросить и где взять прощение. Трудно, весьма трудно поддержать об себе хорошее мнение, иногда самая малость, и оно потеряно.

Не знаю, получили ли вы письмо мое и при нем план и фасад дома, только я не получал еще ответа, верно и вы сердитесь на меня, маминька.

У нас теперь великое смятение: ожидают графа со дня на день; всё убирают; но мне грустно — или оттого, что я виноват перед вами и перед тетинькою Ольгою Дмитриевною, или, видно, осень сама располагает к этому. Как бы то ни было, но зима уже близко, стало быть, через два с половиною месяца и свидание с вами. Мне кажется, что я уже около полугода, как не виделся [как я не виделся с вами]: верно оттого, что не получаю [что долго не получаю] письма от вас.

Вы не писали, маминька, как вам теперь,

весело ли? Не вредит ли вам уединение, навещают ли вас, чем вы теперь занимаетесь? Верьте, маминька, все эти подробности дают жизнь сыну, любящему вас более всего, для которого вы только одне остались утешителем и счастьем.

Получаете ли вы письма от Машиньки? что она теперь делает, не скучно ли ей? напишите к ней, что я требую, прошу, чтобы она ко мне писала; скажите, что письма ее не будут оставлены без ответа, чтобы писала ко мне об нуждах своих. Ежели я могу быть только в них полезен, всё исполню, что только зависит от меня. Не знаю только, как адресовать к ней письма, писать ли к вам, или через почту к самому г-ну Старицкому. Известите пожалуйста, можно ли через почту и как адресовать, а то вам будет много забот и трудностей отсылать из дому чрез нарочного.

Ожидая с нетерпением отрадного для меня письма вашего, остаюсь вашим послушнейшим

и нежно вас любящим сыном

Н. Гоголь-Яновским.

Свидетельствуйте мое почтение дедушке, бабушке Анне Матвеевне и тетиньке Варваре Петровне.

М. И. ГОГОЛЬ
1826-го года октября 15-го
дня. <Нежин.>

Бесценное письмо ваше получил сегодня и сего же дня спешу отвечать вам. С жадностью читал прелестный рассказ ваш, почтеннейшая маминька, о пребывании у нас почетного гостя. Все мелочи, всё совершенно вами сделанное, признаюсь, так было хорошо, что я никогда бы не мог сделать; рассчитавшись, я с неудовольствием и жалостью увидел конец письма вашего (так я люблю говорить с вами). Но после образумился, увидел, что это письмо, а не длинное описание и сообразив его с прежними вашими письмами, которые были не более как в поллист почтовой бумаги, я был полн к вам живейшей благодарности, что вы не скучаете говорить со мною. Только не знаю, к чему относится приписка после письма, где вы говорите, что я себя возвысил, а унижил вас.

Сделайте милость, напишите мне, когда

это было, в письме ли которое вы получили вместе с планом, или в другом чем-либо я показал это. По крайней мере верьте, почтеннейшая маминька, что я никогда бы этого не сказал и потому, сделайте милость, напишите, в чем это было.

Писали вы, чтобы я прислал его высок. какое-нибудь сочинение; думал и я было сперва то сделать, но после рассудил, что поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь я мало принесу себе пользы и мало хорошего дам о себе мнения, решился, что лучше приуготовить себя к занятиям гораздо важнейшим и сделать что-нибудь достойное внимания просвещенного вельможи, благодетеля Малороссии. Не хочу, ежели благодарность моя будет слаба и не покажет сердечных моих чувствований. Лучше пусть она будет сокрыта до времени и после выявит сердце, чувствующее благодеяния средством [Далее начато: более достойным] хотя менее достойным сих благодеяний. Узор я давно уже дорисовал и послал к вам: вы, я думаю, уже получили письмо с посылкою.

Позвольте еще спросить вас: Агафия Матвеевна не перебралась еще жить к нам? и ежели еще, то когда именно она переедет и как понравится ей новое место, также, что нужно будет сделать? она тогда еще хотела сделать для себя комору, которая должна была стоять в саду и составлять красивый фасад. Напишите ко мне тогда, когда будете строить. Я имею в уме очень хороший фасад для этого строения.

Приказчиков дом окончан ли? хорошо ли он обделан и что стоил? Поставили ли вы ветрянную мельницу, которую предполагали? Отыскана ли глина, годная для черепицы? Всего этого я еще не знаю. Извините, маминька, ежели утруждаю я вас. Я чувствую, что [что я] уже слишком любопытен, но это страсть моя.

Варваре Петровне моя привязанность и почтение. Я знаю, что милая тетинька часто забывает меня, но я об ней помню.

Позвольте мне напомнить вам, маминька, что мне деньги следовали еще к первому октябрю; но я до сих пор не получал. Извещаю не в укор вам, но потому, что мне в них случилась большая нужда.

Напомните Машиньке, чтобы она писала ко мне и доставьте ко мне адрес прямо к ней. Сегодня 15-е октября, через два месяца, то есть 15 декабря, мне можно уже ехать на Рождество. Странное дело! не более трех месяцев, как я из дому, и уже чувствую, будто год не виделся с вами. — Итак прощайте, почтеннейшая маминька. Не более четырех писем вы еще получите от меня, а там увидите и самого, более всего на свете любящего вас сына

Н. Гоголь-Яновского.

При сем картинка нынешних мод.

М. И. ГОГОЛЬ
Ноября 16-го дня. Нежин.
1826-го года

Письмо ваше сегодня получил и сего же дня пишу к вам. Вы просите известить, кто теперь директор у нас; директора у нас нет, и желательно, чтобы совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть, и этому всему причина — наш нынешний инспектор; ему обязаны мы своим счастьем; стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего. — Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский.

Досадно мне было, что не получал долго так денег, большую нужду терпел я в них, но теперь дело объяснилось: вы поручили его г.

Тише<в>скому, так оно и теперь лежит в Полтаве.

Вы пишете мне, что слишком скучаю, это я сказал вовсе без умыслу, скучаю, когда не имею от вас писем, а весел почти всегда, и особенно теперь, когда менее, нежели через месяц, приближается урочное время и радостно полечу обнять вас, милая, почтенейшая маминька; обнять в вас — мою жизнь. Так, маминька, вы составляете жизнь мою: до сих пор не имею ничего драгоценнее, священнее вас, судите вы об радости свидания. Сколько везу к вам теперь сочинений, картин; рад буду, сильно рад, когда сделаю вам ими удовольствие.

Так как платье мне непременно нужно иметь к Рождеству, то прошу вас, ежели можно, прислать деньги вперед по почте, чтоб уже нечего было дожидаться здесь с экипажем. На фрак и панталоны суконные пойдет как раз до ста рублей, но зато уже они будут у меня навсегда. Зимнего же платья до сих пор я не имел. Ежели же вы хотите, чтобы деньги

прислать вместе с экипажем, то присылайте, чтобы к 14-му числу декабря экипаж был уже здесь; а когда деньги прежде пришлете, то нужно, чтобы экипаж к 16-му числу декабря был [уже был] здесь; а пришлите за мною, ежели можно, тою самую бричкую, которую вы брали и тогда у дядинки Андрея Андр.<евича>, она весьма легка и не трясет, и мало лошадей нужно, и выгодна.

Не поверите, милая маминька, с каким великим нетерпением, с какою радостью я жду этого благодатного времени. Сколько любопытных новостей, сколько перемен во мне вы увидите. В ожидании от вас еще одного письма остаюсь вашим преданейшим сыном

Н. Гоголь-Янов.<ским>.

Тулуп для меня я думаю уже сделали.

М. И. ГОГОЛЬ

1826-го года ноября 23 дня.

<Нежин>

Не могу утерпеть, милая маминька! чтобы еще не писать к вам, как ни близко кажется наше свидание, но не могу выдержать почти около месяца не поговоривши с вами, и чрез то будто ускорить самую радость — видеть вас.

Касательно присылки за мною, еще не знаю как должно присылать; будет ли санная дорога, или на колесах. Мне кажется, что навряд ли выпадет большой снег и состоится хорошая зима, а посему за мною можно будет <прислать> лёгонькую бричку, в случае же снегу и зимы маленькую кибитку, только не ту тяжелую. Ежели платье мне будет здесь делаться то в таком случае пришлите числа 16-го непременно уже чтобы был здесь экипаж, а ежели на платье вы пришлете деньги прежде, тогда уже присылать за мною так, чтобы 18-го числа был [был уже] здесь экипаж.

Также напишите письмо ко мне, что присылаете за мною. Это письмо нужно будет показать инспектору без чего не отпустят. Советую для этого письмо составить особое, в котором извещайте меня просто, что посылаете экипаж с тем, чтобы я на праздник Р. Х. приехал для свидания к вам.

Думаю, удивитесь вы успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете. Новый переворот достигнул их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие.

К нам приезжал граф, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал во-свояси. Орлай наш успел везде так охулить нашу гимназию, что думаю и он оттого так мало о ней печется.

Из Одессы получили на сих днях письмо от Орлая, он и тем заведением не доволен.

Но прощайте, почтеннейшая, милая ма-

минька! утешительная мысль, приближаемая праздником Рождества, останавливает письмо мое, да и зачем напрасно мартать бесчувственным пером бумагу, когда на словах могу я выявить жаркое чувство сердца,

вечно горящее к вам сыновнею любовью.

Ваш покорнейший, послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

Г. И. ВЫСОЦКОМУ
1827 года, генваря 17-го.
Нежин

Теперь только приехал я из дому, где был все праздники, и сегодня только получил твою записку от Шапалинского. Извини меня, бесценный друг, что я так неблагодарно отплатил за твое дружеское расположение: на письмо твое не отвечал ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло от какого-либо небрежения или холодности: нет, друг! По крайней мере, позволь сказать, что ни к кому сердце мое так не привязывалось, как к тебе. С первоначального нашего здесь пребывания, уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни. Половина наших дум сбылась: ты уж на месте, уже имеешь сладкую уверенность, что существование твое не ничтожно, что тебя заметят, оценят, а я... зачем нам так хочется скоро видеть наше счастье? зачем нам дано нетер-

пение? мысль о нем и днем и ночью мучит, тревожит мое сердце: душа моя хочет вырваться из тесной своей обители, и я весь — нетерпенье. Ты живешь уже в Петербурге, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслаждения, а мне еще не ближе полутора года видеть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемым веком... Много принесло мне удовольствия письмо твое; жадно перечитывал я тобою писанное, ловил слова, и мне казалось, будто я слышу из уст твоих. И после всего этого, после всей радости, которую ты прислал ко мне с письмом, я ни слова не сказал тебе. Какая неблагодарность чернее этой? Но еще раз прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставил и принял твердое намерение писать нарочно побольше писем в разные места, чтобы тем приучить себя к исправности. Сделай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мне раз в месяц. С этой поры никогда письмо твое не будет оставлено без ответа.

Пиши мне о своей жизни, о своих занятиях, удовольствиях, знакомствах, службе и обо всем, что только напоминает прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развеет горечь моего заточения, сблизит урочное время и покажет мне тебя в твоём быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже с восхищением в мечтах читаю письмо, забывая и местопребывание свое, и весь мир, выключая тебя с Петербургом.

Я здесь совершенно один: почти все оставили меня; не могу без сожаления и вспомнить о вашем классе. Много и из моих товарищей удалилось. Лукашевич поехал в Одессу, Данилевский тоже выбыл. Не знаю, куда понесет его. Здесь он весьма худо вел себя. Из старых никого нет. Нас теперь весьма мало, но мне до них дела нет: я совершенно позабыл всех. Изредка только здешние происшествия трогают меня, впрочем я весь с тобою в столице. Об твоём аттестате я всегда надоедал Шапалинскому и теперь крепко настоял, чтоб отсылать к тебе. Он уже изготовлен, и ты скоро получишь. Каково теперь у вас? Как-то бу-

дете веселиться на масленице? Ты мне мало сказал про театр, как он устроен, как отделан. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякий вечер там. Чья музыка? Что тебе сказать об наших новостях? здесь их совершенно нет. Писать тебе про пансион? он у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии, и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белоусову. К масленице затевают театр. Дураки всё так же глупы. Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопцики здоров и невредим, и час от часу глупеет. Демиров-Мишковский, Батюшечка и Урсо кланяются по пояс. Мыгалыч чуть-чуть было не окошел. Впрочем всё благополучно. Бодян только просит у тебя на водку. Но прости: я болтаю пустяки и надоел уже, думаю, тебе до сна. По следующей почте я намерен еще тебе сказать кое об чем; а до того времени не забудь твоего верного, всегда и везде тебя любящего старинного друга

Н. Гоголя.

Божко и Миллер благодарят, что ты не за-

БЫЛ ИХ.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го года, февраля 1-го.
Нежин

Почтеннейшее письмо ваше, маминька, получил я третьего дни, и спешу известить вас. Благодарю вас за незабытие и за всегдашнюю вашу помощь и за всегдашнюю любовь вашу, которой цену один только я могу чувствовать; жалею и досажую только на заботы, удручающие вас, которые мешают вам в писании и отнимают драгоценные у меня минуты.

Я не знаю, когда лучше я проводил время, как не теперь, даже досажую на скорый полет его. Масленицу мы надеемся провести наилучшим образом. Театр наш готов совершенно, а с ним вместе сколько удовольствий! Не знаю, где теперь вы находитесь. Я думаю, на масляной будете в Кибинцах. Желаю вам также приятно провести это время. Я думаю, теперь у нас в деревне Васильевке весьма уединенно. Бывает ли кто-нибудь? Рад буду

весьма, когда вы живете теперь в полном удовольствии, когда изредка только мимолетающая тень забот цепляется, а трудные, обременительные вовсе вам неизвестны. Это занимает мысли мои, днем и ночью об этом только я думаю. — Всемигнута желая вам безмятежной, счастливой жизни, достойной ваших добродетелей, я надеюсь, что вы примете это нелицемерное всегдашнее желание сына, которого любви ничего нет священнее вас.

Николай Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ

**1827-го года, февраля 26-го.
Нежин**

К числу мечтательностей своих иногда желаю быть ясновидцем, знать, что у вас делается, чем вы занимаетесь, и верите ли, почтеннейшая маминька, с каким удовольствием я занимаюсь отгадыванием всего того, что вас занимает... Как вы проводили масленную? весело ли? были ли у вас веселые собрания? Извините, что закидал вас кучею вопросов. Обыкновенно человеку, как говорят порядком повеселившемуся, всегда хочется сделать участником других, особливо ближайших к нему. Кто ж ближе к моему сердцу, как не вы, почтеннейшая маминька. Ваша радость, ваше удовольствие — и я счастлив.

Посмотрите же, как я повеселился! Вы знаете, какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и

часто в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни, удивлялся как люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретясь с ним.

Ежели об чем я теперь думаю, так это всё о будущей жизни моей. Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству. До сих пор я был счастлив, но ежели счастье состоит в том, чтобы быть довольну своим состоянием, то не совсем. Не совсем до вступления в службу, до приобретения, можно сказать, собственного постоянного места. Масленицу всю неделю мы провели так, что желаю всякому ее провести, как мы всю неделю веселились без устали. Четыре дня сряду был у нас театр, и к чести нашей признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флорияна, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: Недоросль, соч. Фон-

визина, Неудачный примиритель Княжнина, Лукавин Писарева и Береговое право соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и всё приездие, и все с отличным вкусом. Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюр Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь. Дай бог, чтобы вы провели его еще веселее. Ожидают у нас директора, г-на Ясновского, со дня на день. Не знаем его характера. Говорят, что слишком добр, даже до слабости, чего мы боимся.

Позвольте вас, почтеннейшая маминька, потрудить одною просьбою. Сделайте милость, пришлите мне холста самого толстого штуки две и, ежели можно, более; нам необходимо нужен. Вы этим много, много одолжите меня [мне], а до того остаюсь с сыновним почтением и самую жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда преданнейшим сыном

Н. Гоголем.

Бабушке свидетельствую [свидетельствуй-те] почтение. Дядиньке Андрею Андреевичу и тет.<иньке> О.<льге> Д.<имитриевне> скажите, что я никогда не забываю их ко мне внимания и любви и досажую, что не знаю, чем доказать благодарность свою.

Г. И. ВЫСОЦКОМУ
1827-й год март 19-е число.
Нежин

Итак ты всё-таки любишь меня, добрый, бесценный друг. — Ты оторвал часть времени тебе драгоценного, чтобы порадовать того, который кипит неизъяснимою, жаркою к тебе привязанностью. Твое письмо блеснуло для меня звездою радости. — Из стороны чуждой льдистого севера, но где также, как и здесь воображение греет нас, (где уже осуществилась — в мечте — жизнь будущая для меня), мне казалось, я услышал родные звуки сердца, меня понимающего — это было письмо твое.

Много времени кануло со дня нашего разрознения; лета кипучего возраста охлаждались непрерывно изменчивою неверностью счастья настоящего. Я холодал постепенно и разучался принимать жарко к себе всё сбывающееся. Без радости и без горя, в глубоком раздумьи стоял я над дорогою жизни, без-

молвно обсматривая будущее. — С минут твоего выбытия в душе моей залегла пустота, какое-то безжизненное чувство. И вот ты меня высвободил из моего мертвого усыпления. Я теперь всё тот же как прежде веселый, преданный тебе, с виду холодный, но в сердце пламенный к чувствам дружбы.

Часто среди занятий удовольствие (они иногда посещают и не совсем забыли записного их поклонника), мысленно перескакиваю в Петербург: сижу с тобою в комнате, брожу с тобою по бульварам, люблюсь Невою, морем. Короче я делаюсь ты. — Часто, говорю, среди самых удовольствий я впадаю в странное забытие, вспоминаю о тебе и сокрытая горечь ярко проскакивает на лице и освещает его печальное движение, несмотря что в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам, и этим всем мы одолжены нашему инспектору. Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступает за нас против притяза-

ний конференции нашей и профессорско-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня не достало бы терпения здесь окончить курс — теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 месяцев. Масленную мы провели прекрасно. — Четыре дня сряду был у нас театр, играли превосходно все. — Все бывшие из посетителей, людей бывалых, говорили, что ни на одном провинциальном театре не удавалось видеть такого прекрасного спектакля. — Декорации (4 перемены) сделаны были мастерски и даже великолепно. Прекрасный ландшафт на занавеси довершал прелесть. Освещение залы было блистательное. Музыка также отличилась; наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Россини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина и друг. Пьесы, представленные нами, были следующие: Недоросль, соч. Фонвизина, Неудачный примиритель, комедия Я. Княжнина, Береговое право, Коцебу, и в добавок еще одну французскую, соч. Флориана, и еще не насытились:

к Светлому празднику заготавливаем еще несколько пьес. Эти занятия однако ж много развлекли меня, и я почти позабыл было всё грустное. Но надолго ли? пришел пост, а с ним убийственная тоска. — Никаких совершенно новостей, ничего любопытного вовсе не случилось. Скажу тебе только, что ожидаем со дня на день нового нашего директора Ясновского. Какой он? не знаем. — Говорят: добренькой... — Что барон фон-Фонтик, табачный таможенный пристав, иначе заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но наконец батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он «никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия», а непременно хочет ехать в Московский университет, и вот слова его присланному: «скажи дураку папиньке, что я лучше его знаю, что должно мне делать». Но

наконец побивши Лауру и разнесши по всем Магеркам страх и опустошение, отправился во-свояси. Вообрази, что и это утешение отняли у нас. О Данилевском ничего не могу сказать, не знаю даже, где он. Спиридон, т. е. Федор Бороздин, точно в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа. Кто бы думал? — Сам генерал его уважает. — Баранов находится в собственном благоприобретенном и родовом своем поместье; преосторожно, прехитро, преинтересно ловит мух, сажает в баночку, обшивает полотном, запечатывает фамильным потомственным гербом и рассматривает при лунном свете. — Демиров-Мишковский здравствует, духом бодр (знает подкреплять его), всегда дежурит у нас и всегда иллюминирован красными огнями, за которую однако же иллюминацию открывают ему обширный путь из гимназии во все закоулки многолюдного мира. — В Нежине теперь беспрестанные движения между греками; шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления и прошедшую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское до-

стоинство возвели до того неизвестного Афендулю. — Базиль уже заключил с ним мирный трактат и открыл греческую лавку. Впрочем у нас всё идет своим чередом. Об себе скажу, что я пролежал целую неделю больным, и был болен весьма опасно, даже отчаивался об выздоровлении и теперь только начинаю учиться ходить, падаю от слабости. — Но пред тобою виноват, что долго не писал, и сажусь за стол... Это меня порадовало, я разговорился с тобою и уже думаю, что сижу у тебя, что это вечером; мы пьем чай и не наговоримся о проведенном дне, богатом разнообразными событиями... мечта! Я в Нежине и еще в лазарете... Ты видел Герарда, сделай милость, напиши, где он теперь; он был когда-то из числа немногих друзей моих, не забыл ли он меня? так ли привязан, как прежде? и зачем он ко мне не напишет? Укори его пожалуста, сделай ему самый строгий выговор, скажи, что стыдно, неблагодарно забывать тех, которые жарко его любят, которых связало товарищество дружбою. Ежели бы я знал, где он, я бы писал к нему, но... видно, так уже в свете... Из всех друзей моих

один ты не изменил мне, это меня утешает более всего, я теперь счастлив. — Об одном только молю я бога, об одном думаю: чтобы скорее нам сблизиться. Кстати ты еще о много-чем не известил меня касательно жизни петербургской: каковы там цены, в чем именно дороговизна, всё это с нетерпением хочу я узнать и заранее сообразоваться с своими предположениями. Каковы там квартиры? что нужно платить в год за две или три хорошенькие комнаты, в какой части города дороже, где дешевле, что стоит в год отопление их и проч. и проч. Да, и позабыл было совсем: как значительны жалованья и сколько ты получаешь? Сколько часов ты бываешь в присутствии и когда возвращаешься домой? — Извини, что я тебя забрасываю кучею вопросов, мне ужасно как хочется скорее узнать всё, а до того времени не забудь старого твоего друга, который всегда, во все времена, во всех местах, где бы ни был, везде живет духом с тобою и только возле тебя находит отдохновение. По крайней мере люби меня так, как я тебя. Этого для меня довольно!

Твой друг Н. Гоголь.

Р. S. Кланяется тебе Антон Васильевич Лопухайский, желает тебе, чтобы так ты распузател, как и он. Носятся слухи, что он хочет жениться. А батюшка почтеннейший объявил мне на ухо, что при всем почтении, с каковым он имеет честь пребыть к тебе, просил однако же напомнить, чтобы ты ему прислал давно обещанного столичного кованого кабанця. — Видел я на сих днях Романовича Николая. Он теперь в Нарвском гусарском полку и смотреть на нас не хочет, гордо потряхивает саблюю и беспрестанно посматривает на юнкерские позументы. — Ваш кандидат Садовничий осрамился: приехавши сюда, подавал прошение о принятии его в писцы правления, ему отказали и теперь он до сих пор шатается у Билевича. — Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием Малороссийская деревня. Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают от-

рывки из Малороссийской деревни, и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: Малороссийская деревня или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и наконец видя, что его жалобы худо чествуют, решился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особливо не запирать его в канцелярии с майором Шишкиным, как до сего делано.

Григоров, Божко, Миллер, Кукольник, Николай Бороздин, Власенко, Базиль, Вановский и все наши совершенно кланяются тебе, благодарят, что не забываешь их.

Кланяйся от меня Любичу, что-то, я думаю, его муза поделывает, то-то раздолье. Сколько в Петербурге домов, памятников, иллюминаций, пожаров, наводнений, тезоименитств, а виды с Васильевского острова!..

Прощай, друг! сделай милость, порадуя письмом: я жду. — Я знаю, что никогда не охладишься в своей дружбе, и радостно и весело отправляю письмо мое...

Прощай! прощай!

Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го года. Марта 24-го.
Нежин

Письмо ваше, маминька, я вчера получил. Радуюсь весьма что вам будет весело, что любезные наши родственники Петр Петрович и Павел Петрович скоро приедут к нам и долго проживут у нас; — только чувствую, что я уже не застаю их. — Они всегда на зло приезжают перед тем временем, когда мне должно быть дома, а в то самое время уезжают назад и нам в удел оставляют скуку. Мое первое всегдашнее желание состоит в том, чтобы прожить весело в кругу всех близких моему сердцу, и предопределение никогда не давало сбыться моим планам, будто в насмешку над моим несбытодумием. — Жалею весьма, что вам много забот и до пропасти дел. Когда бы скорее вы могли найти хорошего управителя — это, чувствую, много бы вам помогло. К несчастию, эти люди редки... при всем моем уважении к Екименку мне что-то кажется, что он вряд ли хорошо выполнит

свою должность; притом же сперва [Далее начато: каже<тся>] он соглашался за гораздо меньшее жалованье, когда вы писали о своей надобности в управителе. Но впрочем бог с ним, лишь бы только он облегчил ваши заботы, лишь бы только вы больше имели времени свободного весело, радостно жить [пров<одить>] в кругу родных. С этим только радость может высветлиться на моем сердце, и оно заочно оживет вашим спокойствием, беззаботностью.

Расписку за деньги я получил и берегу ее у себя. Письмо к сестрице Машиньке я написал и прилагаю его здесь. Сделайте милость, почтенейшая маминька, отправьте ей поскорее: она еще в самом деле подумает, что я забыл ее. Я писал к вам об полотне, но ни слова не говорил об самом тонком, а напротив даже просил, нет ли еще толще десятки.

Весна приближается. Время самое веселое, когда весело можем провести его. Это напоминает мне времена детства, мою жаркую страсть к садоводству. Это-то время было об-

ширный круг моего действия. Живо помню, как бы<ва>ло с лопатою в руке глубокомысле-ленно раздумываю над изломанною дорожкой... Признаюсь, я бы желал когда-нибудь быть дома в это время. Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник к саду. Но мне не удастся, я думаю, долго побывать в это время. — Несмотря на всё, я никогда не оставлю сего [этого] изящного занятия, хотя бы вовсе не любил его. Оно было любимым упражнением папиньки, моего друга, благодетеля, утешителя... не знаю, как назвать этого небесного ангела, это чистое, высокое существо, которое одушевляет [В подлиннике: отдушевляет] меня в моем трудном пути, живет, дает дар чувствовать самого себя и часто в минуты горя небесным пламенем входит в меня, рас-светляет сгустившиеся думы. В сие время сладостно мне быть с ним, я заглядываю в него, т. е. в себя, как в сердце друга. Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни подобных, и дотоле нерешительный, не уверенный (и справедли-во) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосо-

знания, и душа моя будто видит [Было начато: и вижу] этого неземного ангела, твердо и непреклонно всё указующего в мету жадного искания... Через год вступлю я в службу государственную.

Но... позвольте, маминька! Свеча горит, и скоро уже полночь, — боясь, чтобы вы не беспокоились обо мне касательно моего молчания, оканчиваю письмо до следующей почты.

Тётиньке Варваре Петровне изъясните мое почтение и радость, что она гостит, дай бог, чтобы я, приехавши на каникулы, мог застать ее у нас, как бы весело провели время вместе. Но и она так же как и жестокосердные ее братцы всегда уезжают перед моим прибытием, они верно не знают, как я привязан к ним, как люблю их, но впрочем нужна ли или нет им любовь моя, а я никогда не перестану любить их.

Простите, маминька! Я думаю, не нужно вам выказывать той любви, [той чув<ствительной?>] благодарности, сыновнего почте-

ния, признательности, с каковыми я всегда к
вам пребываю

ваш послушнейший и нежно вас любящий
сын

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1827 года, апреля 6 дня.
Нежин

Позвольте во-первых, почтеннейшая ма-
минька, поздравить вас с праздником вос-
кресения Христова. Думаю, что вы провели
первые дни [первые дни вписано.] его хоро-
шо, желаю и окончить его весело. Благодарю
вас за присылку денег, также и почтеннейше-
го дедушку. В это время они бывают мне
очень нужны. Мой план жизни теперь удиви-
тельно строг и точен во всех отношениях,
каждая копейка теперь имеет у меня место. Я
отказываю себе даже в самых крайних нуж-
дах с тем чтобы иметь хотя малейшую воз-
можность поддержать себя в таком состоя-
нии, в каком нахожусь, чтобы иметь возмож-
ность удовлетворить моей жажде видеть и
чувствовать прекрасное. Для него-то я с тру-
дом величайшим собираю всё годовое свое
жалованье, откладывая малую часть на нуж-
нейшие издержки. За Шиллера, которого я
выписал из Лемберга, дал я 40 рублей — день-

ги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшею приятностью. Не забываю также и русских и выписываю что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничиваюсь одним только чем-либо, в целые полгода я не приобретаю более одной книжки и это меня крушит чрезвычайно. Удивительно, как сильно может быть влечение к хорошему. Иногда читаю объявление о выходе в свет творения прекрасного, сильно бьется сердце — и с тяжким вздохом роняю из рук газетный [печатный] листок объявления, вспомянув невозможность иметь его. Мечтание достать [иметь] его смущает сон мой, и в это время получению денег я радуюсь более самого жаркого корыстолюбца... Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не мог чувствовать от этого радости — я бы умер от тоски и скуки. Это услаждает разлуку мою с вами. Вы рисуетесь в светлых мечтах моих, и душа моя разом обнимает всю свою жизнь [всю мою радость]. Пишете вы, что не получали от меня письма за март месяц; в марте я писал к вам

кажется последних чисел, может быть вы до сих пор уже получили.

Известите меня, маминька, приехали ли уже Петр Петрович и Павел Петрович к нам или еще <нет>. Сделайте милость, свидетельствуйте им мою привязанность, любовь, почтение и проч. и проч., [и проч. и проч. вписано.] и наконец сожаление, что не могу видеть их. Варваре Петровне от меня поклон и благодарность чувствительнейшую за непозабывание меня. Ежели будете видеть близких наших знакомых, особливо Александру Федоровну, сделайте милость, скажите, что я каждый час помню об ней, об времени проведенном вместе.

Давно ли я приехал с Рождества? а уже трех месяцев как не бывало, половина времени до каникул утекла. Еще половина и я опять с вами, опять увижу вас и снова развешусь во всю ивановскую. Не могу надивиться, как весела, как разнообразна жизнь наша. Одно имя каникул уже приводит меня в восхищение. Как бы то ни было, но целый год

бывши будто в заключении, и в одно мгновение ока увидеть всех родных, всё близкое сердцу... очаровательно!

До следующей почты!

Любящий вас более всего в мире сын ваш

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го, апреля 17-го дня.
Нежин

Хотя недавно писал к вам, маминька, но не хочу однако ж, утратить случая еще поговорить с вами. Баранов крепко обещался доставить письмо. Думаю, что вы теперь находитесь в Васильевке и что с вами и любезные наши гости.

Вы можете там с удовольствием провести это приятное время. Подлинно я лучшей весны не помню, — ни одного дождя. Но это к худу — не будет ли засухи. Желательно теперь мне знать хозяйственные занятия. — Не забывайте, маминька, саду. Там, где я говорил про шлый <год>, распространить его засаживанием деревьев молодых, также ежели бы не утратить времени для дернования и щепки. Какова у нас была ярмонка? Никогда ее у нас не видывали. Хотел бы знать ее положения место, где она выстанавливается, хорош ли на ней торг, выгоден ли для обеих сторон и на-

сколько привозится товаров.

Это время я провел немного скучновато. Книг со мною не было. — Театр наш покуда остановлен, и я принужден был [Далее было: только] повеся голову сидеть недвижно на одном месте, перебирая старые свои уроки. Заманивала было меня прекрасная погода весны, сначала было весело, но веселье хорошо, когда делишь, и потом прискучилось. Только [Только изредка] мечта об моей радости: об вас — высветливается иногда сквозь пасмурные думы [мои думы].

Человек странен касательно внутреннего своего пожелания. Он завидел что-то вдали, и мечта о нем ни на минуту не оставляет его. Она смущает покой его и заставляет употреблять все силы для доставки существенного. Иногда и меня самая повидимому малость, но драгоценная для меня собственно, мучит меня тоскою и досадою за несостояние иметь ее.

Уведомите меня об приезде ожидаемых гостей и когда они прибыли к нам. Извините

меня перед ними, что не пишу к ним оттого что не знаю, у нас ли оне. Варваре Петровне хотя через письмо свидетельствую мою преданность.

Что делается в Кибинцах? Ничего не знаю совершенно об них, кроме только слышал, что Сакен воротился из Петербурга и что Соничка, сестра Ольги Дмитриевны, больна опасно. Жаль это<го> дитяти!.. [По-видимому, исправлено из это дитя.]

Мое почтение бабушке Т.<атьяне> С.<еменовне>, поздравьте ее моим именем с праздником Христо<вым>. Ежели будете в Яресках — Анне Матвеевне.

С невыразимою любовью, с беспримерною привязанностью пребываю ваш сын:

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-й год. М. Май, 20-е
число. <Нежин.>

Получил ваше письмо сегодня и к моей горести узнал, что вы больны. Я уже это заметил бы из одной краткости письма вашего, которому, видно, мешала много болезнь [болезнь ваша]. Всегда нужно проклятой судьбе на самом удовольствии покоя, в котором уже я находился, зачернить начаток светлых дней едкостью горя. Меня мучит ваша болезнь. Зачем вы, маминька, ездили в Полтаву? Это, я думаю, много вам повредило. — Сделайте милость, берегите себя. — В это время, когда вы нездоровы, я чувствую сам себя оттого нездоровым. Вы сами знаете, что я еще драгоценнее вас ничего не имею.

Чем более близится мета свиданья, тем более я опасаюсь неверности счастья. Дай бог, чтоб я застал вас в здоровьи совершенном, в счастья, в спокойствии, окруженными всеми возможными для вас радостями. Не более ме-

сяца только осталось нам жить в разрозненности; тогда я опять с вами. Обнимите, поцелуйте за меня Аниньку, Лизаньку, Олиньку. Я не могу не нарадоваться, вспомнив сколько меня ожидает дома близких моему сердцу, желая, чтобы этот год, как во все будущие, бог подарил нам изобилие, чтобы роскошь плодородия упитала счастливое наше жилище, чтобы все крестьяне наши были награждены с избытком за годовичные труды свои. У нас здесь поговаривали об плодородии этого года; я думаю, что и у вас также. — Желательно мне бы узнать об этом [об этом вписано.] от вас, маминька, также и водится ли что в саду нашем. Здесь и на фрукты урожай.

Что-то теперь делают пенаты мои? Я думаю, все ожидают меня с нетерпением.

Позвольте поговорить с вами теперь касательно платья. Ежели посылать [посылать попочте?>] деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною; нужно гораздо прежде, а то экипаж всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всем портным и то еще ежели

сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я советовал бы вам, милая маминька, деньги отправить тотчас по получении моего письма; оно как раз и выдет, что к времени моего отъезда платье успеет, для чего нужно по крайней мере три недели, а то мне всегда за скоростью шьют на живую нитку.

Денег пришлите мне 150 — полтора ста рублей, потому мне, кроме крупного платья, нужно еще до пропасти разных безделушек, как-то: халстухи, подтяжки, платочки; хотелось бы также сертучок летний, легинькой, простинькой, чтобы ходить дома. Казенных нам теперь не шили, и мы принуждены ходить в суконных.

Дай бог, маминька, чтоб я вас застал совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушит ужасно как болезнь ваша. Сто раз целуя заочно ручки ваши, остаюсь вашим послушнейшим,

любящим вас более жизни сыном

Н. Гоголь-Яновским.

М. И. ГОГОЛЬ
<7 июня 1827 г. Нежин>

1826-го года, [Описка] м. июнь число 7

Вы пишете маминька, что не получаете от меня письма за прошлый месяц; но я в конце мая писал к вам, извещая об заблаговременной присылке мне полтораста — 150 руб., потому что я хотел сделать себе и шинель. Но теперь вижу, что она мне в лето не понадобится, а лучше сделать ее к зиме, и потому теперь мне нужно не более 80 рублей для сделки платья летнего, которого у меня совершенно нет. Жаль же мне весьма, что до сих пор не получил я денег, а теперь хорошо было: я бы успел заблаговременно всё себе сделать, и оттого бы было всё лучше сделано; в противном случае, я принужден буду вместе с экипажем оставаться лишние дни. — Но нечего делать, когда уже так вышло. Теперь, сделайте милость, высылайте за мною как можно скорее; чуть только получите письмо, то сейчас же. Хорошо ежели бы 22-го и 23 был экипаж уже

здесь, потому что мне 26-го числа уже можно ехать.

Извините, милая, выше всего мною любимая маминька, что я так пишу наскоро и с такою поспешностью: теперь и у нас времени нет за этим скучным экзаменом; но он скоро кончится. Я здоров и, оживленный мыслью, скорым свиданием с вами, веселюсь, ожидая с нетерпением дня того, когда вы обнимете любящего вас невыразимую любовью, навек верного и послушного сына

Н. Гоголь-Яновского.

Присылайте за мною экипажец уместительный, потому что я еду со всем богатством вещественных и умственных имуществ, и вы увидите труды мои.

Обнимите за меня сестриц моих. Почтение мое Варваре Петровне, в высочайшей точке привязанности. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. писем. Но чрез две недели явится творец их, никогда

неизменчивый в своих чувствах, всё тот же пламенный, признательный, никогда не загасивший вечного огня привязанности к родине и родным.

Г. И. ВЫСОЦКОМУ
1827 год, м. июнь, число 26.
Нежин

Пишу к тебе таки из Нежина. Не думай, что-бы экзамен мог помешать мне писать к тебе. Письмами твоими я уже более сблизился с тобою, и потому буду беспрестанно надоедать. Мне представляется, что ты сидишь возле меня, что я имею право поминутно тебя спрашивать. Милый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся в письме твоём. Она, кажется, растёт между нами более и более и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя ещё более, чем прежде, и спешу соединиться с тобою, хотя ты меня ужаснул чудовищами великих препятствий. Но они бессильны; или — странное свойство человека! — чем более трудностей, чем более преград, тем более он летит туда. Вместо того, чтобы остановить меня, они ещё более разожгли во мне желание. Меня восхищает, когда я подумаю, что там есть кому ждать меня, есть кому встретить родным приветствием и

облеснуть лицо светлою радостью. Означились мне на сердце также и друзья-приятели твои. Я не знаю их, никогда не видал, но они друзья тебе, и я их так же люблю, как и ты. Зачем ты не наименол ни одного из них? Хотя имя не определит человека, не ознакомит с ним, однако я всё бы мог из письма твоего узнать их характер, свойство, с кем ты более дружен, — особливо, когда они будут действующими лицами в твоих письмах, чего мне непременно хочется. Уединясь совершенно от всех, не находя здесь ни одного, с кем бы мог слить долговременные думы свои, кому бы мог выверить мышления свои, я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине, и тайны сердца, вырывающиеся на лице, жадные откровения, печально опускаются вглубь его, где такое же мертвое безмолвие. В таком случае я желаю знать тебя в кругу твоих друзей, где не скрываешься и где ваши занятия всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писал мне ваши разговоры и целые происшествия замечательного дня. Может быть, я требую много-

го, но ты не откажешь в этом тому, у которого, кроме тебя, почти ничего не осталось и который только этим и бывает весел. И точно: я ничего теперь так не ожидаю, как твоих писем. Они — моя радость в скучном уединении. Несколько только и разгоняю его чтением новых книг, для которых берегу деньги, не составляющие для меня ничего, кроме их, и выписывание их составляет одно мое занятие и одну мою корреспонденцию. Никогда еще экзамен для меня не был так несносен, как теперь. Я совершенно весь истомлен, чуть движусь. Не знаю, что со мною будет далее. Только я и надеюсь, что поездкою домой обновлю немного свои силы. Как чувствительно приближение выпуска, а с ним и благодатной свободы! Не знаю, как-то на следующий год я перенесу это время!.. Как тяжело быть зарыту вместе с созданными низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключая-

ются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь в зеркале видишь меня. Пожалей обо мне! Может быть, слеза соучастия, отдавшаяся на твоих глазах, послышится и мне.

Ты уже и успел дать за меня слово об моем согласии на ваше намерение отправиться за границу. Смотри только вперед не раскаяться! может быть, мне жизнь петербургская так понравится, что я поколеблюсь, и вспомню поговорку: не ищи того за морем, что сыщешь ближе. Но уже так и быть; ты дал слово — нужно мне спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будет? Еще год мне нужно здесь да год, думаю, в Петербурге; но впрочем я без тебя не останусь в нем: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидают? Меня это ужась как приближает к Петербургу, — тем более, что я внесен уже в ваш круг. Мое имя, я думаю, помнится между вами, и, может быть, по какому-то тайному сочувствию, кто-нибудь из друзей твоих назовет меня, как друга их друга, предугадывая, что

он также добр. На днях я получил письмо от Любича, не знаю по какой благодати. Чего только он в нем не наговорил! и каламбуров и стишков. Изю всего письма я только мог заметить, что, увидевши мое письмо к тебе, он загорелся воспоминанием и решился подкрепить его посланием. На четырех страницах он не сказал об себе ни слова, даже не объявил при конце письма, что он Любич-Романович, а в заключение просил меня известить об Кляроцьке Курдюмовой, об которой ты, я думаю, сам знаешь, какого я глубокого сведения: даже не видал ее ни разу. Жалею однако ж, что мне нет времени писать, особливо теперь. Чтоб он еще однако ж не почел за пренебрежение. Извини меня как-нибудь перед ним... Нет ли там у вас Николаевича-Кобеляцкого? Мы уже год как его не видим. Сначала было наведывался к нам, а теперь пропал без вести. У нас теперь у Нежине завелось сообщение с Одессою посредством парохода, или брички Ванькина. Этот пароход отправляется отсюда ежемесячно с огурцами и пикулями, и возвращается набитый маслинами, табаком и гальвою. Семенович

Орлай, который теперь обретается в Одессе, подманил отсюда Демирова-Мышковского, которому давно уже гимназия открыла свободный, без препятствий пропуск за пьянство, и по сему поводу пароход совершил седьмую экспедицию для взятия в пассажиры Мышковского, а на место его в гувернеры посадил директорскую ключницу, ростом в сажень с половиною, которая привела было в трепет всю челядь гимназии высших наук к. Безбородко, пока один Бодян не доказал, что русский солдат чорта не боится, и в славном сражении при Шурше оборотил передние ее челюсти на затылок. Кукольник наш ходит теперь с бритою головою (опасаясь, верно, плотоядных животных), но, чтобы не выказать срамоты, заказал красную шапочку и этим точно охарактеризовал себя. И действительно теперь он сделался таким, что всяк придет в недоумение, похож ли он на того человека, которому бреют голову, или на того, который ходит в красной шапочке и попеременно бесится, находясь то в степени (употреблю твое слово) амуристики, то в степени, обладавшей знаменитым изгнанником Деми-

ровым-Мышковским. Данилевский находится теперь в Москве — не могу наверно сказать где, но, кажется, в пансионе. Петр Александрович Баранов, наскуча недейтельною жизнью, захотел отведать трудностей воинских, и месяц назад я получил письмо, в котором объявляет он о своем определении в Северский конно-егерский полк. Адрес его: юнкеру Баранову, в Щигры, Курской губернии, отдать в квартиру полкового адъютанта.

Теперь гимназия наша заселена всё семействами. Всем чиновникам пришла блажь жениться. Об женитьбе Шапалинского и Самойленка, я думаю, <ты> слышал; кроме того, Лаура (Персидский) совокупился законным браком с дочерью Капетихи. Вановский женится на Филибертисе (он овдовел при тебе), Иеропес — на Базилевой сестрице, которая приехала из Одессы, Лопушевский — на какой-то французской мамзели, которой имени, ей-богу, я до сих пор не знаю, хотя три месяца уже прошло после их обручения; и даже козак Моисеев намеревается, вероятно, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и кроется

во мраке баснословия, но доказательством сему служит его покупка земли, на которой уже начал дом строить.

Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик — радуйся — снова у нас, а мы уже было думали, что он совсем нас оставит. Уже подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик Хопцики, обновленный явился у нас снова, празднуя свое перерождение. Но я, думаю, надоел тебе пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, как на свидетелей теряемого времени. Но неужели мы должны век серьезничать, — и отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мне наскучило горевать здесь, и, не могши ни с кем развеселиться, мысли мои изливаются на письме и забывшись от радости, что есть с кем поговорить, прогнав горе, садятся нестройными толпами в виде букв на бумагу, и в это время — вооб-

рази — я на какую мысль набрел. Уже ставлю мысленно себя в Петербурге, в той веселой комнатке окнами на Неву, так как я всегда думал найти себе такое место. Не знаю, сбудутся ли мои предположения, буду ли я точно жить в таком райском месте, или неумолимое веретено судьбы зашвырнет меня с толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) в самую глушь ничтожности, отведет мне черную квартиру неизвестности в мире. Но пока еще неизвестно нам предопределение судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущем? Этим богатством я всегда буду наделен. Оно не оставит меня во всё дление жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говорим мы долго, будто смеемся, и — веришь ли? — будто забывшись, перо выпадало раз двадцать на бумагу, разрушало мечтательные думы и с досады зачеркивало ничего ему не сделавшие слова. Ах, как в это время хотелось бы мне обнять тебя, увидеть тебя! Не знаю, может ли что удержать меня ехать в Петербург, хотя ты порядком пугнул и пристращал меня необыкновенною дороговизною, особенно съестных припасов. Более всего удивив-

ло меня, что самые пустяки так дороги, как-то: манишки, платки, косынки и другие безделушки. У нас, в доброй нашей Малороссии, ужаснулись таких цен и убоялись, сравнив суровый климат ваш, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссийский, который достается почти даром, а потому многие из самых жарких желателей уже наостряют лыжи обратно в скромность своих недалких чувств и удовольнились ничтожностью, почти вечною. Хорошо, ежели они обратят свои дела для пользы человечества. Хотя в самой неизвестности пропадут их имена, но благодетельные намерения и дела освятятся благоговением потомков...

Какое теперь ужасное у нас плодородие, ты не поверишь, — особливо фруктов! Деревья гнутся, ломаются от тяжести. Не знаем, девать куда. Я воображаю об необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, приехавши домой. Уже два дни экипаж стоит за мною. С нетерпением лечу освежиться, ожить от мертвого усыпления годичного в

Нежине, от ядовитого истомления, вследствие нетерпения и скуки. Возвратясь, начну живее и спокойнее носить иго школьного педантизма, пока уроченное время, со всеми своими мучительными ожиданиями и нетерпением, не предстанет снова истомленному. Какая у нас засуха! более полтора месяца не шли дожди. Не знаю, что будет далее. Лето вдруг у нас переменялось: сделалось вдруг так холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрам. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя, единственный друг Герас. Иван., попросить об одном деле... надеюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у вас в Петербурге портному самому лучшему фрак для меня? Мерку может снять с тебя, потому что мы одинакого росту и плотности с тобой. А ежели ты разжирел, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но об этом после, а теперь — главное — узнай, что стоит пошитье самое отличное фрака по последней моде, и цену выставь в письме, чтобы я мог знать, сколько нужно посылать тебе

денег. А сукно-то, я думаю, здесь купить, оттого, что ты говоришь — в Петербурге дорого. Сделай милость, извести меня, как можно поскорее, и я уже приготовлю всё так, чтобы, по получении письма твоего, сейчас всё тебе и отправить, потому что мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый. Напиши, пожалуйста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны, выставь их цены и цену за пошитье. Извини, драгоценный друг, что я тебя затрудняю так. Я знаю, что ты ни в чем не откажешь мне, и для того надеюсь получить самый скорый от тебя ответ и уведомление. Как ты обяжешь только меня этим! Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами, а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется. С нетерпением жду от тебя ответа, милый, единственный, бесценный друг.

Письмо мое начал укоризнами уныния и при конце развеселился. Тебе хочется знать

причину? вот она: я начал его в Нежине, а кончаю дома, в своем владении, где окружен почти с утра до вечера веселием. Желая тебе вполне им наслаждаться<ся>, и чтобы никогда минута горести не отравляла часов твоей радости. А я до гроба твой неизменный, верный, всегда тебя любящий

Николай Гоголь.

Из Нежина к тебе кланяются все, — примечательнее: Лопушевский, буфетчик Марко (прежний фаворит твой, с своею красною женкою), барон фон-Фонтик, Давинье, Гусь Евлампий, Григоров, Божко, Миллер и проч. и проч., а отсюда один только я приветствую тебя поклоном заочно.

М. И. ГОГОЛЬ

<19 августа 1827. Нежин.>

Приехал я сюда в Нежин 18-го в вечеру поздно невредимо и благополучно. В последний только день верст за 30 от Нежина обдало меня холодным дождем, но с помощью моей пространной брыки я ускользнул-таки от него и теперь укоренился в своем местопребывании с новою твердостью, с новою силою, крепостью к своим занятиям, с осветившимся воспоминанием вашей любви, вашего нежного материнского обо мне попечения, которое в часы досуга услаждает утружденные мечты и порывает меня к достижению своей цели с неизменною непоколебимостью. Вместе с вами вспоминает благодарное мое сердце и радостное общество близких родных наших, моих дядей Петра Петровича, Павла Петровича и Варвару Петровну. Их образ навсегда врезался в душе моей. Как они любят меня! хотя я не был достоин любви их и не мог им выказать моей благодарности; меня нельзя было им узнать. Да и

могли ли они думать, чтобы под внешним видом настойчивого упрямства, которое резко означило характер мой, могло биться сердце, отворотившееся всего, носящего название злого. Вы, почтеннейшая маминька, изведав-шие хотя мало тайник души моей, вы простите меня в словах и поступках, которые никогда не выливались от сердца, но которые были невольные выскочки слов; когда в уме бродили другие мысли, вы знали, что я был часто болтливый и в одно время раздумчивый, если чего мой разговор не касался.

Петру Петровичу изъясните мою глубокую преданность, любовь и почтительную дружбу. Я бы писал к нему, но боюсь наскучить письмом, которое вовсе не было бы занимательно, да и могут ли быть занимательны письма отшельника, простившегося на целый год с разнообразным светом. Павлу Петровичу и Варваре Петровне мой нижайший поклон и прошение не забывать так их любящего —

Н Гоголя.

Мне здесь очень весело, особенно когда заканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствие неизъяснимое. Антону я еще дал на дорогу из своих 4 р. 80 к.; у него не стало, а здесь овес чрезвычайно дорог.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го года, августа 30-го.
<Нежин.>

Случай доставил мне удовольствие писать к вам через Василия Ивановича Черныша. Более двух недель, как я нахожусь здесь, всё так же здоров и весел, всегда думаю об вас и никогда не забываю всех сблизившихся с моим сердцем. Не знаю, где вы теперь находитесь, почт<еннейшая> и милая маминька. Я думаю, вы ездили, или, может быть, поедете в Кибенцы на свадьбу, и, может быть, письмо мое долго будет ждать вас в деревне Васильевке. С вами ли еще Пет. Петр. и Пав. Петр.? Целую их сотеро раз и умоляю пробыть их у нас подолее, хоть я их не вижу, но мне всё приятно думать, что они у нас и может быть иногда вспоминают меня.

Началось ли у нас винокурение? Вы, кажется, хотели иметь большой затёр. Мне говорил Василий Иванович, что этому пособить легко, что нужно только иметь деревянный

прикубник и посредством сего можно затирать два раза в день, что так делает Александр Степ. Баранов, у которого затёру только на тридцать пуд, а он всегда увеличивает до 60-ти.

Не будете ли чего посылать сюда, ибо Сиимонова жена скоро будет сюда на ярмонку. Варваре Петровне мое признательное почтение и вместе желание провести время как можно веселее.

Елисавет Петровна, что вы безмолствуете!

Уведомите меня, маминька, отыскан ли прежде поминаемый для меня мальчик.

С неизъяснимою любовью

ваш сын

Николай Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

<12 сентября 1827 г. Нежин.>

1826-го года сентября 12-го числа.

Письмо ваше, бесценнейшая маминька, я получил неделю назад тому. Я писал к вам еще чрез Васил. Иван. Чарныша. Получили вы то письмо? Что сказать о себе? Я здоров, весел, а что еще всего лучше — мне остается только восемь месяцев к выпуску, не знаю, удастся ли мне до того времени быть дома. Мне долго здесь казалось, будто чего-то всё недостает и с получением только вашего письма, где была приписка и Павла Петровича, разгадал, что тоскую по вас. Мне почувствовалось, будто я выехал из дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни с кем. Бабушка, я думаю, порядком сердится, а еще более чувствую — Елисавета Петровна. Экой я в самом деле разгильдяй! а она для меня как трудилась, изготовила мне всего на дорогу. Но что ж делать, таков свет, редко сыщется человек благодарный... Каковы у нас

дела хозяйственные? Павел Петрович пишет, что отыскалась на том баштане что за прудом (который весь высох) дыня с пупком (а не с хвостом). Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотел бы я знать причину.

Бывает ли у вас моя любезнейшая сестрица Александра Федоровна? Ежели увидите, то изъясните ей мою заочную к ней привязанность и всегдашнюю память ее доброго во мне участия. Не знаю я, когда от вас бывает оказия к Машиньке. Мне хотелось бы кое-что послать к ней, а не хочется, чтобы посылка долго залеживалась, так вы меня известите поч.<теннейшая> мам.<инька> когда будет случай — то я пришлю на имя ваше, а вы отправите ее к ней.

С неизменной преданностью и невыразимою любовью

ваш сын Н. Гоголь.

Милая! добрая! злая! усердная! неумолимая! исполненная ядом злейших насмешек и

ядовитейших колкостей! Милостивая государыня Елисавета Петровна! вы, я думаю, готовы съесть меня, хотя за целый прошедший месяц жар ваш должен бы остудиться. Не знаю, чем умилоствитъ вас, еще через целые восемь месяцев придет то время когда брошусь на колени пред вами, а теперь скажу вам тайну: Карп Дементьевич Прохвацкий признался мне, что [признался мне что вписано.] влюблен у вас по уши и вам кланяется.

Что вы буркалики пялите?

На обороте: Маминьке Марье Ивановне Гоголь-Яновской

ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ Неж<ин>. 13 сентября 1827

Любезнейший дяд.<юшка> Павел Петрович! Благодарю несчетно раз за вашу приписочку, вы меня перенесли к себе: мне показалось уже, что я опять с вами, что совершаем вместе прогулки; вижу даже пенатов наших, и глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура, и наконец всезнающая Чцюцюшка — всё так спестрилось в моем воображении, что я не знаю, к чему наперед обратиться: или к тому, что Дорогой поймал утку, или что княжна перерядилась в баронессу.

Ах виноват, бесцен.<ный> Пав. Петр.! и забыл перед выездом проститься с вами. Признаться, я не хотел будить вас... вы так сладко спали, что мне жаль было потревожить вас, а впрочем не в пустом обряде заключается сила, и вы, я думаю, уверенны, и я уверен, что мы друг друга не забудем никогда.

Право, как подумаешь, как было весело

нам, чего мы не делали. Помните ли, как мы бракованные арбузы отправляли на тот стол? Кушаете ли до сих пор дыни? а нижненький Елисей и Матрена Алекс.<еевна> не причаливали?

Кстати: вы не знаете дальнейших приключений с онучею Петра Борисовича? Ничего уже не вижу, что у вас делается для меня всё прошло, по пословице: Всякая вологодская пивоварня имеет свою сметаняную тётку и всякая изюмная попадья имеет свою гарусную коровницу.

Сделайте милость, не оставьте меня ответом, любезн.<ый> Пав. Петр., ежели вы помните старую дружбу и нелицемерную привязанность.

Чцюцюшка разов двадцать изъявляла мне свое негодование касательно того, что не пишу к ней. Сделайте милость вручить ей при сем приложенное письмецо. Сделайте милость извинить, что я так пишу, П. П.: почта через час отходит, боюсь замедлить. По следу-

ющей ожидайте от меня предлинную рацию.

Н. Гоголь.

В. П. КОСЯРОВСКОЙ

<13 сентября 1827 г. Нежин>

Драгоценнейшая тетинька Варвара Петровна! Приветствую вас из-за 300 верст и желаю вам найсчастливейшего, найуспешнейшего окончания всех ваших дел, работ и занятий, и проч., и проч. Уделяю вам на всю жизнь две части веселости и здоровья, одну часть денег и четвертую часть — порядочный запас друзей и приятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксения Федоровна бывает у вас часто. — Э, мини казав Чцюцюшка, э... каже э... мене, каже, ниhto уже юбить, каже, Пупую юбять ючше, чим мене и Каяяюшку, э... отако э, каже, Чцюцюшка э, бачете, шо вона каже, э... э...

А панич нежиньский мини письмо пише, э... А шо, чи вы бачили? — Ось воно. Э...

Э...

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ 1827-го года, сентября 13. <Нежин.>

Почтеннейший дядинька Петр Петрович, пишу к вам, не зная, застанет ли вас письмо мое. Не помню, в какое время вы назначили день отбытия своего — мне всё представляется, что вы пробудете долго еще в Васильевке. — По крайней мере по какому-то странному сочувствию мне представляется, что я буду непременно горевать в тот день, когда вы уедете... Я слышал, что хотели вы вступить в тот полк, который стоит в Миргороде, где служит и Чихмарев. Дай бог, чтобы сыскали там счастье — впрочем, я думаю, вы не преминете известить об своем вступлении того, который вас так любит, так интересуется знать об вас, и который ничем не мог доказать любви своей и даже огорчал вас частенько. — Живо помню, как был когда-то я рассеян, чем-то оскорбил вас и даже забыл поздороваться с вами. И как через минуту вы обняли меня с улыбкою примирения и всё было

забыто.

Да, бесценнейший Петр Петрович, вы слишком добры, чтобы видеть во мне корень характера — злое упрямство, и никогда не будете иметь обо мне худых мыслей...

Весело ли вы проводите время? Когда-то судьба сблизит опять нас, или она уже положила руку разрознения и неумолимая грань будет надолго разделять нас. — Но я буду всё тот же, никогда любовь не остудеет во мне. — В часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вместе составляли дружное семейство, как работали в саду, трудились и наконец собирались к домашнему незатейливому обеду гораздо веселее и с большим аппетитом, нежели в Кибинцах к тамошнему — разнообразному и огромному.

На днях я получил 5-ю часть Ручной математической энциклопедии, которая только что вышла. Не знаю, как воздать хвалу этому образцовому сочинению. Верите ли, что я, только читая ее, понял всё то, что мне каза-

лось темным, неудовлетворительным, когда проходил математику. Как удивительно изъяснена теория дифференциального и интегрального исчисления... Мне нравится, что во всем этом курсе (который состоит из 13 томов) всякая часть, даже самая арифметика написана так, что ее никак нельзя учить буквально, так, как многие делают с другими учебными книгами, особенно с геометрией — всё здесь изъяснено, выведено, всё основано на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его. — За пять доныне вышедших частей я дал 12 рублей; в Кишинцах она должна быть, первые части я видел.

Теперь у нас проходят полевую фортификацию. Жаль, что мне нельзя с вами позадорить немного, а я б вам рассказал, какой план войны производил Тюрень, принц Евгений, Наполеон, Суворов, великий Конде, отчего проиграли имперцы, какую ошибку сделали французы в укреплениях в 1812 г., и проч., и пр., и пр.

Не слыхали ли чего новинького в происшествиях по армиям, что делается в Грузии? Но я надоел вам моим письмом. Простите меня, милый, бесценный Петр Петрович, не забывайте

любящего вас вечно

Н. Гоголя.

На обороте: Петру Петровичу Косоревскому.

М. И. ГОГОЛЬ
1827, месяц октябрь, 2-е
число. <Нежин.>

Позвольте поздравить вас, маминька, с протекущим днем вашего ангела. Желание мое вам известно: оно всегда одно и то же — видеть <вас> в совершенном здоровьи и чтобы никогда легкое облако горести не отемняло вашего счастья, чтобы вы встречали всегда нас, ответивших вашим ожиданиям. — Благодарю вас за присылку денег и посылки с фруктами. Ваши наставления касательно неупотребления напитков крепких могут быть даже излишни, потому что во всё время пребывания моего здесь и без того не буду употреблять их; притом же вам известно, что я не слишком-то и охоч до них. Чувствительнейше благодарю Петра Петровича за материю; пошить же его как, я еще не знаю, оттого что не знаю, сколько ее. Вы напишите, много ли аршин. — Тулуп я отсылаю. Рад весьма, что таки и мне удалось чем-нибудь услужить ему. — На днях получил я письмо

из Петербурга, письмо касательно пошитья там фрака. Лучший портной с сукном своим (первого сорту) с подкладкою, с пуговицами и вообще со всем, требует 120 рублей. Не смея теперь (зная ваши не слишком благоприятные обстоятельства) просить вас об этом, я буду ждать, когда вам можно будет собрать такую сумму.

Вы меня напугали немножко выговором об похищении какой-то бумаги. Я право не знаю, может быть, я их и дома взял; только здесь, рывшись в своей портфеле, я сыскал два листа и не заметил в ней никакого особенного достоинства, кроме того, что слишком тонка. На ней тот же час я написал письмо к вам. Впрочем, ежели вам нужна, то я могу купить: здесь продается почти такая же. — Петр Петрович пишет, что за Артемом последовали на поселение его жена и дети. Скажите: они выкупились, или вам за них заплатили, особливо дети?

К Машиньке посылочку, а в ней и письмо, посылаю.

Сделайте милость, отправьте их к ней скорее: в ней я посылаю некоторые нужные ей книги.

Простите, почтенейшая маминька.

Ваш сын, с неоцененною к вам любовью

Н. Гоголь.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ

Нежин. 3-го октября, 1827-й ГОД

Бесценнейший ответ ваш на письмо мое я получил. Не знаю, чем возблагодарить вам, почтеннейший дядин<ька> Петр Петрович; между теперишними вашими заботами и недосугами вы таки находите время писать ко мне, это наполняет меня сладкою уверенностью, что вы меня любите (может быть, я сказал много), что по крайней мере приверженность моя к вам не несносна. И я сохраню ее всегда, хотя разрознение наше едва ли когда может соединиться; неизвестность вашей участи для вас может быть так темна, как и моей для меня. — К тому времени, когда я возвращусь домой, может быть, ваш полк выступит бог знает куда, а меня судьба загонит в Петербург, откуда навряд ли залучу когда-либо в Малороссию. Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет

почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом — быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно. Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции. — Я видел, что здесь работы будет более всего, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не потерять, не сделав блага. Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных, как основных для всех, законов, теперь занимаюсь отечественными. —

Исполнятся ли высокие мои начертания? или Неизвестность зарует их в мрачной туче своей? — В эти годы, эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. — Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? — Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных. Я не знаю, почему я проговорился теперь перед вами, оттого ли, что вы, может быть, принимали во мне более других участия или по связи близкого родства, этого не скажу; что-то непонятное двигало пером моим, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствие вошло в грудь мою, что вы не почтете [не почтете меня] ничтожным мечтателем того, который около трех лет неуклонно держится одной цели и которого насмешки, намеки более заставят укрепнуть в предположенном начертании. — Ежели же вы и не по-

участвуете во мне, по крайней мере вы затаите мое письмо, так же, как я затаил в себе одном свои упрямые предначертания. Доказательством сему может <быть, что> во всё время бытия моего с вами я ни разу не давал себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводил речь о выборе будущей своей службы, о моих планах и пр. Даже маминька, которая хотела узнать мой образ мыслей, еще не может сказать наверно, куда я хочу, причин еще некоторых я не могу сказать теперь. Впрочем это только для одного меня может только быть занимательно. — Прошу вас, бесценнейший Петр Петрович, не оставлять того, который к вам привязан более, нежели ко всем на свете, который вам выверил совершенно себя. Вы, думаю, будете иногда писать ко мне, я знаю, что вы не почтете этого в тягость, хотя редко, хотя через несколько месяцев раз. — Но не досадно ли? я не могу больше писать к вам. Совершенно истомился весь. 12-ть часов проиграло, а я еще не написал к сестре. Прощайте! милый, бесценный дядинька Петр Петрович, может быть до другой почты.

Н. Гоголь-Яновский.

Бедный дядинька, вам будет холодно, а вы и не напомнили, когда я был с вами, про тулуп, а между тем еще и свое отдали. — Ах, как вы добры! хорошо, что добрая маминька моя догадалась сказать вам об этом. Сделайте милость, закутывайтесь, он тепел, только слишком тяжел. Он мне был совсем не нужен, я даже его ни разу не надевал.

ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ

Нежин. Октября 3-го 1827

года

Здравствуйте, душинька дядинька Пав.<ел> Петрович. Как я обрадовался, увидя письмо ваше. Ежели бы вы да к листочкам своим еще прибавили хоть два, то я бы расцеловал вас; но я и теперь не знаю, чем возблагодарить вам. — Новости ваши весьма интересны для меня, хотя, может быть, посторонний кто-либо смеялся бы над нами. Но вообразите себя в совершенном уединении, где редко улыбка заглядывает в лицо: не мила ли тогда будет нам забавная старина? В Полтаве у вас опять рыскает новость об войне. Она и сюда заехала; но по пословице Романа Иван<овича>: не всякому слуху верь, я стою над нею в раздумьи, верить или не верить. Что, как ваши дела? получили ли вы ответ от Рота? Когда бы он проклятый решил для вас повыгоднее! только сделайте милость, не забывайте тогда и нас грешных, пишите ко мне. — Так ли вы еще весело проводите время, как и прежде? —

Бывало (помните ли наши гулянья?) мы путешествуем даже до мельниц и приходим к вечеру, истомленные, на чай, или на богатую коллекцию дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда после ужина отправляемся на ночлег по нашей шаткой лестнице в возвышенное наше обиталище. Я думаю, вы уже не спите там: октябрьские холода уже дают знать себя. — Экое счастье прикатило мамзеле, пускай бы уже 6 тысяч да полторы т.<ысячи> на дорогу; а то еще и окорок ветчины. Скажите пожалуйста, где она денет его? Нельзя ли как-нибудь ей посоветывать, по старой дружбе, удружить нам? Ну, а тем же дурищам кибинским чего так выть по нас, ведь мы же сказали им, что скоро будем.

Вы спрашиваете меня: что это за Ручная математическая энциклопедия? Она включает полное собрание физико-математических наук; по своему новейшему, прекрасному расположению, по вмещению в себе новых истин и новейших открытий, изысканий и исчислений, наконец по легкости, удобности, с какой изложена, она может быть пер-

вым математическим сочинением; вмещается в 13-ти маленьких томах, которые все можно разместить по карманам; заключает в себе всю чистую и высшую математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономию.

Долго ли вы пробыли в Федоровке? Кто там? Одне ли девицы, или был кто-нибудь из братьев их? Не было ли Елисея с нижнесенькою его супружницею, Матроною Алексиевною? Сделайте милость, напишите, какой у нее теперь чепчик? верно, модный. А зятек-то их как поживает? Располагаете ли быть в Кибинцах? хотя, думаю, не скоро вас туда залучат. Там-то теперь содому! Я думаю, приезжие господа бушуют. Сделайте милость, уведомите, как принимают там Хилкова и что делает тот старый греховодник Иван Ефим.<ович>.

Верите ли, что у нас в Нежине так скучно стало, что не знаешь куда деться? сидишь целый день за книгой да зеваешь так жалко, что уши вянут. Хотя у нас и ярманка, хотя и графа ждут, а всё что-то будто не клеится. Те-

перь мне последний год, и тот уже ущербился; дела, однако ж, почти нет. Прошлый только год мне был самый крепкий, никогда его не забуду, было над чем трудиться! Теперь от занятий остается времени довольно: в это время я читаю *Bibliothèque des dames*. Очень хорошее издание; их всех 200 томов. Здесь найдете всё. Я читаю путешествие во все страны. На днях читал я Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса. Мне они очень понравились; желал бы я видеть выходящими побольше этаких книг в свет. — Мне всё не выходит из ума проклятая мамзеля, да и Баранов не бестия ли! Знает, где раки зимуют. Посмотрите, ежели он не подхимистит у нее всё свиное сало, которое ей дали на дорогу! Видели ли вы Анну Борисовну? что же касается до Петра Борисовича, то я, дня два назад видел его во сне, только без кнута и пешего.

Но я надоел вам своими приключениями, вы уже хотите чем-нибудь заняться и досадуете на неуместное письмо мое; но я знаю вашу доброту, знаю, что вы, хотя и посердитесь, что я докучаю вам, однако ж таки не оставите

без ответа сиротку — письмо мое.

Всегда вас любящий, всегда вам приверженный слуга и племянник

Н. Гоголь.

Роману Ивановичу, Пупуре, Бондаревскому, Прохвацкому, Дорогому, Чцюццюшке, Петру Борисовичу и проч. мое нелицемерное уважение.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го года, ноября 13-го
дня. <Нежин.>

Разные стекшиеся мои обстоятельства, необходимость нужных занятий, последний год моего здесь пребывания, всё [всё это] соединилось, чтобы воспрепятствовать мне увидаться с вами, почтеннейшая маминька, на празднике Рождества. Вы знаете, как я всегда в это время рад быть с вами, а теперь принужден лишиться моего прекраснейшего удовольствия, которое я заменяю только утешением будущего свидания по выпуске моем, а до того времени в твердом, постоянном занятии и в глубоком обдумьи будущей должности и нового бытия в деятельном мире, для блага которого посвященна жизнь моя, может быть, незаметная, но по крайней мере все мои силы [все мои думы] будут порывать-ся на то, чтобы означить ее одним благодеянием, одною пользою отечества.

На Рождество, когда будут посылать за Да-

нилевскими, тогда вы можете иметь хороший случай, если придется что-нибудь послать мне.

Я здоров и даже слишком весел.

Я думаю, Павел Петрович уже уехал из Васильевки. Сделайте милость, напишите мне, где он: мне еще нужно отвечать ему. Петр Петрович, я думаю, уже давно на должности. Что Машинька еще не писала ко мне, я ожидаю от нее ответа.

Прощайте, бесценная маминька; будьте уверены в моей неизъяснимой сыновней любви к вам, которою неугасимо пылаю к вам

ваш сын

Н. Гоголь-Яновский.

Варваре Петровне свидетельствую мой глубокой поклон и желанье побольше спать и веселиться, и извините перед нею неучти-

вого племянника, который не написал сам к ней: но бог видит, как времени нет.

Елисавете Петровне усердный поклон. Дедушке и бабушке мое глубочайшее почтение, и поцелуйте их от меня, который и за тридцать земель видит их перед своими глазами (вообразительно).

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го года, декабря 15.
<Нежин.>

Письмо ваше, почтеннейшая маминька, я получил три дни тому назад. К великой радости знаю, что вы здоровы, что дела ваши по крайней мере идут не слишком худо. Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не перерывает моих глубоких занятий. Об потерянном времени жалеть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и в короткие эти полгода я хочу произвести и произведу (я всегда достигал своих намерений) вдвое более, нежели во всё время моего здесь пребывания, нежели в целые шесть лет. — Мало я имею к тому пособий, особливо при большом недостатке в нашем состоянии. На первый только случай, к новому году только, мне нужно по крайней мере выслать 60 рублей на учебные для меня книги, при которых я еще буду терпеть недостаток, но при неусыпности, при моем железном терпении я

надеюсь положить с ними начало по крайней мере, которого уже невозможно бы было сдвинуть, начало великого предначертанного мною здания. — Всё это время я занимаюсь языками. Успех, слава богу, венчает мои начинания. Но это еще ничто в сравнении с предполагаемым: в остальные полгода я положил себе за непременно — окончить совершенно изучение трех языков. На успех я не могу пожаловаться. От него и от своего неколебимого намерения я много надеюсь. Мне жалко, мне горестно только, что я принужден вас расстроивать и беспокоить, зная наше слишком небогатое состояние, моими просьбами о деньгах [моими просьбами о деньгах вписано.] и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду иметь неприятную необходимость надоедать вам подобными просьбами чаще прежнего. Но почтеннейшая маминька, вы, которая каждый час заставляете нас удивляться высокой своей добродетели, своему великодушному самоотвержению единственно для нашего счастья, не старайтесь сохранять для меня имущества, к чему мне оно? Только разве на первые два или три года

В Петербурге мне будет нужно вспоможение, а далее... разве я не умею трудиться. Разве я не имею твердого неколебимого намерения к достижению цели, с которым можно будет всё побеждать, и эти деньги, которые вы мне будете теперь посылать, не значит ли это отдача в рост с тем чтоб после получить утроенный капитал с великими процентами. Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке. Я как подумаю, что ей бедной слишком мало достается на часть так не лучше ли будет если разделюсь всем [всем вписано.] своим имением с нею [с нею вписано.], особливо как буду в Петербурге. Я бы оставил только [Было начато: Я оставлю то<лько>] домик для своего приезда, об меньших сестрах после подумаем. А вы, маминька, осчастливьте (чего я надеюсь без сомнения) меня своим пребыванием и спустя каких-нибудь года три после своего бытия в Петербурге, я приеду за вами, вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете в Петербурге моим ангелом-хранителем и советы ваши, свято

мною исполняемые, загладят прошлое легкомыслие моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастлив.

Но несносный недосуг не дает мне более времени говорить с вами, и я опять спешу заняться грузом своих упражнений. Ежели придут Черныша люди, тогда напишу вам обстоятельнее свои виды и поговорю об моей службе. Вместе буду писать и к Павлу Пет., Петр. Петр., к Машиньке.

Любящий вас более всего на свете сын

Н. Гоголь-Яновский.

Сделайте милость, маминька, поспешите присылкою денег 60 рублей.

М. И. ГОГОЛЬ
1827-го года, декабря 20 дня.
Нежин

Вообразите, почтеннейшая маминька, я опять не могу за поспешностью написать, о чем я говорил в первом письме, которое вы, я думаю, получили. Так неожиданно и так скоро отправляется Данилевский, что я пишу к вам только для того, чтобы объявить вам, что я здравствую, что у меня бездна дел, ни капли времени, и что ожидаю с нетерпением пособия, о котором в прошлом письме упоминал.

Вместе с вашим письмом посылаю и к Машиньке посылочку с книжкою, которую, сделайте милость, отправьте к ней скорее.

Разве по которой-нибудь из следующих почт я буду писать к вам подробнее. Экая досада, я хотел-было поговорить об моих намерениях касательно службы, но, видно, уже нужно после. Прощайте, бесценнейшая маминь-

ка, не забудьте любящего вас более всего на свете сына

Н. Гоголь-Яновского.

Сделайте милость, почтеннейшая маминька, не замедлите упоминаемых мною в предыдущем письме денег.

На обороте: Почтеннейшей маминьке Марье Ивановне Гоголь-Яновской в д.<еревне> Васильевке.

М. И. ГОГОЛЬ
<После 6 января 1828 г.
Нежин.>

Деньги д<ражайшая маминька-- [Дефисами
Добозначены несохранившиеся и не подда-
ющиеся восстановлению части письма.] я по-
лучил> вчера. По все<й?>-- видно Полта<вская
контора?> <задержала пущенное мною по>
<?> Миргородской <почте письмо, в котором
просил я о> <?> <при>сылке денег-- Я вам го-
ворил-- <о моем усиле>нном занятии <языка
ми>-- Еще с сентября мес<яца>-- мною безоста-
новочно-- успехом сперва мне нуж<но было
немного пока я> <?> занимался одним язы-
ком-- много усили<ли>сь когда в остав<шееся
время?>-- сделать всё то, что мне нужно <бы-
ло сделать в продолжение> всех лет моего
здесь бытия. По<этому мне нужны деньги> а
будут еще нужны большие. И теперь-- могли
занимать меня все самомале<йшие> <получа-
емые?> мною деньги употреблял я для свое-
го-- Приспели гораздо большие трудности--
[Далее начато: даром достать не] Необходимо

нужные пособия к уразумению языков достать теперь-- <1 нрзб.>. Я просил-- <прислать> мне 60 рублей-- <1 нрзб.> впредь, уже-- Я умолял вас несчетное число раз-- <К чему со>хранять его для меня-- <м>не такое имение-- <Я не хочу?> <оста>вить себе вещественное <имение?> —<ста>раться сбыть некоторые-- <ненужные земли и даже продать-- <с>только надежд полагали, что-- <мн>е неизбежным. Ибо: через полгода-- <де>ньги нужны, и большие, особливо на первый-- <мо>гу и своими трудами жить. Машиньке также-- только в пансионе. Ей также нужны-- нужно ей порядочно окулироваться и всегда при том же нужно ей что-нибудь положить <на приданое?> <за?> ней. — Итак вы видите, что его продажа необходима-- что я воображал, что вы непременно вышлете-- <для мо>их занятий еще до нового года оные 60 рублей-- и расположил я, основываясь на книгах <которые> <собирался?> я купить, всё было у меня распределенно, часы назначены, и ни один промежуток времени не долженствовал быть упущен — для этого я решился пожертвовать всеми удовольствиями. Вы помните, с каким

ужасным энтузиазмом [стара<нием>] я всегда желал видеться <с> вами. — Как жарко я всегда хотел ехать на праздник, как это было предметом желаний моих. Я всем этим решился пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения [однообразному трудному занятию, вечному заточению]. — Видно было, что я больше предпочитал тягостное приобретение пользы упоительным радостям веселия, и притом в такое время, когда все веселились. И вообразите: теперь, когда я увидел свой план рушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но никакого ответа, я принужден был бросить всё. Да и мог ли я заняться чем-нибудь, видевши главное свое неисполненным? Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокаиваться только с прошествием праздников, но воспоминание о них режет мое сердце.

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. — Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда никто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцев, и видеть все свои надежды разбитыми — о! это ужасно! Но не думайте, почтенейшая милая маминька, чтобы я в это время досадовал на вас или хотя малейшее на вас имел неудовольствие, нет, я собственно досадовал на себя и наказывал одного себя. Но наказание мое было ужасно.

Я теперь умоляю вас, почтенейшая маминька, сделайте милость, не оставте меня так растерзанным, ежели то уже пропало, дайте мне силы вознаградить его, мне нужно, кроме тех 20-ти рублей, которые вы прислали и которые я тщательно берегу, еще 80 восемьдесят рублей, хотя эта сумма чуть-чуть только меня удовлетворит... — Но вообразите, что вы

ее даете мне займы, что по прошествии 3 или 4-х лет я вам возвращу ее усотеренную. — Сделайте милость, почтенейшая маминька, не жалейте моего имения... жалейте своего здоровья, а за малые, теперь претерпеваемые нам в имении уроны, вознаградит<есь?> в последствии.

Простите бедного вашего сына, ежели он потревожил вас, ежели он нанес вам тысячу новых хлопот, и не сердитесь на него, который ежели что делает, делает для вас и для счастья всего нашего семейства.

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1828-го, март, 1 число.
<Нежин.>

Я чувствовал, что принесу вам большое неудовольствие своею просьбою, зная трудность выполнения ее. Я точно во многом, очень во многом пред вами виноват, почтеннейшая маминька. Недавно только понял я, что имел нужды не по своему состоянию, и что моей бедности тягостно было удовлетворять и ближайшие издержки; и узнал это тогда, когда потребовались еще нужнейшие, для моих занятий.

Я не говорил никогда, что утерял целые 6 лет даром, скажу только, что нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько узнать еще. Вы изъявляли сожаление, что меня в начале не поручили кому, но знаете ли, что для этого нужны были тысячи... Да что бы из этого было? Видел я здесь и тех, которые находились под особенным покровительством: им только лучше ставили

классные шары, а в прочем они были глупее прочих, потому что они совершенно ничем не занимались. Я не тревожил вас уведомлением об этом, зная [потому что знал], что лучшего воспитания вы дать мне были не в состоянии, и что не во всякое заведение можно было так счастливо на казенный счет попасть. Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и пр., здесь языкам совершенно не учат, доказательством сему служат те, которые приехавши сюда с некоторыми познаниями в языках, выезжали позабывши последние. Ежели я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебные пособия, если не совершенно достиг того, что мне нужно. У меня не было других путеводителей, кроме меня самого, а можно ли самому, без помощи других совершенствоваться. Но времени для меня впереди еще много, силы и старание имею. Мои труды, хотя я их теперь удвоил, мне не тягостны ни мало, напротив, они не другим чем мне служат как развлечением, и будут также служить им и в моей службе, в

часы свободные от других занятий.

Что же касается до бережливости в образе жизни, то будьте уверены, что я буду уметь пользоваться малым. Я больше испытал горя и нужд, нежели вы думаете. Я нарочно старался у вас всегда, когда бывал дома, показывать рассеянность, своенравие и проч. [и проч. вписано.] чтобы вы думали что я мало обтерся, что мало был прижимаем злом. Но вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч. Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всех, никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите ли, что я внутренне сам смеялся над собою вместе с вами. Здесь меня называют смиренником, идеалом кроткости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый,

задумчивый, неотесанный и проч., в третьем — болтлив и докучлив до чрезвычайности. У иных — умен, у других — глуп... Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда не унижался я в душе и что я всю жизнь свою обрек благу. Вы меня называете мечтателем, опрометчивым, как будто бы я внутри сам не смеялся над ними. Нет, я слишком много знаю людей, чтобы быть мечтателем. Уроки, которые я от них получил, останутся на-веки неизгладимыми, и они верная порука моего счастья. Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодеяниями, потому что зло их мне обратилось в добро. Это неперменная истина, что ежели кто порядочно пообтерся ежели кому всякой раз давали чувствовать крепкий гнет несчастий, тот будет счастливейший [Окончание письма, видимо, утрачено.]

М. И. ГОГОЛЬ
1828-го г. Марта 30 дня.
<Нежин.>

Извините, почтеннейшая маминька, ежели поздравлю вас с праздником уже на исходе его. Впрочем вы, я думаю, мало нуждаетесь в письменном моем поздравлении, зная мои чувства, желания, мою благодарность, и вечную признательность за вечно [вечно вписано.] неотблагодаримые ваши попечения. Горько мне, когда вспоминаю, что еще я вам буду стоять великих затруднений, что еще я должен буду принять тягостное для меня благодеяние ваше, потому что я знаю, с каким горьким трудом оно вам обойдется. Знаю, что вам последний раз уже сделать мне вспомоществование; но знаю и то, как трудно из нашего небогатого состояния это сделать. Одною только мыслью утешаю себя, что уже более не нанесу вам подобных затруднений и что, ежели даст бог, найду способ и силы помогать вам, то есть моим сестрам, потому что вы совершенно посвятили себя нам и ваше

счастье полагаете в нашем.

Я думаю, что курс Машиньки уже кончен. Не помню, когда настоящий срок, ежели же он пришел и ежели она уже дома, то известите меня.

Очень меня беспокоит, что я еще принужден вас трудить касательно моей экипировки. Деньги для этого нужно заблаговременно прислать. Казенное теперь всё отберется у нас, и для того на платье потребуетя более прежнего. Впрочем об этом уведомяю вас последующим письмом.

С нетерпением жду видеть вас. Теперь время моего отсутствия продолжается целый год, но тем приятнее будет свидание. Прошу вас уведомить также, будут ли и теперь у нас Петр Петр. и Павел Петрович и где они теперь находятся. Я не забыл еще приятности времени, проведенного вместе.

Желаю вам возможнейшего счастья, здоровья и облегчения трудов ваших.

Весь ваш и весь любящий вас сын

Николай Гоголь-Яновский.

Поклон мой добрым соседям нашим.

М. И. ГОГОЛЬ
1828 год, апреля 7-е.
<Нежин.>

На сих днях узнал я кой-какие подробности касательно времени окончания нашего курса: в половине июня должно уже всё быть приведенну к концу; а потому я буду просить вас, почтеннейшая маминька, деньги на платье (ежели только это не причинит вам большого беспокойства) прислать сколько возможно скорее, чтобы я мог заблаговременно всё приготовить, потому что после не будет минуты свободной. Желал бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды (я трепещу, воображая, каким трудом вами достается нам даже необходимое), но несмотря на мои великие ограничения менее 200 рублей не может обойтись мне мое экипирование. И потому прошу вас покорнейше, ежели можно, выслать мне эту сумму по крайней мере так, чтобы я мог получить 10 мая. Чувствую, скольких стою вам затруднений, но утешаюсь, что в скорости помощь бога даст мне си-

лы выявить вам мою [свою] благодарность сыновнюю, успокоением, удовольствием драгоценных для нас дней ваших.

У нас еще начало весны, но мне кажется, я не видел лета, которое было бы так жарко. Как несносна для меня эта пора со всегдашней своею спутницею ленью! Думаю, что в этот год должно ожидать плодородия: зима была прекрасна; дожди шли, дай бог, чтоб ожидания исполнились, и трудящиеся с [Окончание письма неизвестно.]

М. И. ГОГОЛЬ

М. май, 3 число, 1828. Нежин

Письмо ваше получил я в конце истекшего месяца; оно было для меня прекрасным подарком и признаюсь, несмотря на мою нелюбовь к вытверженным наставлениям, ваше золотое правило, предписанное мне в конце письма вашего, глубоко врезалось в мое сердце, оно благодетельно было в тогдашнем моем состоянии, и первое мое движение была живая благодарность вашей неусыпной любви к нам.

Жалею очень о болезни сестрицыной, об этакой болезни в первый раз слышу, боюсь, чтобы она не составила каких-либо неприятных следствий.

Крепко досадует меня неисправность наших почтовых экспедиций, получили ли вы письмо мое пущенное в половине апреля, где я просил вас о присылке двухсот рублей денег на платье. Ежели вы еще их не выслали, то

сделайте милость, высылайте как можно поскорей, чтобы мне можно было управиться. Дела теперь столько нам, что право подумать страшно. Наши премудрые наставники, дремавши целый год, вздумали приударить во всю ивановскую. Экзамен будет слишком близко и первых чисел июня должен окончиться. С некоторой стороны это хорошо, оно сблизивает свидание наше, и тем награждает достойно труды мои. Теперь, я думаю, можно уже для меня приготовить бричку попространнее, по крайней мере такую, в какой, помните, я возвращался прошлый год в Нежин, Андрей Андреевич верно не откажет в ней, а я июня 10-го совсем уже буду наготове ехать.

Приятно мне очень что Анинька умеет читать, я даже удивляюсь, как она могла так скоро выучиться; впрочем чего не сделает ваша материнская любовь. И я вдвойне теперь обязан вам благодарностью, которую надеюсь почти чрез один только месяц выявить перед вами, как говорят, лично. А до того раз сто целую хотя воздушно ваши ручки и с почтени-

ем, с любовью, с благодарностью

остаюсь вечно признательным сыном

Н. Гоголь.

Да, вот было позабыл! Сделайте милость пришлите, да только как можно поскорее маленькие чертежи и планы г-на [г-на вписано.] Кафторова которые он чертил, будучи еще учеником в полтавской гимназии. Они должны находиться между планами и картинами в шкапу, где были книги.

Деньги, находившиеся при сем последнем письме, я получил.

Не забудьте чертежей. Верите ли, что этот пустяк причиняет мне много беспокойства, самому чертить никак невозможно, работа долгая, а времени нет, а между тем требуют, извините что я вас, почтеннейшая маминька, так бессовестно беспокою.

М. И. ГОГОЛЬ

1828-го г. М. май, 16-е число.

Нежин

Письмо и деньги получил все сполна 12-го дня сего месяца и в первый раз подивился исправности полтавской почты. С платьем я уже почти распорядился совсем. Благодарю вас, почтеннейшая маминька, за ваши великие заботы для меня, не стоящего их. Но впрочем опасения ваши насчет моего мнимо-ипохондрического состояния в этом месяце напрасны. Я весел и едва ли еще не веселее обыкновенного, хотя даже и отдалили от меня радостный день свидания с вами. Как на зло, на теперешний выпуск ожидают нашего графа, и через это мне нельзя раньше 25-го июня оставить Нежин. Впрочем, как мне ни тягостна долгота этого времени, но всё не более она полутора месяца. Не знаю, успею ли я уже до этого времени писать к вам, и для того насчет присылки за мною советую распорядиться, не ожидая от меня другого известия. Главное, мне нужен пространный эки-

паж, и лучшего не нужно, как тот, в котором я возвращался прошлый год в Нежин. Это была необъятная брыка, которою ездили кибинские камердинеры. Я думаю, ее одной будет достаточно для моего укладу. Притом она слишком легка, сплетена с прутьев, и даже не тряска на ходу. За мною присылайте так, чтобы к 24-му или к 25-му экипаж был уже здесь непременно.

От всей души рад, что Петр Петр. и Павел Петрович теперь у нас. Как бы мне желательно их увидеть еще у нас дома; я во многом виноват против них; только лично могу испросить у них прощения. — Поблагодарите Павла Петровича за то, что он не забывает меня. С жадностью перечитывал его записочку. Но вы меня так напугали скорым их выездом, что я не знаю, застало бы ли письмо мое их. — Ах, если бы они подождали месяца два! Зачем уезжать в такое [этакое] прекрасное время? Мне всё кажется, что мы проведем вместе это время все и многолюднее, и шумнее, и веселее, чем когда-либо. Дай бог, чтобы это сбылось! Я думаю, сестра уже до сих пор

дома. Сделайте милость, приневольте ее написать ко мне. Она изволит жаловаться, что я к ней не пишу; а мне кажется, что этот грех за ней: на два письма мои она ни слова.

Простите, почтеннейшая маминька, до недолгого времени.

Ваш вечно признательный сын

Ник. Гоголь.

Чувствительнейше благодарю Варвару Петровну за незабытие меня и надеюсь принести благодарность настоящую сам.

Мое почтение бабушке, дед<ушке> Ивану Матв<еевичу>, Марье Или<ничне>, всем родным и знакомым.

М. И. ГОГОЛЬ

1828, май, 30-е число, Нежин

Вчера я получил ваше письмо, почтеннейшая маминька, пущенное вами 23-го мая. Удивляюсь, как вы не получили другого письма моего, отправленного немедленно вслед за тем, где я писал, что экзамен нам отсрочен и что я могу 25 только июня ехать. — Боясь в самом деле, чтобы вы не успели выслать, я предуведомляю вас, что нужно выслать к 25 июня, которого числа я уже совершенно свободен. Досадно ужасно, что меня так обманули; но впрочем и 25-е недолго, и я таки скоро буду у ваших ног. Прощайте, почтеннейшая маминька, с надеждою скорого свиданья, остаюсь вечно признательный ваш сын

Николай Гоголь.

Сестру благодарю и поздравляю с новосельем, родиной и курами. Только странная привычка до сих пор величать меня словом вы. Мы кажется оба одних лет. Ежели еще она

не старше меня, в отношении к своему полу.
Впрочем целую ее несчетно раз.

До свидания.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
<Сентябрь 1828 г.
Васильевка>

Извини, друг мой, что я не сей час, по приезде моем, являюсь к тебе. Лошади наши все выморенны ужасно, колесивши из Полтавы по всем окрестностям. Теперь решаюсь просить тебя — между нами нет светских обычаев, надеюсь ты не рассердишься, что я, не сделавши контрвизита, решаюсь на такую смелость. Но впрочем я имею кое-что тебе порассказать. — Приезжай, если тебе мила наша беседа, которая так радовала меня прошлый раз, если тебе мил старый друг и бутылка мадеры.

Твой Н. Гоголь.

ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ
<1828> Сентября 2-го.
<Васильевка.>

Благодарю вас, милый Павел Петрович, благодарю вас, дядько, за письмо ваше, за вашу память обо мне. Ежели бы вы знали, как мне дуже не добре вас не видеть. Вообразите, что я один без всякого камрада скучаю в Васильевке. Я весь в каком-то бесчувствии, и только порою воспоминание о нашей благословенной веселой троице, обитавшей на верхнем жилье купно в здравии <и> благоденствии, шевелит мои думы. Но всё там угрюмо, пусто, ни стола, ни стула, и даже самый наш шаткий паркет разобран при расташовке ярмонки на ятки; один только Дорогой остался верен своему бывшему пристанищу и на зло за то, что его часто оттуда прежде гоняли, храпит там безотлучно. Я же с Сюськой перебрался в теплейшую комнату, в соседней к бабушке, отгородился от нее ширмами, потому что испарения бабы и косолапой девы, ее прислужниц, почивающих в сенях, разят

убийственно в мои полуоткрытые двери. Впрочем моя квартира не совсем дурна; не знаю, какова ваша. Да что вы в самом деле не сообщили нам своих разговоров с императрицею? Здесь носятся слухи, что вы приняли ее очень милостиво и благоволите к ней. Но довольно уже. Новостей никаких не имею, чтобы рассказать вам, а разве вы не порасскажете ли чего-нибудь нам животрепещего. Когда-то вы окончите дела свои и Васильевка увидит вас на лоне своем, вдвое веселее, вчетверо беззаботнее, вшестеро счастливее и всё так же нас любящего.

В надежде осуществления всего этого,

остаюсь до свидания ваш

Сахарный племянничек

Н. Гоголь-Яновский.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ

<1828.> Сентября 8-е.

<Васильевка.>

Извините, почтеннейший Петр Петрович, что я не писал к вам, я не знал, что и мое письмо будет служить вам не лишним, я всегда думал: не нужно там тратить слов, где нужны дела — что же, буду писать к вам. Если бы мое письмо хотя на миг заставило вас позабыть вашу скуку, тогда бы я был счастлив, я бы не потратил тогда слов даром. Теперь у нас ярмонка, и хотя его высокопревос. не благоволил приехать, но мы провели время всё-таки недурно, беспрестанно разъезжали по ярмонке и разорялися в пух... я один промотал пару целковых. Но она выгоднее всего была нашим людям, потому что все покупки шли им. В Яресках я уже не помню, когда был. Недавно только воротился из Кременчуга, где также была ярмонка и где более всего я промотался на вина и на закуски. Но как теперь яресковских гостей не было, то весь этот запас остался нам на всё годовое

продовольствие. В праздник храмовой нашей церкви мы пили таки вино хорошее, вспоминали вас, считая неполное наше семейство. Зачем вы оторвались от нас, от тех, которые думали и привыкли с вами не расставаться? Раз застал я [Далее было: маминьку] нашу редкую маминьку в слезах над письмом вашим, в котором, по словам ее, заключался упрек на молчание, между тем как она давно уже отправила письмо к вам; целый тот вечер мы ни о чем больше не говорили, как только об вас. Воспоминания кучею теснились на ум; тогда только увидел я, сколько все наши любят вас, и мне пришла в голову счастливая мысль, но которая вскоре разрушилась, когда я услышал, что будто вы уже располагаете покинуть [покинуть уже] навсегда Малороссию. Неужели вы в состоянии оставить тех, которые так вас любят? Зачем же было нас всех так привязать к себе, чтобы удаление ваше потом навело нам горькую печаль? Я еду в Петербург непременно в начале зимы, а оттуда бог знает, куда меня занесет, весьма может быть, что попаду в чужие край, что обо мне не будет ни слуху, ни духу несколько лет, и

признаюсь, меня самого не берет охота ворочаться когда-либо домой, особливо бывши несколько раз свидетель, как эта необыкновенная мать наша бьется, мучится иногда даже об какой-нибудь копейке, как эти беспокойства убийственно разрушают ее здоровье, и всё для того, чтобы доставить нужное нам и удовлетворить даже прихотям нашим. Как разрывалось у меня сердце, глядя на такие труды и вспоминая, что я сам часто употреблял во зло. — Кто же в это время моего отсутствия может заставить ее быть спокойною, когда прибавляется ей еще новая печаль, беспрестанные заботы и часто печальные мысли на счет отсутствующего? Я прошу вас, я умоляю, заклинаю и родством и приязнию и всем, что только может подвинуть ваше доброе сердце, не оставьте нас, отмените свое грозное намерение и, совершивши свое достойное дело, приезжайте в Васильевку, будьте ангел-утешитель нашей матери. Вы всегда были помощником ей и в хозяйстве и во всем добром, вы и теперь облегчите ее заботы. Я с своей стороны почти всё сделал, денег беру с собой немного, чтобы стало на проезд и на

первое обзаведение; а для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение. Не по легкомыслию, не по какому-либо безрассудительному хотению это сделаю, но самое благоразумие этого требует. Нужно всё предполагать. Может быть, и весьма вероятно, что в самом деле я отлучусь и слишком далеко (это и есть мое намерение), обо мне не будет и слуху, между тем уплывет десять лет, законная давность — почему знать, каковы еще будут мои сестры, может быть, жадные наследники не дадут ей и места, где бы преклонить голову. Вы знаете этого алчного попа от Меркурия, который с такою жадностью следит наше имение, и который, пользуясь правом родства, уже зажилил порядочный кусок, чего они не сделают с женщиною, хотя благоразумною, но всё-таки не имеющею достаточной твердости для состязания с этими закоснелыми грабителями. Что касается до меня, ежели найду свое сча-

стие, ежели приду в состояние помочь своим родственникам и сестрам — приеду. Ежели нет — потерплю нужду, а кого нужда не совершенствует и не делает богатым? притом же до слишком большой нужды не доеду. Ежели для постоянного приобретения знаний не буду иметь всех способов, могу прибегнуть куда к другому, вы еще не знаете всех моих достоинств. Я знаю кой-какие ремесла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью, работаю на кухне и много кой-чего уже разумею из поваренного искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маминьки, а что еще более, за что я всегда благодарю бога, это за свою настойчивость и терпение, которыми я прежде мало обладал, теперь ничего из начатого мною я не оставляю, пока совершенно не окончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обеспечить вас на счет моей будущей участи. Итак, хлеб у меня будет всегда. Дай только бог, чтобы исполнили вы нашу просьбу, меня всё уверяет, что не оставите нас, что вы будете жить вместе с нами, что вы не оставите безутешную. Вы не забудете, извините,

ежели смею сказать, свой долг (хотя мы вам
одолжены всем) быть с теми, которые так лю-
бят и которые рады [рады будут] бы пожерт-
вовать всем, чтобы возвратить к себе милого
родственника [возвратить вас к себе.]. Дай бог
вам возможного счастья и иногда, хотя редко,
легкой памяти обо мне.

Прощайте, милый дядинька! Как бы мне
хотелось еще раз обнять вас.

Н. Гоголь-Яновский.

На обороте: Его благородию Петру Петро-
вичу Косяровскому в Одессу.

**ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ
КОСЯРОВСКОМУ**
Декабря 2-го 1828-го года.
Васильевка

Приехавши в мирное убежище мое, с сердечным удовольствием принимаюсь за перо, чтобы хотя мысленно беседовать с вами. Как жаль, что первое ваше письмо от 27-го октября долго залежало на почте, несмотря на то, что каждую неделю два раза посылала справляться в Полтаву, не понимаю, отчего это случилось, верно люди обманывали меня, когда забывали ходить на почту, а вы бы верно о сию пору получили мой ответ на него.

Прошу вас усерднейше, добрый и милый мой братец Петр Петрович, нимало не беспокоиться на счет долга, я уже всё сделала, что должно было, не нужно посылать процентов, вам деньги необходимы, покуда вы вступите в службу, а тогда пожалуй присылайте лишние ко мне, мне приятно будет вам быть обязанной, и, если богу угодно будет, что мы уви-

димся, чрез то и вам могу быть полезной в случае нужды. При чтении этих строк вы верно будете довольны, мой голубчик, что соглашаюсь принимать от вас деньги, судя по себе я так воображаю об вас. Будучи в Яресках, написала я вам записку, воображая, что то письмо прежде моего вы получите, но не удалось отправить оттуда на почту и я взяла сюда, чтобы вместе и с своим отправить. Сколько мне теперь затруднений, мой друг, выпроваживая Николинку, один бог только видит, и он один меня поддерживают. В Кибинцах мы провели время и приятно и грустно, приятно потому, что я имела комнатку, где могла свободно предаваться своим мыслям и обдумывать свои планы. Я просила, чтобы мне дали в гостинице флигеле комнатку, вместе с моей Машей, для того, что с Ольгой Дмитриевной мне надобно бы помещаться и с Капнистами и другими женщинами и поздно слишком ложиться, потому что все молодые люди после ужина всегда во флигеле собираются, а для моей Машиньки не годится поздно ложиться, и мы от ужина тотчас уходили в свою квартиру, в которой чрез стену жила сама Софья

Александровна; и для того я вам на такой дурной бумаге написала, что боялась задержать человека, куда принесут мне лучшей бумаги, и Дмитрий Прокофьевич, отдав свои письма, тотчас велел отправлять на почту. Один Андрей Андреевич истинно как родной брат со мной обходился там, а более никто, мне казалось, что ужаснейшая зависть меня окружала, впрочем, может, я и ошибаюсь, бог знает, кажется, совсем нечего мне завидовать. Я ожидаю единственной и самой большой помощи от благодетеля моего Дмитрия Прокофьевича, рекомендательных писем для моего сына к тем особам, которые будут ему нужны, а более никакой помощи я не надеюсь, потому что слишком уже стараются отдалять меня от его сердца. О люди, я теперь только их узнаю, прежде мне никогда в голову не приходило, чтобы можно говорить и писать не то, что чувствовать, но оставим их в покое, бог с ними. В наших местах теперь падеж на скот, и я лишилась более сорока штук самых лучших и не знаю, останется ли что-нибудь мне на развод, но я нимало об этом не беспокоюсь, богу так угодно было, а я во всем ему

повинуюсь. Никоша мой хочет непременно чрез четыре дня выехать, хотя еще не всё ему готово, но никак уж не могу его удержать более, надобно определиться ему до нового году. Пожалуста, мой милый друг, напишите мне, когда будете выезжать из Одессы, я между тем буду трепетать каждую минуту получить его, тогда настанет для меня новое беспокойство; ни в каких случаях не бываю я так малодушна, как тогда, как близкие сердцу моему находятся в опасности. Ради бога пишите мне почаще, каждую почту, из того места, где вы будете стоять на квартирах. Прощайте, надеюсь на бога, что он пошлет вам ангела-хранителя сберегать вашу жизнь и здоровье для нежно любящих вас родных. Навек преданная вам сестра и друг.

Представьте себе, мой милый друг! что я, получа ваши письма, о сию пору не была еще у родителей моих, не могу никак уделить времени поехать к ним, столько имею хлопот. Маминька моя Тетьяна Семеновна вам усерднейше кланяется, дети мои малинькие целуют вас и просят приезжать к ним скорее гово-

ритель сказки. Совет мой был брату Павлу Петровичу подан в самой крайности, когда меня потревожили неисполнением его желания вступить в военную службу, а штатской я знаю, что он не любит, что же тогда оставалось бы делать? Но слава богу, что то была ложь.

Марья Гоголь-Яновская.

Отъезжая уже в свою дорогу, почитаю обязанностью и долгом проститься с вами, почтеннейший Петр Петрович, благодарить вас за вашу приязнь, за ваше дружеское расположение, за вашу помощь всем нам, которую всегда готово было оказывать ваше редкое сердце, наконец пожелать вам возможного счастья, достойнейшей награды за добродетель. Неугасимо во мне пылает благодарность, и дай бог, чтобы она выразилась современем не в пустых словах, а до того будьте уверены, почтеннейший, любезнейший дядинька, что никогда не изглажу из сердца того должного почтения и преданности, с котор<ыми> имею честь быть

неизменно вам преданным, вечно признательным

Из Петербурга буду писать к вам, теперь я приготавливаю и укладываюсь.

Н. Гоголь-Яновс<кий>.

Не знаю, буду ли я иметь удовольствие писать к вам еще, пользуюсь сим случаем, чтоб пожелать вам совершенного здоровья и успеха во всех Ваших желаниях и благополучно возвратиться к нам, любезный и добрый дядинька Петр Петрович! чего желает от всей души Ваша усерднейшая племянница

Марья Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <Декабрь 1828 г.?)>

Как только от тебя приехал, то уже всё было готово. В ту же ночь Симон приехал с дорожною и кибиткой и если бы не проклятая невзгода, то я вчера совсем бы выехал. Теперь же снег посыпал. Приезжай сей час, позавтракаем у нас, у вас пообедаем, а на ночь в Кибенцы

Н.

М. И. ГОГОЛЬ
С.-Петербург. Янв. 1829, 3
ЧИСЛО

Я много виноват пред вами, почтеннейшая маминька, что не писал вам тотчас по моем прибытии в столицу. На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недели сижу, поджавши руки и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему. Из числа их первая, что Лог. Иван. Кутузов был во всё это время опасно болен, и я до сих пор не являлся. Теперь узнал я, что ему легче и послезавтра предстану. Из прочих же, к кому письма имел, нашел одного только Ив. Косяровского, от которого думал выведать несколько сведений насчет житья в Петербурге. Но он хотя живет здесь долго, но столько же знает толку, сколько и всякой провинциал, не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша.

Скажу еще, что Петербург мне показался

вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. Съестные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи (которая разумеется лакомство не для нашего брата). Картофель продается десятками, десяток луковиц репы стоит 30 коп.... Это всё заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр. Если я пойду раз, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т. е. для моего неплотного кармана. В одной дороге издержано мною триста слишком, да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу, [Далее было: на карету] на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней во-

ротника до 80 рублей. К этому прибавить нужно, что начиная от Чернигова до самого Петербурга и в самом Петербурге рубль серебром ходит без двадцати пяти копеек, следовательно и тут я потерпел убыток. Комиссия мне была с письмами — ни на одном не написано адреса, и я принужден был нанимать мошенников здешних комиссионеров для отыскания их квартир, которые дерут предорого и ни на грош не приносят пользы.

Извините... Не могу более писать. На первый раз довольно. Ваш покорнейший, навек вам преданный сын

Н. Гоголь.

Адрес мой III-й Адмиральтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галыбина [В подлиннике: Галибына] <?> под № 130.

М. И. ГОГОЛЬ
<Март 1829 г. Петербург>

—Вы мне советуете не беспокоить Логина Ивановича моим определением: оно бы и хорошо, когда бы я мог ничего не есть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапог, но так как я не имею сих талантов, то есть жить воздухом, то и скучаю своим бездействием, сидя в холодной комнате и имея величайшее несчастье просить у вас денег, зная теперешние ваши обстоятельства. Не даром я не любил никаких протекций: без них я давно бы определился к месту. —

М. И. ГОГОЛЬ
<1829> 30 апреля. С.-
Петербург

В сей день я только получил ваше письмо с деньгами; около двадцати дней шло оно, да более недели пролежало уже здесь на почте по той причине, что я переменил прежнюю свою квартиру. Вы не ошиблись, почтеннейшая маминька, я точно сильно нуждался в это время, но впрочем всё это пустое; что за беда посидеть какую-нибудь неделю без обеда, того ли еще будет на жизненном пути, всего понаберешься, знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро раз было более нужд, и тогда они бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дороге. Вы не поверите, как много в Петербурге издерживается денег. Несмотря на то, что я отказываюсь почти от всех удовольствий, что уже не франчу платьем, как было дома, имею только пару чистого платья для праздника или для выхода и халат для будня; — что я тоже обедаю и питаюсь не слишком роскошно и несмотря на это

всё по расчёту менее 120 рублей никогда мне не обходится в месяц. Как в таком случае не приняться за ум, за вымысел, как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире, вот я и решился... Когда наши в поле — не робеют [Когда ~ не робеют вписано на полях.]. Но как много ещё и от меня закрыто тайною и я нестерпением желаю вздернуть таинственный покров, то в следующем письме извещу вас о удачах или неудачах.

Теперь же расскажу вам слова два о Петербурге. Вы, казалось мне, всегда интересовались знать его и восхищались им. Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь обиностранились и сделались ни тем ни другим. Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в

народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, всё подавлено, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их. Забавна очень встреча с ними на проспектах, тротуарах; они до того бывают заняты мыслями, что поровнявшись с кем-нибудь из них слышишь, как он бранится и разговаривает сам с собою, иной направляет телодвижениями и размахками рук. Петербург город довольно велик; если вы захотите пройтись по улицам его, площадям и островам в разных направлениях, то вы наверно пройдёте более 100 верст и, несмотря на такую его обширность, вы можете иметь под рукою всё нужное, не засылая далеко, даже в том самом доме. Дома здесь большие, особливо в главных частях города, но не высоки, большею частию в три и четыре этажа, редко очень бывают в пять, в шесть только четыре или пять по всей столице, во многих домах находится очень много вывесок. Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую

посуду, дегатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и наконец привилегированную повивальную бабку. Естественно что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно. Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили пополам, за то самое я плачу теперь один. Но впрочем мои работы повернулись и я, наблюдая внимательно за ними, надеюсь в недалгом времени добыть же что-нибудь; если получу верный и несомненный успех, напишу к вам об этом подробнее.

В Петербурге много гуляний. Зимой прохаживаются все празднующиеся от двенадцати до двух часов (в это время служащие заняты) по Невскому проспекту. Весною же, если только это время можно назвать весною, потому что деревья до сих пор еще не оделись зеленью, гуляют в Екатерингофе, Летнем саду и Адмиралтейском бульваре. Все эти однако

ж гулянья несносны, особливо екатерингофское первое мая, всё удовольствие состоит в том, что прогуливающиеся садятся в кареты, которых ряд тянется более нежели на 10 верст и притом так тесно, что лошадиные морды задней кареты дружески целуются с богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты беспрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда приостанавливаются по целым часам для соблюдения порядка, и всё это для того, чтобы объехать кругом Екатерингоф и возвратиться чинным порядком назад, не вставая из карет. И я было-направил смиренные стопы свои, но обхваченный облаком пыли и едва дыша от тесноты возвратился вспять. В это время Петербург начинает пустеть, все разъезжаются по дачам и деревням на весну и лето. Ночи теперь не продолжаются более часу, летом их и совсем не будет, только промежуток между захождением и восхождением солнца бывает занят столкнувшимися двумя зарями, вечернею и утреннею, и не похож ни на вечер ни на утро.

Но на первый раз довольно об Петербурге.

В другом письме еще я поговорю об нем. Теперь вы, почтеннейшая маминька, мой добрый ангел-хранитель, теперь вас прошу, в свою очередь, сделать для меня величайшее из одолжений. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи [обычаев] и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими [крестьянскими вписано.] девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Вторая статья: название точное и верное платья носимого до времен гетманских. Вы помните, раз мы видели в нашей церкви одну девку, одетую таким образом. Об этом можно будет расспросить старожилы; я думаю, Анна

Матвеевна или Агафия Матв. много знают кое-чего из давних годов.

Еще обстоятельное описание свадьбы не упуская наималейших подробностей; об этом можно расспросить Демьяна (кажется так его зовут, прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадеб и который знал повидимому все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно. На этот случай, и чтобы вам не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, советую иметь корреспондентов в разных местах нашего повета. Александра Федоровна, которой сметливости и тонким замечаниям я всегда удивлялся, может в этом случае оказать нам очень большую помощь. Скажите ей, что я при моем заочном поцалуе ее ручки не забыл

моего обещания касательно филейных иголок, но в британском магазине оне все вышли, а русских я не хочу покупать, чуть только доставят их в здешнюю биржу, тот же час повергну их к рукам ее. — Хотелось бы мне очень моей милой сестрице Марье Васильевне прислать чего-нибудь, но, бог видит — не могу: проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы, помогла еще более истреблению денег, но как только сколько-нибудь разживемся, то непременно вышлем что-нибудь из заграничных диковинок.

Здоровы ли все наши? Свидетельствую мое почтение дедушке. (Скажите пожалуйста, что его тяжба? имеет ли конец), бабушке Марье Илиничне, также и Анне Матвеевне, а в заключение всем добрым, искренно вас любящим соседям. Поцалуйте за меня Аничку. Сделайте милость, прилагайте всевозможное старанье о воспитании этого умного дитяти, тайное какое-то предчувствие мне предрекает, что от него много можно ожидать. Также шалуню Лизу, с тем только, чтоб она не пук<ала>.

Еще прошу вас выслать мне две папинькины малороссийские комедии: Овца-Собака и Романа с Параскою. Здесь так занимает всех всё малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из их поставить [нельзя ли их поставить] на здешний театр. За это, по крайней мере, достался бы мне хотя небольшой сбор; а по моему мнению, ничего не должно пренебрегать — на всё нужно обращать внимания. Если в одном неудача, можно прибегнуть к другому, в другом — к третьему и так далее. Самая малость иногда служит большою помощью.

Прошу вас также, маминька, так как переписка наша теперь пойдет деятельнее, писать два раза в месяц — тем более, что сами наблюдения ваши того требуют.

С истинным почтением и вечной признательностию

ваш истинно любящий вас сын

Н. ГОГОЛЬ.

М. И. ГОГОЛЬ
1829, мая 22-го.
Санктпетербург

Нынешние известия письма моего не будут слишком утешительны для вас, почтеннейшая маминька. Мои надежды (разумеется малая часть оных) не выполнены; хорошо же, что я не вдавался уверительно им, хорошо, что я имею достаточный запас сомнения во всем, могущем случиться. Всё состояло в следующем: мои небольшие способности были призрены, и мне представлялся прекрасный случай ехать в чужие края. Это путешествие, сопряженное обыкновенно [сопряжено было] с величайшими издержками, мне ничего не стоило [ничего бы не стоило], всё бы за меня было заплачено, и малейшие мои нужды во время пути должны были быть удовлетворяемы. Но вообразите мое несчастье, нужно же этому случиться. Великодушный друг мой, доставлявший мне всё это, [Далее было: к несчастью] скоропостижно умер, его намерения и мои предположения лопну-

ли. И я теперь [Далее начато: в величайшей] испытываю величайший яд горести, но она не от неудачи, а оттого, что я имел одно [одно вписано.] существо, к которому истинно привязался было навсегда и небу угодно было лишить меня его.

Итак я остаюсь теперь в Петербурге. Мне предлагают место с 1000 рублей жалованья в год. Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время? и на совершенные пустяки, на что это похоже? в день иметь свободного времени не более, как два часа, а прочее время не отходить от стола и переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч. [господ ~ и проч. вписано.], в которых мне столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листву, ни рясных ветвей. Итак я стою в раздумьи на жизненном пути, ожидая решения еще некоторым моим ожиданиям. Может быть, на днях откроется место немного выгоднее и благороднее, но признаюсь,

ежели и там мне нужно будет употребить столько времени на глупые занятия, то я — слуга покорный.

Наконец я принужден снова просить у вас, добрая, великодушная моя маминька, вспомоществования. Чувствую, что в это время это будет почти невозможно вам, но всеми силами постараюсь не докучать вам более, дайте только мне еще несколько времени укорениться здесь, тогда надеюсь как-нибудь зажить своим состоянием. Денег мне необходимо нужно теперь триста рублей. Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиан. Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма. Время свое я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то в скорости принесет мне существенную пользу. Между прочим я прошу узнать вас почтеннейшая маминька [вас ~ маминька вписано.], теперь о некоторых играх, из карточных: у Панхвиля как играть и в чем состоит он, равным образом, что за игра пашок, семь листов; из хороводных в хрещика, в журавля. Если знаете другие ка-

кие, то не премините. У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых [где] участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь из них.

Получивши ваше письмо, я буду иметь возможность распространиться более и известить вас о чем-нибудь из наших петербургских новинок. Приход весны в нашу пыльную [пыльную вписано.] столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляет меня [нас] с сожалением вспоминать о нашей малороссийской весне. Но не раньше, как разве в весну будущего года, удастся мне хотя на мгновение заглянуть к вам. Дай бог, чтобы до того времени всё было спокойно и мирно в вашем владении и чтобы заботы, а особливо неприятности, менее всего смущали драгоценное для меня [драгоценное для меня вписано.] спокойствие ваше и здоровье. Может быть, мы будем жить когда-нибудь вместе, что всегда было моим пламеннейшим желанием, и тогда я постараюсь всеми силами выполнить

священную обязанность к матери и к другу своему, так как прежде не имел сил выполнять ее.

Вечно и неизменно любящий вас сын

Н. Гоголь-Яновский.

Мой адрес: на Большой Мещанской в доме карет<ного> маст<ера> Иохима.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ
<Июнь 1829 г. Петербург.>

Издатель идиллии Ганца Кюхельгартена просит усерднейше вас, если только принесут из типографии ее сегодня, сделать ему величайшее одолжение, если только это не беспокоит вас, ускорить выдачу билета на выпуск в продажу.

Н. Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ
<1829> 24 июля.
Санктпетербург

Маминька! [Было начато: Милостивая госу-
дарыня]

Не знаю, какие чувства будут волновать вас при чтении письма моего; но знаю только то, что вы не будете покойны. Говоря откровенно, кажется, еще ни одного вполне истинного утешения я не доставил вам. Простите, редкая, великодушная мать, еще доселе недостойному вас сыну.

Теперь собираясь с силами писать к вам, не могу понять, отчего перо дрожит в руке моей, мысли тучами налегают одна на другую, не давая одна другой места, и непонятная сила нудит и вместе отталкивает их излиться пред вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую [чувствую на себе легшую] на меня справедливый наказанием тяжкую десницу всемогу-

щего; но как ужасно это наказание! Безумный! я хотел-было противиться этим вечно-неумолкаемым [тайным неумолкаемым] желаниям души, которые один бог вдвинул в меня, [Далее начато: и кот<орые>] претворил меня в жажду ненасытимую бездейственной рассеянностью света. Он указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении, [Далее начато: в веч<ном>] в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать благо и работать на пользу мира. И я осмелился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться в столице здешней между сими служащими, издерживающими жизнь так бесплодно. Пресмыкаться другое дело там, где каждая минута жизни не утрачивается даром, где каждая минута — богатый запас опытов и знаний. Но изжить там век, где не представляется совершенно впереди ничего, [Далее было: Да что из этого. Это убивственно!] где все лета, проведенные в ничтожных занятиях, будут тяжким упреком звучать душе [в опустелой душе]. — Это уби-

вственно! Что за счастье дослужить в 50 лет до какого-нибудь статского советника, пользоваться жалованием, едва стающим себя содержать прилично, и не иметь силы принести на копейку добра человечеству. Смешны мне очень здешние молодые люди: они беспрестанно кричат, что они служат совершенно не для чинов и не для того, чтобы выслужиться. Спросите же у них, для чего они служат? они не будут сами в состоянии сказать: так, для того, чтобы не сидеть дома, не бить баклуши. Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть [могли быть] хорошими хозяевами и принести несравненно более пользы, или если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того что ничего не получают, но сколько еще перетаскают денег из дому, которые здесь истребляют неприметно в ужасном количестве.

Несмотря на это всё я решился, в угодность вам больше, служить здесь во что бы ни ста-

ло, но богу не было этого угодно. Везде совершенно я встречал одни неудачи, и что всего страннее там, где их вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, без всякой протекции легко получали то, чего я с помощью своих покровителей не мог достигнуть; не явный ли был здесь надо мною промысл божий? не явно ли он наказывал меня этими всеми неудачами в намерении обратиться на путь истинный? Что ж? я и тут упорствовал, ожидал целые месяцы, не получу ли чего. Наконец... какое ужасное наказание! Ядовитее и жесточе его для меня ничего не было в мире. Я не могу, я не в силах написать... Маминька! Дражайшая маминька! Я знаю, вы одни истинный друг мне. Но верите ли, и теперь, когда мысли мои уже не тем заняты, и теперь при напоминании невыразимая тоска врезывается в сердце. Одним вам я только могу сказать [только скажу это, будучи уверен, что <1 нрзб.>] ... Вы знаете, что я был одарен твердостью, даже редкою в молодом человеке... Кто бы мог ожидать от меня подобной слабости. Но я видел ее... нет, не назыву ее... она слишком высока для всякого, не

только для меня. Я бы назвал ее ангелом, но это выражение низко и не кстати для нее. Ангел — существо, не имеющее ни добродетелей, ни пороков, не имеющее характера, потому что не человек, и живущее мыслями в одном небе. Но нет, болтаю пустяки и не могу выразить ее. Это божество, но облеченное слегка в человеческие страсти. [Далее начато: Это лицо] Лицо, которого поразительное блистание в одно мгновение печатлется в сердце [в сердце, в душе]; глаза, быстро пронзающие душу. Но их сияния [Далее было: не вынесет], жгущего, проходящего насквозь всего, не вынесет ни один из человеков... О если бы вы посмотрели на меня тогда... правда, я умел скрывать себя от всех, но укрылся ли от себя? Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О какое жестокое [уб<ивственное>] состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен. Нет, это не любовь была... я по крайней <мере> не слышал подобной любви... В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я... Взгля-

нуть на нее еще раз — вот бывало одно единственное желание, возраставшее сильнее <и> сильнее с невыразимую едкостью тоски. С ужасом осмотрелся и разглядел я свое ужасное состояние, всё совершенно в мире было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета в своих явлениях. Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу. В умилении [В благоговении] я признал невидимую десницу, пекущуюся о мне, и благословил так дивно назначаемый путь мне. Нет, это существо, которое он послал лишить меня покоя, расстроить шатко-созданный мир мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всю силою своих очарований не могла произвести таких ужасных, невыразимых впечатлений. Это было божество, им созданное, часть его же самого! [Далее начато: Итак] Но, ради бога, не спрашивайте ее имени. Она слишком высока, высока.

Итак я решился. Но к чему, как [как вписа-

но.] приступить? Выезд за границу так труден, хлопот так много! Но лишь только я принялся, всё, к удивлению моему, пошло как нельзя лучше; я даже легко получил пропуск. Одна остановка была наконец за деньгами. Здесь уже было я совсем отчаялся. Но вдруг получаю следуемые в Опекунский совет. Я сейчас отправился туда и узнал, сколько они могут нам дать просрочки на уплату процентов; узнал, что просрочка длится на четыре месяца после срока, с платою по пяти рублей от тысячи в каждый месяц штрафа. Стало быть, до самого ноября месяца будут ждать. Поступок решительный, безрассудный; но что же было мне делать?.. Все деньги, следуемые в опекунский, оставил я себе и теперь могу решительно сказать: больше от вас не потребую. Одни труды мои и собственно<e> прилежание будут награждать меня. Что же касается до того, как вознаградить эту сумму, как внести ее сполна, вы имеете полное право данною и прилагаемою мною при сем доверенностью продать следуемое мне имение, часть или всё, заложить его, подарить и проч. и проч. Во всем оно зависит от вас совершен-

но. Я хотел-было совершить купчую или дарственную запись, но нужно было мне платить за одну бумагу триста рублей. Впрочем вы и посредством доверенности будете владеть, как законный и полный владелец.

Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминышка! Этот перелом для меня необходим. Это училище непременно образует меня: я имею дурной характер, испорченный и избалованный нрав (в этом признаюсь [говорю] я от чистого сердца); лень и безжизненное для меня здесь пребывание непременно упрочили бы мне их навек. Нет, мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвести силою души в вечном труде и деятельности, и если я не могу быть счастлив (нет, я никогда не буду счастлив для себя. Это божественное существо вырвало покой из груди моей и удалилось от меня), по крайней мере всю жизнь посвящу для счастья и блага себе подобных.

Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поеду: путь мой теперь лежит в Любек. Это

большой приморский город Германии, известный торговыми своими сношениями всему миру. Расстоянием от Петербурга на четыре дня езды. Я еду на пароходе и потому времени употребляю еще менее. Письма ваши только четырьмя днями будут позже доходить ко мне. Покуда это письмо дойдет до вас, я успею написать к вам уже из Любека [Гам<бурга>] и известить о своем адресе, а до того, если хотите писать ко мне, можете адресовать в С.-Петербург, на имя его благородия Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима, на Большой Мещанской. Что же касается до свидания нашего, то не менее как чрез два или три года, могу я быть в Васильевке вашей. Не забудьте прислать пашпорт Екиму, т. е. плакатный билет [т. е. плакатный вписано.] (ему нельзя жить здесь без места), всё же адресуюсь на имя Прокоповича.

Теперь припадаю к страшным стопам всевышнего с прошением и мольбою, да сохранит драгоценные и священные для нас годы жизни вашей, да ответ [Далее было: его божественное <?> <1 нрзб.>] от вас всё, нанося-

щее вам горечи и неудовольствия, и да исполнит меня силы истинно заслужить ваше материнское благословение. Ваш преданнейший сын, любящий вас более всего

Николай Гоголь-Яновский.

Принося чувствительнейшую и невыразимую благодарность за ваши драгоценные известия о малороссиянах, прошу вас убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами. В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пущу в свет, я не люблю спешить, а тем более заниматься поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования. Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, <чтобы> не исказить неправильными именовани-ями существенного имени нации. Извините, что и теперь не оставляю беспокоить вас подобными просьбами; но зная, с каким удовольствием вы внимаете им, беру эту сме-

лость. В замену опишу вам быт и занятия добрых немцев, дух новизны, странность и прелесть еще доселе мною невиданного и всё, что произведет сильное впечатление на меня. Благодарю также чувствительно почтеннейшего Савву Кирилловича. Прошу его также присылать приписочки в ваше письмо.

Деньги вы можете адресовать прямо в опекунский совет импер.<аторского> воспит.<ательного> дома. Можно просрочить по самый ноябрь, но лучше если бы они получили в половине или начале октября. Не забудьте: с тысячи по пяти рублей в месяц штраф.

Прошу вас покорнейше также, если случатся деньги когда-нибудь, выслать Данилевскому 100 рублей. Я у него взял шубу на дорогу себе, также несколько белья, чтобы не нуждаться в чем. Адрес его: В школу гвардейских подпрапорщиков у Синего мосту.

Целую тысячу раз милых сестриц моих, Аниньку и Лизу. Ради бога, прилагайте возможное попечение о воспитании Аниньки;

старайтесь ей дать уразуметь языки и всё полезное. Я предрекаю вам, что это удивительное дитя будет гений, какого не видывали.

М. И. ГОГОЛЬ

Любек. 1829, августа 13 по НОВОМУ СТИЛЮ

Сегодня поутру часа в три прибыл я в Любек. Шесть дней плыл я водою: это случилось оттого, что ветер в продолжение всего этого времени не был для нас попутный. Теперь только, когда я, находясь один посреди необозримых волн, узнал, что значит разлука с вами, моя неоцененная маминька, в эти торжественные, ужасные часы моей жизни, когда я бежал от самого себя, когда я старался забыть всё окружавшее меня, мысль: что я вам причиняю сим, тяжелым камнем налегла на душу, и напрасно старался я уверить самого себя, что я принужден был повиноваться воле того, который управляет нами свыше. Нет, я не могу расстаться с вами, великодушный друг, ангел-хранитель мой. Как, за эти бесчисленные благодеяния, за эту ничем неотплатимую любовь я должен причинять вам новые огорчения! Я должен, вместо радости и счастливого спокойствия, исполнить

жизнь вашу горькими минутами! О, это ужасно! это раздирает мое сердце. Простите, милая, великодушная маминька, простите своему несчастному сыну, который одного только желал бы ныне — повергнуться в объятия ваши и излить пред вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, рассказать всю тяжкую повесть свою. Часто я думаю о себе, зачем бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем он дал всему этому такую грубую оболочку, зачем он одел всё это в такую страшную смесь противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения. Но мой бренный разум не в силах постичь великих определений всевышнего.

Ради бога, об одном прошу вас только: не думайте, чтобы разлука наша была долговременна. Я здесь не намерен долго пробыть, несмотря на то, что здешняя жизнь сноснее и дешевле петербургской. Я, кажется, и забыл объявить вам главной причины, заставив-

шей меня именно ехать в Любек. Во всё почти время весны и лета в Петербурге я был болен; теперь хотя и здоров, но у меня высыпала по всему лицу и рукам большая сыпь. Доктора сказали, что это следствие золотухи, что у меня кровь крепко испорчена, что мне нужно было принимать кровочистительный декокт, и присудили пользоваться водами в Травемунде, в небольшом городке, в 18 верстах от Любека; для пользования мне нужно пробывать не более двух недель. Если вы хотите, то вам стоит только приказать мне оставить Любек, и я его оставлю немедленно, тем более, что я сам не могу быть спокойным, бывши от вас далеко; особливо когда вы одни теперь наполняете душу мою, когда вам одним только ищущу я случая доставить радость, но, к несчастью, не мог до сих пор. Я в Петербурге могу иметь должность, которую и прежде хотел, но какие-то глупые людские предубеждения и предрассудки меня останавливали. Имением, сделайте милость, располагайте, как хотите. Продайте, ради бога, продайте, или заложите хоть и всё. Я слово дал, что более не потребую от вас и не стану разорять вас так бессовест-

но. Должность, о которой я говорил вам, не только доставит мне годовое содержание, но даже возможность доставлять и вам вспоможение в ваших великодушных попечениях и заботах.

Теперь представлю вам описание Любека. Этот довольно старинный, вольный торговый город был из числа первых, составлявших знаменитый Ганзейский союз, с которым наше отечество (особливо Новгород) было во всегдашних торговых сношениях. Впрочем и теперь, хотя он не может похвастаться одним из самых лучших торговых городов, но всё однако ж занимает весьма важное место в обширной торговле Европы. Вид его, строение его таково же, как и всех главных городов Европы (нужно знать, что по Петербургу никак нельзя судить о столицах Европы. Здания, украшающие Петербург, все относятся ко времени самому новейшему). Дома здесь небольшие, но чрезвычайно высоки — вышина тем еще разительнее, что они так узки, что на переднем фасаде имеется не более, как четыре окна в ряд на целой стене; но все по

большей части этажей в пять, шесть, иногда и того более. Пишу к вам ночью, — окно у меня отворено, луна светит, и город кажется очарованным. Вот вам вид улицы из моего окна, который наскоро набросал я на бумагу. [Здесь в подлиннике был рисунок.]

Таковы дома в Любеке: все дома сплочены тесно один к другому и не разделяются ни в одном месте забором. Чистота в домах необыкновенная; неприятного запаха нет во все в целом городе, как обыкновенно бывает в Петербурге, в котором мимо иного дома нельзя бывает пройти. Крестьянки девушки в красивых корсетиках, с зонтиком в руках толпятся с утра до вечера по рынкам и чистым улицам. Экипажей здесь вовсе не употребляют: добрые немцы обыкновенно отправляются пешком, и даже за город на несколько верст. Извозчиков нет в помине; зато вы увидите огромные фуры, которые здесь в большом употреблении, посреди которых укреплены на ремнях ящики (в роде висячего стула); в этих-то фурах вы увидите семейство, достойное фламандской школы, везущее в город

продукты. В ящике обыкновенно сидит мать с дочерью; на лошади, запряженной в фуру, верхом усаживается сын; если же обретается зять, то и тот себе находит место на той же самой лошади, а сзади уже пешком какой-нибудь по нашему наймыт. Зато уж и езда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, как волы, а между тем не скорее их идут. В городе шуму почти вовсе незаметно, хотя движения довольно. Из замечательных зданий преимущественно кафедральная церковь, которой считают около тысячи лет; в течение десяти столетий устояла среди всех перемен и волнений; триста лет назад, как она переименована из католической в лютеранскую. Завтра я собираюсь побывать в ней и в следующем письме представлю вам подробное описание ее. Места, окружающие Любек, недурны, но не годятся против наших псельских. Домики, разбросанные за городом, увитые и усаженные деревьями, кустарниками и цветами, прелестны и очень похожи на петербургские дачи; воздух довольно здоров, а климат немного подходит к нашему, т. е. полтавскому, хотя фрукты, кажется, здесь зреют

позже, однако ж всё не так, как в Петербурге, где до сих пор еще едят малину и клубнику. Здесь видны по крайней мере вишни уже. Учтивость и какая-то прелесть обращения здешних жителей мне нравится. Простая крестьянка, у которой вы купите на рынке за какой-нибудь шиллинг фруктов или зелени, отвесит вам с такою приятностью кникс, которому позавидовала бы и наша горожанка. Находясь несколько дней на пароходе и будучи окружен англичанами, которых ухватки и образованность не слишком тонки и исполнены приличий (что вообще бывает и у всех моряков), я был немного утешен в Любеке. Но, признаюсь, всё это еще как будто скользит по мне и пролетает мимо, не приковывая ни к чему моего безжизненного внимания. Сначала, за год пред сим, думал я: каковы-то будут первые впечатления при взгляде на совершенно новое, совершенно бывшее чуждым доселе для меня, на другие нравы, других людей; как любопытство мое будет разгораться постепенно; ничего не бывало. Я въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто. Никакого особенного

волнения не испытал я. Как бы мне теперь хотелось видеть вас, хотя одно мгновение. Здоровы ли вы? О, будьте здоровы! будьте утешены наконец нами и да ниспошлет нам бог всевозможное счастье, каким только можно пользоваться в здешнем мире. Прощайте, бесценная, великодушная маминька, единственное мое счастье.

Николай Гоголь.

Обнимаю и целую несколько раз сестрицу Марью Васильевну; усердный поклон Александре Федоровне; целую Аничку и Лизу, и Олиньку, и кланяюсь всем родным и знакомым моим. Если будете писать ко мне письма, адресуйте всё еще в Петербург, на имя Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима. От него я уже всегда буду исправно получать их.

М. И. ГОГОЛЬ

**Травемунд. 1829, августа 25
по европейскому стилю**

Получили ли вы первое мое письмо, бесценная маминька, пущенное мною из Любека? Ради бога, не беспокойтесь обо мне: я чувствую себя несравненно лучше и здоровее, климат здешний ощутительно поправил меня; короче сказать, тело мое совершенно здорово; одна только бедная душа моя страдает. Я не могу представить себе, сколько я вам причинил беспокойств и огорчений, и ни одного до сих пор истинного утешения! Изредка только, как будто от самого бога, посещает меня мысль, что, может быть, всё это делается с намереньем; может быть, сеются между нами огорчения для того только, чтобы мы могли потом безмятежно и радостно пользоваться жизнью. Несмотря на мое желание, я не должен пробыть долго в Любеке; я не могу, я не в силах приучить себя к мысли, что вы [что может быть вы] беспрестанно печалитесь, полагая меня на таком далеком расстоянии. Лето в

Петербурге уже прошло, и тамошний климат теперь уже не может быть так для меня вреден. Об одном только я прошу бога, чтоб ниспослал вам драгоценное спокойствие, которое не может обитать в груди моей. По крайней мере я теперь в силах занять в Петербурге предлагаемую должность и надеюсь, что новые занятия дадут силу душе моей быть равнодушнее и [Далее начато: хотя немного уже] невнимательнее к мирским горечам. Как бы то ни было, это сильно подействовало на мой характер, и я с ужасом теперь помышляю о том, как бы я мог бы доставлять вам ежеминутное утешение, и как я не выполнил этого первого священного долга. Но я знаю, вы простите меня... вы простите. Меня изменили и переделали горя.

В первом письме я сделал вам небольшое описание города Любека; теперь прибавлю, что успел после того заметить. Я был в огромной здешней кафедральной церкви. Это здание решительно превосходит всё, что я до сих пор видел, своим древним готическим великолепием. Здешние церкви не оканчиваются,

подобно нашим, круглым или неправильным куполом, но имеют потолок ровной высоты во всех местах, изредка только пересекаемый изломленными готическими сводами. Высота ровная во всех местах и, вообразите, несравненно выше, нежели у нас в Петербурге Казанская церковь, с шпилем и крестом. Всё здание оканчивается по углам длинным и угловатым, необыкновенной толщины, каменным шпилем, теряющимся в небе... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть таких картин, которым около 700 лет, но которые всё еще пленяют необыкновенною свежестью красок и осенены печатью необыкновенного искусства. Знаменитое произведение Альбрехта Дюрера, изваяние Квелино, всё было мною рассмотрено с жадностью. На одной стене церкви находятся необыкновенной величины часы, с означением разных метеорологических наблюдений, с календарем на несколько сот лет и проч. Когда настанет 12 часов, большая мраморная фигура вверху бьет в колокол 12 раз. Двери с шумом отворяются вверху; из них выходят стройно один за одним 12 апостолов, в обык-

новенный человеческий рост, поют и наклоняются каждый, когда проходят мимо изваяния Иисуса Христа, и таким же самым порядком уходят в противоположные двери; привратник их встречает поклоном, и двери с шумом за ними затворяются. Апостолы так искусно сделаны, что можно принять их за живых. Я видел здесь комнату, принадлежащую собранию чинов города. Она великолепна своею давностью и вся в антиках.

Здесь жители не имеют никаких собраний и живут почти в трактирах. Эти трактиры мне очень нравятся: вообразите себе какого-нибудь богатого помещика хлебосола, как прежде например бывало в Кибенцах, у которого множество гостей тут и живут и сходят вместе только обедать или ужинать. Хозяин трактира занимает здесь точно такую же роль и первое место за столом, возле него его супруга, которой это не мешает несколько раз сбегать во время стола на кухню; прочие места занимают гражданами всех наций. Со мною вместе находились два швейцара, англичанин, индейский набоб, гражданин из

Амер.<иканских> Штатов и множество разно-земельных немцев, и все мы были совершенно как лет 10 друг с другом знакомы. (Этого уже в Петербурге не водится.) Ужин всегда оканчивается пением и всегда довольно поздно. Короче, время здесь проведенное было бы для меня очень приятно, если бы я только так же был здоров душою, как теперь телом. В Травемунде я нахожусь два дни и завтра снова отправляюсь в Любек. Дорога от Травемунда до Любека и особливо от Любека до Гамбурга представляет большой и разнообразный сад. Поля здешние разделены на небольшие участки, которые все обсажены в два ряда кустарниками. Снопы на полях не в копнах, как у нас, но обставляются один к одному, как у нас конопля. Желая возможнейшего блага, молю всевышнего, чтобы он облегчил труды ваши и старания о нас, и чтобы дал силы мне быть истинно достойну вашего материнского благословения.

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1829-го сентября 24
<Петербург>

С ужасом читал я письмо ваше, пущенное 6-го сентября. Я всего ожидал от вас: заслуженных упреков, которые еще для меня слишком милостивы, справедливого негодования и всего, что только мог вызвать на меня безрассудный поступок мой... Но этого я никогда не мог ожидать: как! вы могли, маминька, подумать даже, что я добыча гнусного разврата, что нахожусь на последней степени унижения человечества! Наконец решились приписать мне болезнь, при мысли о которой всегда трепетали от ужаса даже [даже вписано.] самые мысли мои! В первый раз в жизни, и дай бог, чтобы в последний, получил я такое страшное письмо. Мне казалось всё равно, как будто я слышу проклятие. Как вы могли подумать, чтобы сын таких ангелов-родителей мог быть чудовищем, в котором не осталось ни одной черты добродетели! Нет, этого не может быть в природе. Вот вам

мое признание: одни только гордые помыслы юности, проистекавшие, однако ж, из чистого источника, из одного только пламенного желания быть полезным, не будучи умеряемы благоразумием, завлекли меня слишком далеко. Но я готов дать ответ пред лицом бога, если я учинил хоть один развратный подвиг, и нравственность моя здесь была несравненно чище, нежели в бытность мою [в бытность мою вписано.] в заведении и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имел этой привычки. Дома я пил еще вино; здесь же не помню, чтобы употреблял его когда-либо. Но я не могу никаким образом понять, из чего вы заключили, что я должен болен быть непременно этою болезнью. В письме моем я ничего, кажется, не сказал такого, что бы могло именно означить эту самую болезнь. Мне кажется [Я думаю], я вам писал про мою грудную болезнь, от которой я насилу мог дышать, которая, к счастью, теперь меня оставила.

Ах, если бы вы знали ужасное мое положение! Ни одной ночи я не спал покойно, ни

один сон мой не наполнен был сладкими мечтами. Везде носились предо мною бедствия и печали, и беспокойства, в которые я ввергнул вас... Простите, простите несчастную причину вашего несчастья!..

Два дни только, как я приехал из Гамбурга в С.-Петербург. Бог унизил мою гордость — его святая воля! Но я здоров, и если мои ничтожные [ничтожные вписано.] знания не могут доставить мне места, я имею руки, следовательно не могу впасть в отчаяние — оно удел безумца.

Одно только мое моление к богу, одно желание: пусть он изгладит из сердца вашего сына неблагодарного, вместе с несчастьями, им вам нанесенными, и да осчастливит вас счастьем моих добрых и бесценных сестер; пусть они будут вам утешением, пусть ни одна из них не напомнит собою недостойного [несча<стного>] брата!

Если же всевышнему угодно будет дать мне возможность и состояние хотя со време-

нем поправить расстройство и разорение, мною вам причиненное, тогда только почту я, что надо мною произнесено богом прощение [прощение божие].

Не тревожьтесь, ради бога, ради счастья ваших детей, мыслью обо мне. Но об одном только прошу я вас со слезами: не считайте меня способным на разврат, не принимайте безумия за него, [Далее начато: Верьте] хотя бы вы услышали, что нахожусь между развратнейшими из развратнейших, верьте, что никогда не отступлю от священных правил добродетели, которые неизгладимым резцом врезались мне в сердце.

Пошли вам, боже, облегчение в ваших несчастиях!

Я не в силах теперь известить вас о главных причинах, скопившихся, которые бы, может быть, оправдали меня хотя в некотором отношении. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыхание. Ваше письмо... Простите, простите меня, великодушная маминь-

ка!

Николай Гоголь-Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ

1829 октября 27 <Петербург>

Неполучение писем от вас, почтеннейшая маминька, я не смею приписывать молчанию, зная нынешнюю переменчивую и дурную погоду для почт. Что же касается до меня, то ради бога не беспокойтесь об моей участи. Я познаю теперь невидимую руку всевышнего, меня охраняющую: он послал мне ангела-спасителя в лице нашего благодетеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сделал для меня всё то, что может только один отец для своего сына; его благодеяние и драгоценные советы навеки запечатлеются в моем сердце.

В скором времени я надеюсь определиться в службу. Тогда с обновленными силами примусь за труд и посвящу ему всю жизнь свою. Может быть, богу будет угодно даровать мне возможность загладить со временем мой безрассудный поступок и хотя несколько приблизиться к высоким качествам души нашего

благодетеля, ангела между людей. Тогда только я буду достоин любви вашей, тогда только вы будете справедливо гордиться вашим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

Р. S. Я вас побеспокою одною просьбою: здесь очень дорого стоит пошитье манишек, и потому прошу вас покорнейше приказать сделать мне на первый случай шесть. Для образчика прилагаю в посылке одну манишку. Милая сестрица моя, я думаю, не откажется в этом также помочь мне.

М. И. ГОГОЛЬ

**Санкт-Петербург. Ноября 12.
1829**

Письмо ваше, пущенное 14-го октября, я получил, но не отвечал так долго потому, что вручил незадолго пред сим одно письмо Андрею Андреевичу по его требованию, в собственные его руки незапечатанное; следовательно вы не подивитесь, если я в нем немного польстил ему; впрочем он, точно, для меня много сделал: по его милости я теперь имею теплое на зиму платье, также заплатил должные мною за квартиру.

Чем отплачу я вам, почтеннейшая маминька, за ваше материнское обо мне попечение? В каждом письме вашем я вижу доказательства тому вместе с драгоценными наставлениями вашими. Одна моя молитва, одно мое прошение у бога, чтобы даровал мне средства и силы доставить вам утешение после толиких испытанных вами горестей. Я надеюсь получить довольно порядочное место в

министерстве внутренних дел, но жалованья не могу получить раньше, как через два месяца. Нечего делать, нужно будет прибегнуть снова к Андрею Андреевичу, хотя он и слишком много издержался в Петербурге. Однако ж всё-таки где-нибудь достану 300 рублей, а перед вами сдержу свое слово. Боже сохрани, чтобы я осмелился просить у вас, а особливо еще в нынешнее время...

Вы пишете, что довольно нерасчетно живу или по крайней мере жил прежде, но, ради бога, не верьте Светличному, в жизнь мою я не видал такого жестокого лгуна: когда он видел, чтобы у меня пиоровало множество гостей на мой счет? когда я нанимал квартиру, состоящую из 3-х комнат, один? И теперь нанимаем мы 3 комнаты, но нас три человека вместе стоят, и комнатки очень небольшие. Еще прошу вас, маминька, не думайте найти во мне хотя искру гордости. Если я прежде казался таковым, то теперь не покажусь верно им; ваши мысли на этот счет совершенно согласны с моими, они стоят быть написаны золотыми буквами, жаль только, что редкие

следуют им.

Вы просите, чтобы я написал еще что-нибудь о пути своем. Занимательного впрочем мало. Терпел только порядочную бурю на корабле, во время которой к собственному удивлению моему и мысль о страхе не закрадывалась в мою душу; чувствовал только дурноту — неминуемое следствие качки; после двухдневного плавания, не видя ничего, кроме моря и неба, прибыли мы к берегам Швеции, где увидел я несколько странного вида разбросанных хижин. Народ вообще хорош, особенно женщины стройны и недурны собою. Вид острова Борнгольма с его дикими, обнаженными скалами и вместе цветущею зеленью долин и красивыми домиками восхитителен. Из острова Борнгольма мы прямо пристали чрез четыре дни и вышли на берег Дании. Я вам писал о пребывании своем в Травемунде и Любеке. В Гамбурге я пробыл очень мало. Но пределы письма заставляют меня отложить до следующего подробности.

Чувствительно сожалею о неудачах Петра

Петровича и желаю ему от души поправления здоровья и обстоятельств. Прошу вас, маминька, если только у вас будет свободное время, доставлять мне сведения о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи. Надеюсь, что и ты, милая сестрица, не откажешься попрежнему участвовать. Прошу вас приказать [приказать вписано.] вымерять длину, ширину, вышину дома и каждой комнаты порознь, или лучше приказать кому-либо знающему написать план и фасад в нынешнем его состоянии с масштабом. Я нашел способ расположить его чрезвычайно удобно, при самой небольшой переделке, на манер некоторых домов, виденных мною в Германии. Если же не понравится, то пришлю еще другим образом.

Николай Гоголь-Яновский.

Мой адрес: у Кукушкина мосту, в доме Зверькова, комната под № 16.

М. И. ГОГОЛЬ

1830, января 1. С.-Петербург

Во первых, позвольте поздравить вас с новым годом, почтеннейшая маминька, и пожелать счастливого провозждения его. Пора бы, кажется, счастьем обратиться к нам; но провидение, верно, с намерением так долго медлит, и мы должны благословлять его святую волю. Ни один день так не шумен в Петербурге, как первый нового года: всё утро экипажи, лошади, люди то и дело что разъезжают вдоль и поперек по всем улицам; все спешат, как бы не опоздать поздравить, или хотя завезть карточку, и только в четыре часа пополудни переводят немного дух. От Андрея Андреевича узнал я, что вы недавно гостили у Политики; этому я рад несказанно, тем более, что это хотя минутным послужило развлечением ваших непрерывных забот. Новостей в Петербурге никаких: проговорили-было об уничтожении чинов, но до сих пор еще ничего не последовало. На Дворцовой площади воздвигается великолепный памятник

Александрю, состоящий из колоссальной колоны, высеченной из одного куска цельного гранита. Что-то скажет нам новый 30-й год? Какое-то шумное волнение заметно в начале его; но холодно и безжизненно встретил я его. Наступление нового года всегда было торжественною минутою для меня. Каков-то будет для меня этот год? Чувства мои не переменятся, с такою же сыновней любовью и благодарною признательностью останусь вечно вашим послушным сыном.

Николай Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1830. Генваря 5. СПб

Письмо ваше получил я только сегодня, писанное вами еще с 12 декабря. При письме приложен план, снятый с нового дома плотником. Он не только не разрешил моих сомнений, но даже еще бы больше запутал меня, если бы я не так твердо знал его внутреннее и наружное состояние. Всё мое сомнение заключалось в одном только аршине. Я помню вот как теперь, когда я смеривал его в длину, оказалось 26 аршин; у плотника же выходит ровно 9 сажней, вся разница в одном аршине, но через это я не могу прислать вам верного совершенно масштаба. Впрочем это ничего, и я постараюсь изложить, сколько возможно, ясное предписание, из которого человеку сметливому, даже и не имеющему глубокого знания в архитектуре, удобно можно понять, в чем состоит дело, тем более, что переправок будет очень немного.

Сначала было думал я увеличить дом при-

стройкиками, но теперь вижу я, что это дело несбыточное для вас, потому что издержки значительно бы увеличились и дом остался бы опять нескончаемым на многие века. Теперешние же ваши обстоятельства требуют сколько возможно большей экономии и потому нужно, чтобы дом сколько возможно менее стал вам и через то чтобы скорее был к услугам вашим. Из приложенного при сем мною плана вы увидите, что я, сколько возможно, выгоднейшее старался дать ему расположение, и как можно менее переделок. Чтобы показать, как неверен план, сделанный плотником, я прилагаю и нынешнее его расположение. Оно послужит также и вам к лучшему уразумению. Зная, почтеннейшая маминька, ваше редкое благоразумие, я уверен, что вы одобрите мой план. Что же касается до фасада, то я старался дать ему сколько возможно лучший вид, и также чтобы переделок было очень мало. Я хотел-было также сначала дать ему фасад совершенно в новом вкусе, на манер виденных мною в образованной Европе; но поразмыслив, что это стоило бы многих переделок, притом [а гл<авное>]

еще не поймут, переиначут, и выйдет бог знает что, — решился оставить лишние затеи и приложить фасад, осуществление которого ничего почти не будет стоить.

По снятии мезонима, редкое размещение четырех колон на широком крыльце будет уродливо и безобразно, и потому я решился поставить восемь колон, по две вместе. Чрез это крыльцо еще расширится, но вид уже будет прекрасный, как вы можете усмотреть из прилагаемого при сем фасада. Колонны эти дорического ордена, с дорожками, или выемками по всему продолжению их, что служит также немалым украшением. Для этого прежние колонны можно перепилить на-двое и из четырех будет восемь; коротки оне не будут; если же это и случится, то можно употребить незаметные подмостки под верхними капителями. Касательно же поднятия комнат выше, то я нахожу это лишним: ныне большею частью даже в столицах делают комнаты невысокими, и я той веры, что в деревне лучше, если они высоты посредственной. [Было начато: если они ниже.] Оне очень милы и при-

том всегда будут теплы; а через это дерево с мезонима, который бы, верно, пошел весь на повышение [подн<ятие?>] дома, может быть употребление на кладовые и амбары. — Небольшая пристройка будет со стороны, прилегающей к старому дому. Она заключает в себе маленькую кладовую, сени и нужные места. В гостиной и спальне окна и стеклянные двери в сад будут иметь готической вид: это нынче всеобщий вкус, и в деревне я нахожу, что это будет прелестно. Рисунок их прилагаю особенно, а при нем также и пояснение. Место, где теперь находится лестница, обращено в моем плане в комнату для Машиньки; буфет также переименован, потому что из него в прежнем плане выход не в столовую, а в гостинную. (Задний фасад дому очень мил будет в натуре.) Зато [Зато прибавлены] вместо буфета прежнего — теперь комнаты для ночлега приезжающих гостей, или если я приеду, то мне несравненно приятнее быть в одном доме с вами. Если же в девичей будет тесно рабочим, то могут переходить туда во время свободное от постою. Там и постоянно может производиться ткание ковра, или тому

подобное.

Посылаю вам манишку для образца, которая тогда, по неблагоразумию Екима, бог знает где пролежала, вместо почты. Прошу вас покорнейше, маминька, сделать их мне около дюжины. Оне необходимо мне нужны более всего белья. Через день почти всегда я переменяю манишку: ужасно как скоро мараются. Прошу вас также, чтобы в ней всё было сделано совершенно так, как в образце [чтобы не были так мелки, как в прилагаемой вам для образца, чтобы они были не более]. Простите меня великодушно, маминька, что я так много вас утруждаю.

Я просил бы вас еще заготовить мне полдюжины рубашек и полдюжины исподнего белья, которого у меня ни одной штуки: но это может еще потерпеть до другого времени, а теперь прошу вас поспешить манишками, тем более, что, кроме посланной к вам манишки, у меня две только, из коих одна еще домашняя.

М. И. ГОГОЛЬ
<1830> С.-Петербург.
Февраль 2

Я получил письмо ваше, почтеннейшая ма-
минька, пущенное вами 12 генваря. Слава
богу! вы вне опасности. Я так был напуган,
узнав от Андрея Андреевича, что вы вместе со
всем нашим семейством очень больны, что
отдохнул тогда только, когда прочел соб-
ственные ваши строки. Недели три назад, как
я отправил к вам письмо с фасадом и планом
дома, а я старался приспособить их так, чтобы
сколько можно менее было издержек. Месяц
назад я сам был нездоров, но теперь попра-
вился, слава богу. Снова хожу каждый день в
должность и в силу, в силу перебиваюсь. Еще
недавно взял у Андрея Андреевича 150 р. на
обмундировку. Думал, что останется что-ни-
будь в присоединение к моему содержанию;
напротив, еще должен прибавить. Жалованья
получаю сущую безделицу. Весь мой доход со-
стоит в том, что иногда напишу или переведу
какую-нибудь статейку для г. журналистов, и

потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я вас часто беспокою просьбою доставлять мне сведения о Малороссии, или что-либо подобное. [или что-либо подобное вписано.] Это составляет мой хлеб. Я и теперь попрошу вас собрать несколько таковых сведений, если где-либо услышите забавный анекдот между мужиками в нашем селе, или в другом каком, или между помещиками. Сделайте милость, впишите для меня также нравы, обычаи, поверья. Да расспросите про старину хоть у Анны Матвеевны или Агафию Матв.<еевну>: какие платья были в их время у сотников, их жен, у тысячников, у них самих; какие материи были известны в их время, и всё с подробнейшею подробностью; какие анекдоты и истории случались в их время смешные, забавные, печальные, ужасные. Не пренебрегайте ничем, всё имеет для меня цену. В столице нельзя пропасть с голоду имеющему хотя скудный от бога талант. Одного только нужно опасаться здесь бедняку — заболеть. Тогда-то уже ему почти нет спасенья: источники его доходов прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него со-

вершенно невозможны, и ему остается одно средство — умереть. Но этого со мною никогда не может случиться: здесь есть Арендт, которого искусство и благородная душа чужды всякого интереса.

Часто наводит на меня тоску мысль, что, может быть, долго еще не удастся мне увидеться с вами. Как бы хотелось мне хотя на мгновение оторваться от душных стен столицы и подышать хотя на мгновение воздухом деревни! но неумолимая судьба истребляет даже надежду на то. Как подумаю о будущем лете, теперь даже томительная грусть залегает в душу. Вы помните, я думаю, как я всегда рвался в это время на вольный воздух, как для меня убийственны были стены даже маленького Нежина. Что же теперь должно происходить в это время, когда столица пуста и мертва, как могила, когда почти живой души не остается в обширных улицах, когда громады домов с вечно [вечно вписано.] раскаленными крышами одни только кидаются в глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладного местечка [ни одного деревца], где

бы можно было освежиться! Не мудрено, когда прошлый год со мною произошло такое странное, безрассудное явление; я был утопающий, хватившийся за первую попавшуюся ему ветку. Хотя бы на это время я был в состоянии нанять комнатку где-нибудь на даче, за городом; но там квартиры несравненно дороже, а при бедности моего состояния это почти невозможно.

Еще осмеливаюсь побеспокоить одною просьбою: ради бога, если будете иметь случай, собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. Я помню, их целыми горстями доставали. Сделайте милость, пришлите их. Я хочу прислужиться этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи. Нет ли в наших местах каких [каких-нибудь] записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукопи-

сей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного? Простите меня великодушно, маминька, что я вас забрасываю просьбами и причиняю великое беспокойство. Чтобы не было вам тягости, вы разделите свои поручения людям, на которых можете положиться в этом случае.

Дай бог, чтобы вы наконец пользовались благополучием, достойным вас, при каком желании и остаюсь

ваш покорнейший и послушнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Глубокое почтение и поклон дедушке Ивану Матвеевичу, бабушкам Марье Илиичне и Анне Матвеевне.

Целую заочно ручки милой тетиньки [ручки тет<иньки>] Катерины Ивановны и милую сестрицу, также и маленьких.

Я слышал про ужасные холода и морозы,

свирепствующие в наших местах. Тем более это для меня странно, что здесь в С.-Петербурге всё это время довольно тепло. Турецкие посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника — форрейтора Павла.

М. И. ГОГОЛЬ
1830, апреля 2-го дня. С.-
Петербург

Извините меня великодушно, почтеннейшая маминька, что я так долго не писал к вам. Заботы и вечные беспокойства тягчат меня всеми неразлучными с ними неприятностями. Я не понимаю, как я до сих пор с ума не сошел. После бесконечных исканий мне удалось наконец сыскать место, очень однако ж незавидное. Но что ж делать, важной протекции я не имел никакой, а мои покровители водили меня до тех пор, пока не заставили меня усумниться в сбыточности их обещаний. Теперь моим местом я, можно сказать, обязан своим собственным трудам. И теперь, признаюсь, я в ужасном недоумении; сам не знаю, что начать, к чему обратиться, что делать мне. Часто приходит мне на мысль всё бросить и ехать из Петербурга; но в то же время вдруг представлятся мне все выгоды по службе и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда. Взявши в сравнение свое место

с местами, которые занимают другие, я тотчас вижу, что занимаемое мною есть еще не самое худшее, что многие, весьма даже многие захотели бы иметь его, что мне только стоит удвоить количество терпения, и я могу надеяться получить повышение. Но зато эти многие получают достаточное количество для своего содержания из дому, а мне должно жить одним жалованьем. Теперь посудите сами: сокративши все возможные издержки, выключая только самых необходимейших для продолжения жизни, никого никогда у себя не принимая, не выходя никогда почти ни на какие увеселения и спектакли, отказавшись от любимого моего развлечения — от театра, и за всем тем я никаким образом не могу издерживать менее 100 рублей в месяц: сумма, с которою бы никто из молодых людей не решился жить в Петербурге (в удостоверение чего прилагаю я расход моих денег за прошедший месяц, из него вы можете увидеть истину моих слов, увидеть, что умереннее меня вряд ли кто живет в Петербурге). Сюда я не включаю денег, следующих на платье, на сапоги, на шляпу, перчатки, шейные

платки и тому подобное, чего наберется не менее, как на 500 рублей. Теперь вообразите: жалованья я не получаю и 500 рублей [жалованья я получаю только до 500 рублей]. Если присовокупить к сему и получаемое мною иногда от журналистов, то всего выйдет 600; шутка ли? Это мне выходит, и стает всё на одно только платье, сапоги, шляпу и вообще касающееся до одеяния. Где же теперь мне взять 100 рублей в месяц каждый на свое содержание? Занявшись же службой так как следует, я не в состоянии буду заниматься посторонними делами. Хорошо, что я еще имел всё это время такого редкого благодетеля, как Андрей Андреевич. До сих пор я жил одним его вспомоществованием. Доказательством моей бережливости служит то, что я еще до сих пор хожу в том самом платье, которое я сделал по приезде своем в Петербург из дому, и потому вы можете судить, что фрак мой, в котором я хожу повседневно, должен быть довольно ветх и истерся также не мало, между тем как до сих пор я не в состоянии был сделать нового, не только фрака, но даже тепло-го плаща, необходимого для зимы. Хорошо

еще, я немного привык к морозу и отхватал всю зиму в летней шинели. Деньги, которые я выпрашивал у Андрея Андреевича, никогда не мог употребить на платье, потому что они все выходили на содержание, а много я просить не осмеливался, потому что заметил, что я становлюсь уже ему в тягость. Он мне несколько <раз> уже говорил, что помогает мне до того времени только, пока вы поправитесь немного состоянием, что у него есть семейство, что его дела также не всегда в хорошем состоянии. И вы не поверите, чего мне стоит теперь заикаться ему о своих нуждах. Теперь, в добавку, он располагает ехать в мае месяце совсем из Петербурга. Что мне делать в таком случае [делать теперь]? Вы бы не худо однако же сделали, почтеннейшая маминька, если бы написали к нему письмо, в котором бы выразили ему в самых живейших и трогательнейших словах свою благодарность и вместе сказали бы ему, что я в своих письмах к вам не могу нахвалиться его ласками и его благодеяниями, беспрестанно мне оказываемыми. Пусть по крайней мере не думает обо мне, что я неблагодарен. Теперь

остаётся мне спросить вас, маминька: в состоянии ли вы выдавать мне [Далее начато: в вспоможение к моим] в месяц каждый по 100 рублей? Но, сделайте милость, говорите точную правду; если это будет не по состоянию вашему, если чрез это вы принуждены будете отказывать себе в необходимом, о! в таком случае я решусь пожертвовать всеми выгодами службы, решусь бросить Петербург, где может быть я бы составил себе счастье, удаюсь куда-нибудь в провинцию [в глушь], где бы содержание мне не стоило так дорого, короче — всё сделаю, на что только возможно решиться, лишь бы не навесить новых огорчений [горестей] и забот вам! Но боже вас сохрани, великодушная моя маминька, если вы скажете мне, что в состоянии, и между тем необыкновенных усилий и отказов во всех необходимых потребностях это будет стоить вам [вам вписано.]: в таком случае ваше вспомоществование обратится мне в едкое мучение; я буду почитать себя преступником, который тучею беспокойств помрачает и сокращает драгоценные дни ваши.

Все посылки ваши получил и не могу возблагодарить достойно за них вас. [Далее начато: Из них] В них я видел новые знаки ваших нежнейших забот обо мне и живейшее старание снабдить меня всем нужным. Приношу благодарность тетишке Катерине Ивановне, которая решилась пожертвовать временем — собрать для меня несколько любопытных песен; но драгоценейшие из них есть, однако ж, списанные вами две запорожские. Благодарю также Лукерью Фед.<оровну> и Марью Бор.<исовну> за их участие, жаль только, что в <не>которых местах рука так неразборчива, что я до сих пор многого не разобрал.

Вы писали мне, что не совсем довольны моим планом дому, а именно, что я не выставил пристроек, и чрез то девичью комнату по моему плану вы находите слишком малою. На это я могу отвечать, что в нынешнем вашем доме, в котором вы живете, и девичья, и детская, всё вмещается в одной комнате, которая часто служит сверх того туалетом для сестры и для вас, и потому я полагал, что небольшой особой комнаты довольно будет

для девиц, — тем более, некоторые из них должны сидеть и в детской комнате и в Машинькиной, через это предполагал и сбережение лесу <и> издержек за работу, которые, по словам вашим, немаловажны: 500 р. за одну только приделку небольших, маловажных пристроек — за одну плотническую работу. Эта цена даже здесь в Петербурге не назвалась бы дешевою. Впрочем, может быть, теперь у нас работники вздорожали, я этого не знаю, мне бы казалось только, что гораздо лучше своими снять мезонин и укрыть крышу, а особливо, если случится у вас архитектор. Пристройка же небольшая с мудростью одного десятка мужиков [одного мужика] может уладиться. [Фраза вписана.] Во многих местах Европы, а теперь и в России, в тех странах, где мало лесов, употребляют для постройки домов особенный состав, которого главную часть составляет глина. Видевши собственными глазами производство таких строений, я не мог надивить<ся> красоты и прочности их; пожары, бывающие гибельными для каменных строений, ничего не могут сделать над построенным из этого состава

ва, потому что глина от огня не разрушается, а делается крепче еще. С радостью сообщил бы я описание производства, но знаю, что наши мужики не поймут и, напроказивши, назовут еще негодным это изобретение; притом его нужно видеть самому. Теперь везде стараются распространять засевание картофеля, польза которого так очевидна, что я бы советовал попробовать вам в небольшом количестве. В других странах прекратили засевание хлеба и сеют только картофель. Вы хотите знать пользу его? она многочисленна: во-первых, картофель в миллион раз родится более всякого хлеба, во-вторых, на картофель никогда не бывает неурожая [неурожаю]: он не боится ни засухи, ни граду, ничего. Употребление же его тоже многообразно. Из муки делают недурные хлебы, особливо с примесью четвертой доли другого хлеба, из картофеля делается отличный крахмал, несравненно лучше пшеничного, но самое главное, что из картофеля выходит горелка, не уступающая делаемой из жита, и доходит до 22 градусов. Муки, по расчислению практиков, картофельной выходит с одной десятины столько,

сколько из двадцати десятин другого хлеба; доход с одной десятины полагают простирающимся до 500 рублей. Это статья, кажется, такая, которую бы стоило позаняться. С картофеля делают вино таким образом: сваривши картофель, растирают его и наливают на него теплой воды вдвое больше количеством против картофеля, дать сему затору притти в брожение, для ускорения коего прибавить немного солоду и пивных дрожжей. Когда всё это придет в совершенное брожение, то перелить сию брагу в куб, из которого и получится вино от 20 до 22 градусов. Сделайте из него хоть одно ведро на пробу и напишите, будет ли что-нибудь у вас из него.

В самое это время, когда я хотел окончить письмо мое к вам, посетил меня начальник мой по службе, с не совсем дурною новостью [с приятною новостью], что жалованья мне прибавляют еще двадцать рублей в месяц. Итак я снова спрашиваю вас, маминька, можете ли вы мне высылать по 80 рублей в месяц (исключая мая, за который мне необходимо нужно 100 [за который я не получу еще

прибавки]). Уменьшение, правда, маловажное, но по крайней <мере> утешительно тем, что меня замечают; это дает мне право надеяться, что не будет ли еще прибавки к новому году. Но впрочем, если не в состоянии высылать мне по такой сумме, то, сделайте милость, не затрудняйте себя. Я повторяю снова, что буду почитать себя причиною всех горестей и беспокойств. Я уже совещаюсь здесь и насчет моего намерения переместиться в провинцию, но признаюсь, боже сохрани если доведется ехать в Россию. По-моему, ежели ехать, так уже ехать в одну Малороссию. Но признаюсь, если рассудить, как нужно, то, несмотря на мою охоту и желание ехать в Малороссию, я совершенно потеряю всё, если удалюсь из Петербурга. Здесь только человеку достигнуть можно чего-нибудь; тут тысяча путей для него; нужно только употребить терпение, с которым можно-таки дожидаться своего.

Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вам один, который, по важности своих статей, почитается здесь луч-

шим и который достается мне даром, по причине небольшого моего участия в издании его. Каждый месяц выходит книжка, которую я буду немедленно препровождать к вам. По-сылаю вам также нововышедший роман, подаренный мне самим автором.

Простите, добрейшая [Простите меня [достойнейшая] привязаннейшая] из матерей и попечительнейшая, за мои вечно наносимые неприятности вам. Чего бы я не дал, чего бы не сделал, чтобы избавить вас от них! Извините, что так дурно и неразборчиво пишу. Рука у меня обовязанна [Далее начато: по прич<ине>] и разрезана разбитым стеклом, боль мешает мне более писать. До следующего письма. Простите. Очень жалею, что не в силах более написать вам о нужных предметах, которые я хотел-было сообщить в вашем письме, теперь откладываю.

Ваш до гроба послушный и нежно вас любящий сын

Н. Г. Я.

ПРИХОД и РАСХОД за ДЕКАБРЬ 1829 и ЯНВАРЬ 1830.

Декабрь.

Приход.

Получено от его превосходительства Андрея Андреевича получил, по причине вычета за переименование в чин, на инвалидов, на госпиталь и проч.....150 р.

Итого .....150 р.

Прежних оставалось .....20 р.

Расход.

За квартиру .....25 р.

На стол.....25 р.

На дрова.....7 р.

На свечи.....3 р.

Жалования в этот месяц не Водовозу..... 2 р.

На чай, сахар и хлеб.....20 р.

В библиотеку для чтения.....5

р.

На сапоги.....10 р.

Прачке.....5 р.

На содержание человека.....10 р.

Куплено ваксы на 1 р. 50 к.

Итого.....113 р. 50 к.

Кроме того за мытье полов заплачено..... 1 р. 50 к.

На лекарство.....3 р. 70 к.

На цирульника.....1 р. 50 к.

Итого.....6 р. 70 к.

Январь.

Приход.

Получено жалованья за м. январь.....30 р.

От Андрея Андреевича полученных осталось.....50 р.

Выручил за статью, переведенную с французского:

О торговле русских в конце XVI и начале XVII века,

для Северного Архива.....20 р.

Итого.....100 р.

Расход.

За квартиру.....25 р.

На стол.....	25 р.
На дрова.....	7 р.
На сахар, чай и хлеб.....	20 р.
На свечи.....	3 р.
Водовозу.....	2 р.
За перчатки заплачено.....	3 р.
Прачке.....	5 р.
На содержание человека.....	10 р.
За два носовых платка.....	2 р. 50

к.

На мелкие издержки, как-то: извозчикам, цирюльникам и проч. потреблено.....5

р.

На подтяжки.....	4 р.
В баню.....	1 р. 50 к.
Итого.....	111 р. 50 к.

М. И. ГОГОЛЬ

1830, июня 3. С. Петербург

До сих пор не могу притти в себя после прочтения письма вашего, великодушная маминька; в изумлении перевертываю его в руках и не умею назвать того странного впечатления, которое произвело оно во мне. Как! столько жертвований, с таким самоотвержением, и для кого? для того, который до сих пор не доставил вам ни одного еще утешения, не только помощи... Столько беспокойств, столько душевных тревог; столько печалей, и всё об ком?.. Безумец! как я мог в часы когда неудачи и несчастья подавляли меня, как я мог в эти часы отчаиваться и изливать желчь на весь мир, когда есть одно существо, ангел со всеми ангельскими совершенствами, который любит меня со всеми моими слабостями, которому одному только моя жизнь дороже всего на свете — и я мог, в полном избытке счастья, почитать себя несчастливейшим! Но как назвать того, который за всю эту безграничную любовь платит черною неблагодар-

ностью, причиняет беспрестанно новые заботы и наводит целые тучи огорчений? Я не в состоянии выдумать ему приличного названия, но положения этого несчастливца я не пожелал бы и злейшему врагу: состояние души его ужасно. Одно только заставляет меня терпеть и покорствоваться, что верно бог, пославший мне такое редкое благо в этом мире, имеет обо мне особенное свое попечение...

Чтобы не оставлять вас в недоумении обо мне насчет службы и прочего, я буду отвечать на письмо ваше по пунктам. Служу я еще только третий месяц в департаменте уделов, находящемся в ведении министерства двора. Главный начальник мой — вице-президент департамента, гофмейстер Л. А. Перовский. Начальник отделения мой, от которого я непосредственно завишу (я нахожусь во 2-м отделении) В. И. Панаев, человек очень хороший, которого в душе я истинно уважаю; если же вы хотите знать и столоначальника, которого должность не велика однако ж и который мало надо мною влияния имеет, то фамилия его Д. И. Ермолов, человек впрочем недур-

ной и не без воспитания.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов вообще о службе. Вы говорите, почтеннейшая маминька, что многие приехавшие в Петербург, сначала не имевшие ничего, жившие одним жалованием, приобрели себе впоследствии довольно значительное состояние единственно стараниями и прилежанием по службе и приводите в пример Гежелинского. Я вам сотню сам приведу примеров таких людей, которые точно, не имея ни гроша, приобрели впоследствии многое; но вспомните, к какому времени это относится, когда протекало их поприще службы. Зачем вы не приведете в пример хотя одного такого, который бы в нынешнее время, то есть, в последнюю половину царствования Александра и в продолжение царствования Николая приобрел богатство по службе? В этом-то и дело, что не те времена. Это вам скажет всякий служащий в столице. Тогда, особливо в царствование блаженной памяти Екатерины и Павла, сенат, губернские правления, казенные палаты были самые наживные места. Теперь взятки господ

служащих в них гораздо ограничены; если же и случаются какие-нибудь, то слишком незначительны и едва могут служить только небольшою помощью к поддержанию скудного их существования. В департаментах же министерств служба несколько более еще облагорожена. Прежде человеку, прослужившему несколько лет верою и правдою, в награждение давали целые поместья, душ тысячу и более крестьян; теперь же вы сами знаете, этого ничего не дают уже. Стало быть, вы спросите, теперь никаких нет выгод служить? Напротив, они есть, особливо для того, кто имеет ум, знающий извлечь из этого пользу, предположивший впереди себе мету, ставши на которую, он в состоянии дать обширный простор своим действиям, сделаться необходимым огромной массе государственной; этот ум должен иметь железную волю и терпение, покамест не достигнет своего предназначения, должен не содрогнуться крутой, длинной — почти до бесконечности и скользкой лестницы, должен не упускать из виду малейшего обстоятельства, кажущегося посторонним, но способствующего сколько-нибудь к

повышению его, должен отвергнуть желание раннего блеска, даже пренебречь часто восклицианием света: «Какой прекрасный молодой человек! как он мил, как занимателен в обществе!» Никакое желание [Никакое постороннее желание] рассеяния, забав и развлечений всякого рода не должно останавливать его; он может казаться занимающимся ими, но не на самом деле.

Те, которым не дан в удел этот многосторонний, деятельный ум, ограничиваются тем, что, выслужив узаконенные 35 лет, выходят в отставку и получают полный пансион, равный получаемому ими в последний год жалованию; этот пансион достаточен для прокормления их до смерти; впрочем участь этих людей мне не завидна. Служить, не имея другой цели, как только той, чтобы получить пансион, небольшое благо [небольшая карьера]. Я и доньше того мнения [Я и доньше той цели], что человеку стоит только захотеть, чтобы получить, если то, что он захочет, возможное; разумеется, что здесь подразумевается терпение и неколебимость.

Через год, а может быть, и ранее, надеюсь я получить штатное место. Это составляет покамест единственное мое желание, и получение его будет для меня неизъяснимою радостью, потому что освободит от тягостной обязанности получать от вас вспоможения, когда оно вам более всего нужно.

Не думайте, почтеннейшая маминька, что я нерадиво занимаюсь своею должностью. Вы это заключаете из того, что мне прибавки произошло всего только 20 рублей в месяц; но не думайте, чтобы 240 рублей в год приращенія было маловажно для меня. По месту мною занимаемому я не могу, хотя бы и из кожи лез, получить более. Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил, хотя [Далее начато: из одной] одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое. Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд. Надеюсь, что вы попрежнему, почтеннейшая маминька, не оставите иногда в часы досуга присылать все любопытные для

меня известия, которые только удастся собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрице Машиньке, которая так много трудилась для меня в этом деле и которой прекрасные качества узнаю я с каждым разом более. Пусть однако ж она не думает, что я до такой степени неблагодарен, что забываю о ней. В письме моем, принося благодарность даже Лукер.<ье> Фед.<оровне> и Мар.<ье> Бор.<исовне> я не помянул о ней ни слова, потому, что хотел писать к ней особо. И для этого-то самого я и теперь в письме вашем не пишу ничего, относящегося к ней.

Несмотря на все старания свои, я [я до сих пор] не мог, однако ж, иметь никакой возможности переехать на дачу. Судьба никаким образом не захотела свести меня с высоты моего пятого этажа в низменный домик на каком-нибудь из островов. Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь усладить свое заключение. Мне советуют делать сколько можно больше движения, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачам и прекрасным окрестностям. Нельзя на-

дивиться, как здесь приучаешься ходить: прошлый год, я помню, сделать верст 5 в день была для меня большая трудность, теперь же я делаю свободно верст 20 и более и не чувствую никакой усталости. И это здесь вовсе не удивительно, всякой этим может похвалиться. В 9 часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность и пробываю там до 3-х часов, в половине четвертого я обедаю, после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, — тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они кроме труда и старания ничего не требуют. По знакомству своему с художниками, и со многими даже знаменитыми, я имею возможность пользоваться средствами и выгодами, для многих недоступными. Не говоря уже об их таланте, я не могу не восхищаться их характером и обращением; что это за люди! Узнавши их, нельзя отвязаться от них навеки, какая скромность при величайшем таланте! Об чинах и в помине нет, хотя некоторые из них статские и даже действительные советники.

В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа; в семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, — которых у меня таки не мало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до 25 человек. Вы, может быть, думаете, что такое знакомство должно быть в тягость — ничуть, это не в деревне, где обязаны угощать своих гостей столом или чаем. Каждый у нас ест у себя, приятелей же и товарищей угощают беседою, которою всякой из нас бывает вполне доволен. Люди различных характеров, разного темпераменту всегда найдут об чем поговорить, поспорить и образнообразить свой разговор. Три раза в течение недели отправляюсь я к людям семейным, у которых пью чай и провожу вечер. С 9 часов вечера я начинаю свою прогулку, или бываю на общем гуляньи, или сам отправляюсь на разные дачи; в 11 часов вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигде не пил (вам не должно показаться это поздним: я не ужинаю), иногда прихожу домой часов в 12 и в 1 час, и в это время еще можно видеть толпу гуляющих. Ночей, как

вам известно, здесь нет; всё светло и ясно, как днем, только что нет солнца. Вот вам описание моего летнего дня; всячески стараюсь я лучше провести его, но всё почти вспоминаю за каждым разом деревню. Воздуху здесь нет настояще деревенского; весны совсем нельзя заметить; самые растения утратили здесь свой запах, как пересаженные насильственной рукою на неродную им почву; всё лето и весна продолжаются здесь только три месяца; остальными девятью месяцами управляют деспотически зима и осень. Удовольствия, которые имею я здесь, все почти состоят из упомянутых, и потому не стоят мне ничего. Всякая копейка у меня пристроена, и малейшее исключение уже причиняет расстройство всему моему регулярному ходу издержек.

Но я, кажется, еще не на все пункты ваши ответил. Все распоряжения, сделанные вами касательно построек, очень хороши и отличаются всегдашнею вашею предусмотрительностью и благоразумием, касательно же моего мнения разводить картофель, если она у нас мало родит, то об этом нечего думать; не сове-

тую даже и водки из него делать, потому что это в таком только случае, когда картофлю несравненно большее множество, нежели хлеба.

Еще едва было не позабыл отвечать на один ваш запрос [на один ваш пункт], который повергнул меня еще в большее удивление, нежели вас: до сих пор не могу постичь, отчего произошло ваше недоумение и беспокойство, услышавши, что я обрезал стеклом себе руку (еще бы ничего, если бы кинжалом, ножом или другим каким орудием). Не представлялось ли вам, почтеннейшая маминька, что я где-нибудь на вакхической пирушке, в припадке излишней веселости, вздумал колотить рюмки и бутылки, или, чего доброго, не пожелалось ли мне пролезть куды-нибудь в окошко? Ничего не бывало; я стал ломать стекло в намерении выгладить им палочку для кисти своей и обрезал большой палец, который чрез то помешал моей приятной обязанности продолжать письмо далее — вот и всё.

Посылаю вам следующий № журнала, разрезавши который, найдете вы в листах его письмо это, хитрость, которую я сделал, во избежание двойного платежа и за письмо, и за посылку, между прочим, как мне то и другое стало столько же, сколько одно письмо.

Предупеждаю вас, что в этой книжке, равно и во всех последующих, вы не встретите уже ни одной статьи моей. Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж как они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени. Рекомендую вам прочесть описание Полтавы господина Свинына, в котором я, хотя и природный жилец Полтавы, много однако ж нашел для меня нового и доселе неизвестного.

Целуя ваши ручки, остаюсь вечно благодарным и послушнейшим сыном

Николай Гоголь.

Бабушкам, дедушке поклон; всех домаш-

них обнимаю. Если Катерина Ивановна тетинька у нас, целую несколько раз ее ручки.

М. И. ГОГОЛЬ
СПб. Сентября 1-го д. 1830

Никаким образом не могу постигнуть причины вашего молчания, почтеннейшая маминька. Вот уже скоро будет два месяца, как я не получаю от вас никакого известия. Ради бога, если вы имеете жалость к вашему сыну, которого всё счастье, всё благополучие заключается в вас, в доставлении вам утешения и минутного забвения ваших непрерывных забот, хотя одним словом, одной строчкой напишите, что вы здоровы, и я счастлив.

Два письма мои не имели никакого успеха совершенно. Из них вы знаете подробно уже о моей службе и ежедневных занятиях. Андрей Андреевич был так милостив, [Далее начато: что] видя нужду мою, что оказал мне помощь, какой только можно было ожидать от добрейшего родственника. С июня месяца, т. е. с тех пор, когда я не получал ничего уже от вас, я пользовался его благодея<нием>: на три месяца он мне выдал сумму, какую следо-

вало бы мне получить от вас. Следовательно за прошедшие месяцы июнь, июль и август [июнь, июль и август вписано.] вам нечего беспокоиться. Завтра, или послезавтра Андрей Андреевич уезжает отсюда, и потому вчера дал еще мне и на первую половину сентября.

Служба моя идет очень хорошо; начальники мои все прекрасные люди. Всего только четыре месяца, как я служу, [Далее начато: и имею] а получил на днях уже штатное место, до которого многие по пяти лет дослуживаются, иные даже по десяти, а всё не получают. С нового года надеюсь получать 1000 рублей жалованья, а до того времени должен буду еще беспокоить вас, великодушная маминька. Всего в этом году следует вам выслать мне 300 рублей, которые можно разделить на два куша.

Часто большие неудобства встречаются иногда от замедления присылки, и тогда принужден я бываю продавать за бесценок само- нужнейшие вещи, которых приобретение

становится впоследствии мне несравненно дороже.

Но нужнее всего теперь для меня письмо ваше. Оно одно доставит мне удовольствие, и заставит забыть и крайность, и нужду, и голод, и все неприятности в свете. Ради бога, не мучьте меня более, несравненная маменька. Одна строчка ваша — и я благополучнейший человек.

Н. Гоголь-Янов<ский>

Я пишу так несвязно и мало [и неразб<орчиво>], и неудовлетворительно, что вы, без сомнения, не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выражение душевных беспокойств.

Тебя прошу, моя бесценная сестрица Машенька, если маминьке недосуг или, может быть, за хлопотами недостает времени, написать мне поскорее слова два, что я бы знал по крайней мере, что вы здоровы. Прощай, бесценный друг мой!

Твой брат Н. Г.<оголь->Яновский.

М. И. ГОГОЛЬ
1830 года. Сентября 29-го
дня. С.-Пбург

Письмо ваше, бесценнейшая маминька, купленное вами от 11-го сентября, я сегодня получил и спешу сегодня же отвечать вам. Ни с чем не могу сравнить того чувства, которое наполнило меня, когда увидел вашу собственную руку. Слава богу, вы здоровы; к полному моему удовольствию недостает, чтобы сестрица, милая моя Машенька, освободилась совершенно от своей болезни. Мне кажется, что ей причиняет часто болезнь и то, что она иногда горюет. Ради бога, отгоняйте от себя всякое горе. Мне верится, что бог особенное имеет над нами попечение: в будущем я ничего не предвижу для себя, кроме хорошего. Деньги, присланные вами, я принимаю за сентябрь, октябрь и ноябрь; прежние же месяцы, благодаря редкому, добрейшему нашему благодетелю Андрею Андреевичу, прожил я его деньгами. Я вам уже писал (если вы получили письмо мое, писанное в сем месяце), что

получил штатное место, что составляет довольно редкий случай получить так скоро. Жалованья мне хотя и не прибавили, однако ж обнадеживают, что с нового года дадут, и потому в следующем году я надеюсь получить от вас половину назначенной мною суммы, и это, с надеждою на бога, полагаю, будет последний год, в который получу от вас [в который я попрошу у вас] вспоможение, а там надеюсь быть полезным и вам. Всё мне идет хорошо. Ваше благословение, кажется, неотлучно со мною. Прошу только вас не давать поселяться в сердце вашем беспокойству насчет меня. В письме вашем между прочим беспокоитесь, что квартира моя на пятом этаже. Это здесь не значит ничего, и, верьте, во мне не производит ни малейшей усталости. Сам государь занимает комнаты не ниже моих; напротив, вверху гораздо чище и здоровее воздух. Начальники мои действительно хорошие люди, и я ими весьма доволен. Не будете ли видеться с Шамшевыми? Они хорошо знакомы с Панаевым и ведут с ним переписку. В таком случае не мешало бы, если бы они упомянули и обо мне. Это, я думаю, ускорило бы

мне прибавку жалованья. Словца два-три от хороших людей всегда не помешают.

Новостей у нас в столице нет почти никаких. Погода испортилась, дождлива и сыра. Лейб-гвардии Измайловский и Конный полк праздновали на днях столетнее свое существование. Праздник был блистательный; все офицеры, которые когда бы то ни было служили в этих полках, в полных мундирах присутствовали при нем, и солдаты, в первый раз, может быть, от роду, пили шампанское. С 23-го сентября Академия художеств открыла выставку произведений своих за три прошедшие года. Это для жителей столицы другое гулянье: около тридцати огромных зал наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взад и вперед мужчинами и дамами, и здесь встречались такие, которые года по два не видались между собою. С 27 числа Академия открыта и для простого народа.

Свидетельствуя заочно мое почтение и мою признательную любовь дедушке, бабушкам и обнимая милую мою сестрицу, с жела-

нием ей совершенного здоровья, остаюсь вечно вас любящим

и послушнейшим сыном Н. Гоголь-Я.

Всем нашим знакомым свидетельствую мое почтение и посылаю поклон; маленьких сестриц целую мысленно.

Позвольте при сем поздравить вас, бесценнейшая маминька, с наступающим днем ангела вашего и пожелать всегдашнего здоровья, спокойствия душевного и счастья. Я же прошу у бога дать мне силы и возможность доставить вам утешение, которого так долго вы от меня не имели еще.

М. И. ГОГОЛЬ

<1830> Октября 10

Посылаю вам, бесценнейшая маминька три следующие книжки Отечественных Записок, в них однако ж, выключая разве некоторых, мало занимательных статей. Предупреждаю [Предупреждаю однако же] вас, чтобы и не искали там чего-нибудь моего, потому что я уже с давнего времени не участвую в сем журнале, как потому во-первых, что занятия мои по службе увеличились, так и потому, что мной в остающееся мне свободное время овладевает общая всем почти малороссианам проклятая лень, с которой доселе я был в непримиримой вражде и которая, кажется, ныне смеется над моим усилием преодолеть ее. Наконец наш добрый благодетель Андрей Андреевич выехал к крайнему моему сожалению из Петербурга в прошлую среду, 8-го числа сего месяца. Теперь никого близкого мне не осталось: здешних знакомых как-то всё почитаешь чужими, и потому-то мне вдвое грустнее показалось после их отъ-

езда. Прибегнуть в случае нужды не к кому, узнать об вас в случае вашего по какому-нибудь случаю молчания не от кого; это одно печаливает меня.

Без сомнения вам известно, что Андрей Андреевич поехал не на Москву, как прежде думал, но на Киев и намерен зимовать в Кагорлыке. Печалит меня еще слишком болезнь моей доброй сестрицы Машеньки.

Ради бога, милая сестрица моя, береги свое здоровье, старайся сколько можно отдалять от себя печальные мысли и воображай себе беспрестанно так, как я, что они таки придут, те благословенные времена, когда мы будем снова все вместе и уже в полном довольстве, когда ты увидишь не того причудливого и своенравного брата [брата вписано.], который так часто оскорблял тебя, но кроткого, признательного, которого нужды и опыт переродили совершенно и сделали другим человеком, и мы тогда станем вместе служить нашей несравненной, единственной маминьке, предупреждая малейшие желания; и, может

быть, бог милостив, он верно нам поможет в том — доставим утешения и истребим у нее из памяти те годы печалей, которые наносил я чувствительному ее сердцу. Ты верно, бесценная моя сестрица, напишешь мне несколько слов о себе, чтобы я удостоверился в твоём здоровье. Давно уже я не получал от тебя писем.

М. И. ГОГОЛЬ
Декабря 19 дня, 1830
<Петербург>

Чувствительно благодарю вас, почтеннейшая маминька, за присланные вами деньги сто рублей. Верьте, что я знаю им цену: могу ли я что-либо из них употребить на ненужное, когда на каждой из сих ассигнаций читаю я те величайшие труды, с которыми они достаются вам. Давно уже меня занимает одна и та же мысль — доставить вам в этом отношении облегчение. Мои удвоившиеся труды, мои успешные занятия и лестное внимание ко мне, — всё заставляет меня думать, что участь моя к моему и вашему удовольствию переменится, и в наступающем 1831 году, с которым заблаговременно поздравляю вас, желая счастья и всегдашнего здоровья, предвижу я для себя много хорошего. Будьте спокойны на мой счет и не слушайте никаких глупостей, разносимых ничтожными людьми. Прежде нежели вы решитесь верить человеку, рассмотрите наперед его внима-

тельнее, достоин ли он того, чтобы верить ему. Человека, о котором вы говорите, я довольно хорошо знаю, хотя никогда не бывал коротко знаком с ним. О моих великих дарованиях и о добром сердце он не имеет никакого права говорить: о первых он не имеет понятия, второго не имел случая узнать. Если же он называет меня чудаком, потому что я избегал короткого обхождения с ним, то этакого чудака он должен встретить во всяком порядочном человеке. Занятий же у меня так много, что мне редко достается переговорить даже с теми людьми, которых я истинно уважаю, и потому мне некогда было уделять времени собакам. Но чтобы решиться сделать подобный глупый поступок с Кутузовым, для этого нужно быть человеком, просто сумасшедшим, или не получившим совершенно никакого образования. Если бы я даже не был знаком с Кутузовым, я бы и тогда не отказал ему в уважении, зная его достоинство и услуги, оказанные им своему отечеству. Если бы вовсе незнакомый человек поклонился мне, хотя бы даже это был простой ремесленник или слуга, я бы отплатил ему тем же, потому

что этого требуют правила учтивости и вежливости. Мне очень больно, что я принужден вам говорить об этом человеке, потому что я не люблю расславлять худого про кого бы то ни было, но вы сами заставили меня. Я отвечал сначала молчанием на расспросы о нем [о нем вписано.] сестрицы моей и вовсе не хотел говорить о нем. Когда он у меня просил письма к вам, [Далее начато: я ждал] при отъезде своем отсюда (где он так славно окончил карьер свой) я не дал ему, потому что в письме должен бы был рекомендовать вам его с хорошей стороны и впоследствии вы бы, может быть, пеняли на меня, что я доставил вам такое знакомство. Теперь вы имеете случай узнать его сами и увидеть, что он за цаца.

Все эти сплетни от таких людей [от таких людей вписано.] мне столько же приносят неудовольствия, сколько может принести его неважное [ничтожное] ни для кого происшествие. Но мне больно то, что вы сами, маминька, обо мне говорите худое. Я здесь разумею письмо ваше, писанное вами пред этим. Вы мне приписываете те сочинения, которых

бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. Зачем марать мое доброе, еще не запятнанное ничем имя? Если вы так мало знаете меня, что нашли в этих сочинениях мой дух, мой образ мыслей, то вы слишком худого мнения обо мне. Неужели я заслужил его от вас? Вы бы по крайней мере обратились к какому-нибудь человеку, которому известен ход нашей литературы; тот бы вам сказал, что отрывки из комедии Светский Быт были помещаемы три года назад тому, когда я был еще в Нежине, в журналах и альманахах, с полною подписью автора: Павел Свиньин, от которого я получил и роман Якуб Скупалов. Сфера действия этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то верно бы я избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий. Но главное скажите: встретили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мне? Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего в этом Лоскутке

бумаги? и я, посвятивший себя всего пользе, обрабатывающий себя в тишине для благородных подвигов, пущусь писать подобные глупости, унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь каких-то низких тварей, и таким площадным, вялым слогом, буду способен на такое низкое дело, буду столько неблагодарен, черен душою, чтобы позабыть мою редкую мать, моих сестер [мою сестру], моих родственников, жертвовавших для меня последним, для какой-нибудь девчонки. Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое — там, если не ошибаюсь, написано: В. Б—в. Зная, что вы мне не поверите без доказательства (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего, вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя автора этой пьесы, и наконец узнал, что с моей стороны и не хорошо, потому что автор сам, может быть, чувствовал глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто Владимир Бурнашев, служащий здесь, говорят, даже хороший молодой чело-

век.

Но чувствую, что я заговорился много об пустяках и мое оправданье походит даже несколько на выговор. Простите, великодушная моя маминька, оскорбленному некоторого рода самолюбию, которое таится у всякого человека и заставляет его защищать себя от часто несправедливо возводимых худых качеств. Верьте, бесценная маминька, единственный правдивый друг мой (я думаю, что я должен называть вас [извините, что называю вас] другом; я думаю, никто в мире не счастливее меня, имея такое [Было начато: имея такого] неоцененное благо), что все мои желания, все мои мысли ограничиваются доставлением вам утешения и забвения всех угнетавших вас горестей.

С каковыми чувствами и пребуду [пребываю] век вашим послушнейшим и нежно вас любящим сыном

Н. Гоголь.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, друг мой, за твою приписочку и за воспоминание частое обо мне. Я не знаю только, почему ты думаешь, как о несбыточной вещи, о нашем свидании. Верь, милый друг мой, что мы непременно увидимся с тобою и раньше нежели ты думаешь. Если только я буду иметь возможность приехать домой к вам на свой счет, не доставя вам никаких издержек, то это будет мое первое дело и долг поблагодарить вас лично за ваши великодушные пожертвования для меня. Не могу тебе объяснить, как я рад счастьем милой и доброй сестрицы нашей Александры Федоровны. От всей души желаю ей продолжение его на всю жизнь. Она его достойна по своей доброй, кроткой и прекрасной душе. Подарок мой, милая моя сестрица, носили ли бы его или нет, я всегда буду носить на себе, если тебе только вздумается прислать его.

Целую несчетно моих прелестных сестриц и горю нетерпением видеть их. Бабушкам, дедушке, всем родственникам, знакомым и

ВСЕМ, КТО ТОЛЬКО ПОМНИТ ОБО МНЕ, ПОКЛОН.

М. И. ГОГОЛЬ
Февраля 10 дни, 1831. СПб

Письмо ваше, пущенное вами от 15-го января, я получил третьего дня; во всем, даже в требовании вашем уведомить о г. Шостаке, видна нежная ваша материнская заботливость обо мне, но, к величайшему сожалению, ваших приказаний в точности я не в состоянии теперь выполнить. Случай свел меня еще в начале прошлого 1830 года (в январе или в феврале месяце, не помню) с одним из племянников Григория Ильича. От него узнавши о местопребывании его, я не замедлил навестить его. Он еще в то время был один из числа 7-ми откупщиков, взявших на себя город Петербург. Откупщики эти не получили никаких совершенно выгод; в разговоре однако ж со мною он старался не давать этого заметить. Мне странно только было найти в этом человеке, можно сказать, изжившем всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности и то, что с своим, повидимому, добрым сердцем успел

наделать столько неприятностей другим. После я узнал уже стороною, что он находился всё это время под арестом и ему запрещен был вовсе из дому выезд; бывшие с ним в коротких связях говорят, что он никогда даже не был в хороших обстоятельствах и при редком счастье всегда бывал почти сам причиною его утраты. Впрочем один поступок тот, посредством которого он помог родным своим, извиняет его много. Удастся ли ему уберечь что-нибудь для детей? Долг у него в несколько раз превышает имение. Теперь я его не видал, потому что не мог отыскать: несколько месяцев, как он съехал с своей квартиры, — куда, зачем и как, никто не знает. Петербург взят на откуп в сем году какою-то Ост-Зейдскою компаниею.

Насчет дела г-жи Клименковой удовлетворительного ничего не могу сказать. Одна только сильная протекция могла бы сделать что-нибудь в ее пользу, но и то не в таких обстоятельствах, как ее нынешние. Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страш-

ных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием; следовательно не только не в праве требовать себе пенсии, но даже могут ожидать неприятностей. Впрочем государь милостив. Если бы она нашла себе другой какой предлог требовать, может быть, тогда было бы это успешнее. В том или в другом случае не советуйте ей слишком надеяться и ожидать многого. Если и получит успех, пусть лучше успех этот будет для нее неожиданный. Ничего нет хуже и горестнее для человека несбывшихся надежд.

О себе скажу, что мои обстоятельства идут, чем далее, лучше и лучше: всё поселяет в меня надежду, что если не в этом, то в следующем году, я буду уже <иметь> возможность содержать себя собственными трудами; по крайней мере [Далее начато: тверд<ое>] основание положено из самого крепкого камня. Только я вас теперь сильно потревожу убедительной просьбой о присылке двух сот пятидесяти рублей. Это составит половину следующей мне [требуемой мною] суммы в нынеш-

нем году (в теперешнем году мне нужно от вас получить только 500). В июне месяце попрошу у вас остальную половину, и это требование, надеюсь, <бу>дет последнее. Если вам можно будет теперь собрать такую сумму, то я вас прошу усерднейше, почтеннейшая маминька, прислать мне их немедленно.

Письмо ваше меня обрадовало тем, что из него увидел я, что места наши, славу богу, благополучны. Верьте, что бог ничего нам не готовит в будущем, кроме благополучия и счастья. Источник их находится в собственном нашем сердце. Чем оно добрее, тем более имеет притязаний и прав на счастье. Как благодарю я вышнюю десницу за те неприятности и неудачи, которые довелось испытать мне. Ни на какие драгоценности в мире не променял бы их. Чего не изведаль я в то короткое время? Иному во всю жизнь не случилось иметь такого разнообразия. Время это было для меня наилучшим воспитанием, какого я думаю, редкой царь мог иметь. Зато какая теперь тишина в моем сердце! Какая неуклонная твердость и мужество в душе моей! Неуга-

симо горит во мне стремление, но это стремление — польза. Мне любо, когда не я ищу, но моего ищут знакомства. Весь этот год будет более ничего, как только утверждение мое, укрепление на месте, обеспечение от всех нужд; и потому весь этот год я не могу и не должен даже на время оставлять поста своего, следовательно должен даже отложить надежду на радостное свидание с вами; но в следующем году вы прижмете к нежной материнской груди вашей жарко любящего вас сына

Н. Гоголя.

Мою бесценную сестрицу не знаю, как благодарить за ее подарок. Если со временем представится мне случай принести благодарность существенную, то этот случай будет уже для меня неизъяснимая радость, а до того целую ее несколько раз, желаю ей всего хорошего и главное — не изменяться в своих чувствах к вечно любящему ее брату.

Живите как можно веселее, прогоняйте от

себя неприятности, по крайней мере не смущайтесь ими: всё пройдет, всё будет хорошо. Неужели вы не замечаете чудной воли высшей — всё это делается единственно для того, чтобы мы более поняли [более почувствовали] после свое счастье. Мысль моя всегда с вами. За чайным столиком, за обедом, я невидимкой сижу между вами [с вами], и если вам весело слишком бывает, это значит, что я втерся в круг ваш; и потому, если вы хотите побольше беседовать и быть со мною, вы должны непременно побольше веселиться.

Расцелуйте моими устами [Целую] всех трех моих красавиц сестриц, и попросите у них великодушного извинения за мою негодливую до сих пор не прислать им даже к новому году подарка, за которую мстят [платят] они до сих пор упорным молчанием.

М. И. ГОГОЛЬ
С.-Петербург. 16 апреля
<1831>

Благодарю вас, добрая и почтеннейшая ма-
минька, за присланные вами деньги. Чув-
ствую, скольких трудов стоило вам собрать
их, и заранее радуюсь, предвидя впереди воз-
можность несколько вознаградить вас. Я вам
обещал в этом году потребовать от вас 500
рублей, как последние, после чего я уже не бу-
ду иметь права просить у вас. И это обещание
выполнил бы непременно, хотя бы обстоя-
тельства мои и не приняли теперешнего обо-
рота. В июле месяце я ожидаю снова от вас
двух сот пятидесяти рублей, после чего будь-
те совершенно спокойны. В 1832-м году буду
иметь возможность приехать к вам, не при-
несши вам никаких издержек, а в 33-м, в свою
очередь, помочь вам. Правда, долго, но нечего
делать — нужно иметь твердость и терпенье
всегда при себе.

Я было вздумал захворать геморроидами и

почел ее бог знает какую опасною [опасною вписано.] болезнию. Но после узнал, что нет в Петербурге ни одного человека, который бы не имел её. Доктора советовали мне меньше сидеть на одном месте. Этому случаю я душевно был рад: оставить через то ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, бог знает, за какое благополучие почел бы занять оставленное мною место. Но путь у меня другой, дорога прямее, и в душе более силы итти твердым шагом. Я мог бы остаться теперь без места, если бы не показал уже несколько себя. Государиня приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц. [Далее начато: занят я теперь] Впрочем вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода в том, что я теперь немного больше известен, что лекции мои мало по малу заставляют говорить обо мне, и главное, что имею гораздо более свободного времени: вместо мучительного сидения по целым утрам, вместо 42-х часов в неделю, я занимаю теперь 6, между тем как жалованье даже немного более [между тем ~ более вписано.]; вместо глупой, бестолковой

работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия. Осенью поступит ко мне Екатерининский институт и еще два заведения; тогда я буду занимать 20 часов и жалованья буду получать вчетверо более теперешнего. [Далее начато: Чины идут] Но между тем занятия мои, которые еще большую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке: для них теперь времени много.

Но я наскучил вам рассказами об себе. Человек, как, кажется, с виду ни исполнен самоотвержения, а всегда на деле эгоист, всегда охотнее заговаривается о себе самом... Всегда ли вы бываете здоровы? Ради бога, веселитесь побольше, это одно и самое верное лекарство против всех болезней. А мне кажется, в деревне, в домашнем кругу, столько можно найти удовольствий и веселости, каких не представит ни одна столица; нужно только уметь находить их. Труд, но только спокойный, полезный, без хлопот, суетливости и поспешности, всегда имеет неразлучную себе спутницу —

веселость. Я не знаю, как могут люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названия людей. Я теперь, более нежели когда-либо, тружусь, и более нежели когда-либо, весел. Спокойствие в моей груди величайшее... Но я опять заговорил о себе. Опасайтесь как можно более людей, которые набиваются [берутся] сами помогать в хозяйстве, особливо если они успели запятнать себя дурными поступками, мотовством и совершенным незнанием хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость. Если у вас есть кому заняться на досуге, я бы очень желал иметь план нынешнего двора нашего, конюшен. Как приеду, ничего [ничего этого] не узнаю: всё новое для меня. План этот можно сделать просто карандашом, не наблюдая слишком точной верности [никакой верности]; также теперешний фасад дома. Какова-то, думаю часто [часто сам про себя], комната для моего приезда? Вы ничего не сказали о внутреннем убранстве дома, достоинство которого должна быть наивозможнейшая простота и дешевизна. Наши помещики большею частию заражены все каким-то восточным великолепи-

ем: держут кучу прислужников, покупают продукты, которые весьма можно заменить домашними, и дивятся, что не удаются им прожекты и новые предприятия, когда они между тем не умеют даже завести порядка в своем дворе и доме, не умеют сделать так, чтобы расход не превышал прихода. Это всё равно, если бы кто, сложив на живую нитку кое-как фундамент, начал бы на оном выводить огромные стены здания и после стал бы сердиться, что оно валится. О, домоводство великое дело! Я бы непременно послал многих помещиков учиться в Петербург. Они бы увидели, как всем огромным двором и домом управляет один человек, и всё в величайшем порядке; как знатные люди знают совершенно всё, что делается в имениях их, издерживают менее многих незнатных и в кругу своего семейства гораздо более находят удовольствия, нежели в клубах и балах. Не удивительно, что богатства их возрастают беспрестанно. Более всего удивлялся я уму здешних знатных дам (лестным для меня дружеством некоторых мне удалось пользоваться [Дружеством некоторых из них я пользуюсь]). Они,

можно сказать, еще вдвое образованнее мужей своих. Никогда не думал я, чтобы [Далее начато: а. у женщин высо<ко стоящих?> б. у женщин све<тских>] женщина (исключение я прежде делал для одних вас только), чтобы женщина могла иметь столько самоотвержения, столько любви к своим детям, чтобы, отказываясь от всех посещений и даже зазывов во дворец, посвящать и проводить с ними всё время. И это здесь делает большая часть из них. Я часто думаю, что, если бы одна из них решилась на время приехать в Малороссию пожить, [Далее начато: все бы] она бы тотчас прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понял, какой драгоценный бриллиант переселился к ним. Нигде столько не скупы на знакомство, как здесь. Круг знакомых всегда бывает тесен; но зато знакомые все соединены между собою неразрывно, за то знакомые выбирают с величайшею разборчивостью, так чтобы ни один из них не был в тягость и каждый мог доставить приятное <и> полезное общество. Кстати о знакомых. Здоровы ли наши добрые соседи? Моя бесценная сестрица Мария, а также и сестрица Александра Фе-

доровна [Мои бесценные сестрицы Марья Васильевна и Александра Федоровна], мои красавицы Лиза и Анна? Кажется, я когда-то писал вам известить меня о делах Пет. Фед. Цуревского. Пошел ли его завод в прок? Я чрезвычайно любопытен знать состояние земляков наших, которых беспрестанные разорения имений чрезвычайно трогают меня. Часто на досуге раздумываю о средствах [раздумываю и выдумываю средства], какие могут найтись для того, чтобы вывести их на прямую дорогу, и если со временем удастся что-нибудь сделать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливейшим человеком...

Ваш верный и послушный [и послушный вписано.] сын Н. Гоголь.

Всем родным и знакомым поклон. Извините, что не присылаю книг теперь. При следующем письме надеюсь поправить этот пропуск. Сестрице Марии не пишу потому, [что должен бы был говорить о часто поминаемом ею в письме поляке, а они теперь люди подзрительные. Адрес мой <3–4 нрзб.> Институт

благородных девиц <нрзб.>].

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831 г. Петербург.>

То место еще не вакантное, как говорит Плетнев. Правда, инженер этот сначала отказывался по причине уменьшения ему жалованья, но после взялся снова. Впрочем, он ничего не знает про происшествие, случившееся с ним на днях; с своей же стороны рад всеми силами действовать в мою пользу. Но я не решился сегодня явиться по его совету к вашему генералу, потому что и неприятно и конфузно будет для меня, если объявит он мне о невозможности выполнить по этой причине моего желания. И потому я прошу тебя узнать, сколько можно пообстоятельнее, про это дело и если нельзя сегодня, то, по крайней мере, завтра уведомить меня.

Твой Гоголь.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
<1831 г.> <?> <Петербург.>

Заходи, пожалуйста, ко мне, когда выйдешь из дому; мне хочется поговорить с тобою об одном деле, а между прочим и о том, о чем ты намекнул мне вчера, что меня очень интересует.

Гоголь.

На обороте: Данилевскому от Гоголя.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
<1831 г.> <?> <Петербург.>

Зная, что ты охотник до институток, посылаю тебе билет на сегодняшний и на завтрашний день. Подъезд с Екатерининского канала, подле дома Шереметьева, с 10 часов. Для шинели лучше возьми Афанасия.

Гоголь.

На обороте: Александру Семеновичу — душечке бесстыднику. В доме Зверкова.

М. И. ГОГОЛЬ

28 апреля 1831. <Петербург>

Примите радушно нашего Александра Семёновича. Это вестник о моем прибытии на следующий год.

Ваш сын Н. Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
<1831> Мая 2-го <Петербург.>

Вышла моя правда: Арендт совершенно забыл и об тебе и о твоей болезни, несмотря на то, что я был у него на другой день после твоего отъезда; и когда я сказал несколько слов о болезни твоей, он советовал написать к тебе, чтобы ехал скорее на Кавказ и следовал в точности предписаниям тамошнего доктора, который даст тебе все предуготовительные к тому средства. Пилюли же не почитает он нужным теперь по благорастворенности малороссийского воздуха и потому что — время для них прошло. Я до сих пор сию еще на прежней квартире, и никакая новость и внезапность не потревожила мирной и однообразной моей жизни. Красенькой (эта вещь принадлежит тоже к внезапным явлениям) не показывался со дня отъезда твоего. С друзьями твоими, Беранжером и Блинецовым, случились несчастья. Первый долго скитался без приюта и уголка, изгнанный из ученого сообщества Смирдина неумолимым хозяином

дома, вздумавшим переделывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вести о Беранжере; наконец, на четвертый день увидели на окошках дому графини Ланской (где были звери) Хозрезов на белых лошадях, а бедный Близнецов сошел с ума. Вот что наши знания! На первый день мая по обыкновению шел снег, и даже твой Сом не показывался на улице. Моя книга вряд ли выйдет летом: наборщик пьет запоем. Ну, как то принимают воина, приехавшего отдыхать на лаврах?

Не забудь <рассказать> подробно и обстоятельно, не выключая ни Савы Кириловича, ни Катерины Григорьевны, ни Марины Федоровны! Я думаю нами обеими не слишком довольны дома — мною, что вместо министра сделался учителем, тобою, что из фельдмаршалов попал в юнкера. Счастливец, ты пьешь теперь весну! а у нас что-то сырое, что-то холодное, вроде осени. Упомяни хоть слова два про нее в письме своем, чтобы я мог [чтобы вспомнить<?> хоть за глаза] хоть за морями подышать ею. Прощай. Адресуй Никол<аю> Васи<льевичу> Гоголю в Институт Патрио-

тич<еского> общества благород<ных> де-
виц — потому что я еще не знаю, где будет
моя квартира.

Мое нелицемерное почтение Василию
Ивановичу и Татьяне Ивановне.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

<1831> 27 июня. Павловск

Ради бога, порадуйте меня, маминька, хоть строчкой вашей руки. Я в совершенном недоумении и не знаю, что это значит, что не получаю до сих пор от вас письма. Вы упрекаете меня ленью, а между тем теперь я могу напомнить вам о ней. Нынешние всеобщие несчастья заставляют меня дрожать за бесценное здоровье ваше. Известите меня скорее! Холера теперь почти повсеместна, и наш Петербург не избежал от ней. Слава богу, что она теперь не так опасна, и здешние доктора весьма многих вылечивают. — У нас в Павловске все спокойно, и я намерен не выезжать отсюда до тех пор, покаместь и в Петербурге не будет все спокойно.

Прощайте, бесценная маминька, не забывайте, ради бога, всегда вас любящего сына, для которого ничего не может быть в мире дороже вашего здоровья.

Н. Гоголь.

Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина,
в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию

Александру Сергеевичу Пушкину.

А вас прошу отдать Н. В. Гоголю.

М. И. ГОГОЛЬ

<1831> Июля 24. Павловск

Вчера только я получил известие из Петербурга, что ко мне лежит на почте ваше письмо с деньгами. Это меня очень обрадовало. Слава богу, нет по крайней мере никакого сомнения, что вы здоровы. Но я всё очень жалею, что мне скоро не удастся читать его. Что же касается денег, то меня терзает мысль, что накопление их стоило вам больших жертвований. В самом деле, как подумаю, где теперь вам взять их, в нынешние крутые времена, то я желал бы лучше не получать их. Впрочем это впредь, я думаю, и не случится. Теперь я обеспечен совершенно и не только не потребую от вас, но, может быть, современным соберу что-нибудь и для вас, а также и для сестры. В Петербурге холера, благодаря богу, прекращается. Там ее никто не боится; умирают очень, очень мало, и то собственною почти виною. Лечат ее необыкновенно хорошо. Выздоровевшие не могут нахвалиться нарочно устроенными для того больницами.

Впрочем я до тех пор не приеду в Петербург, покаместь она совершенно там не прекратится. Обыкновенный и самый действительный способ лечения ее в Петербурге состоит в том, что больному дают как можно побольше пить теплого молока, и чем оно теплее, тем лучше. [Далее начато: упо<требляют?>] Кроме того, многие вылечиваются, принимая белок яйца с прованским маслом. Над некоторыми же, особливо имеющими крепкое сложение и хороший желудок (следовательно это полезно для многих сурового сложения крестьян), оказывает [имеют] очень хорошее действие ложка воды с солью, сначала с самою горячею водою, потом постепенно теплее, теплее, наконец дается ложка соли с холодною водою; и с последним приемом больной совершенно выздоравливает. [Далее было: Впрочем первый способ есть лучший] Государь, как и всегда, оказывает обыкновенное свое присутствие духа и показывает наивеличайшую заботливость. Англичане, живущие в Петербурге, удивляют великодушием своим и заботливостью о больных.

Лето у нас чрезвычайно сухое, местами загораются леса даже. Впрочем сегодня [сегодняшнего дня] идет дождь, и я думаю, что весь август зато будет дождлив. Какое здесь лето! Нет и сравнения с вашим. Вот уже и осень. Зелень правда ярка, как никогда у нас весною; но зато воздух ничего не имеет в себе летнего. Уведомьте меня пожалуйста о Данилевском. Я до сих пор не имею никакого известия о нем, со времени отъезда его из Петербурга. Скажите ему, что я рассорюсь с ним на веки, если не получу от него письма... Желая вам всегдашнего здоровья и счастья, заклинаю не беспокоиться ни о чем и побольше веселиться, остаюсь вашим вечно признательным сыном

Николай Гоголь.

Сестрицу Марию целую и прошу быть всегда здоровою и побольше развлекать вас. Это же самое приказываю делать [делать вписано.] и сестрицам Ане, Лизе и Оле.

Всем родственникам и знакомым поклон.

Помните ли вы адрес? на имя Пушкина, в Царское Село.

А. С. ПУШКИНУ <1831> 16 августа. СПб

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас. Но вышло иначе. Я спохватился уже поздно. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставлена в мои руки. Я только-что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента. Он, получивши на имя мое деньги, и зная, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом. И вам теперь, и мне новое затруднение.

Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в Институт Патриотическ.<ого> общества на Васильевском острову.

Ваш Гоголь.

А. С. ПУШКИНУ

СПб. Августа 21. <1831>

Насилу теперь только управился я с своими делами и получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною, что я половиною? целыми тремя четвертями, нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петербурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны. И знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо. Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, очень до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе

черни. Кстати о черни, знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. В предисловии к новому своему роману: Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, он говорит, обращаясь к читателям: «Много, премного у меня романов в голове (его собственные слова), только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребяташки эти романы, так и прыгают из головы. Но нет, не пуцу до время; а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте! извольте! Ох вы, мои друзья сердечные! Народец православный!» Последнее обращение так и задевает за сердце русской народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александра Анф.<имовича> над Фадеем Бенедик.<товичем>. Другой приятель наш Бестужев-Рюмин здравствует и недавно еще сказал в своей газете: «Должно признаться, что Север.<ный> Меркурий бойче таки иных Литератур.<ных> Прибавлений». Как-то теперь должен беситься Воейков! а он, я думаю, воображал, что бойче Литер. Прибавлений нет ничего на свете. Еще о

черни. Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим: Петра Ивановича Выжигина и Сокол был бы сокол, да курица съела. Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: «Наконец, кажется [кажется вписано.], пришло то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом, и старые поборники франц.<узского> корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина), убралась к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преобразенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость,

та же буря сильных, непокорных [непреклонных] страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алекс. Анфим. можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более [более вписано.] философ, что Булгарин весь поэт». Тут не дурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта, натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить места (каких, само по себе разумеется, не бывало в романе). Не худо присовокуплять: «Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фа-

милию даже)?» всё это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное — нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделены на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга.

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение. Дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов, были наполнены водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя во 2 Адмиральте<йской> части, в Офицер<ской> улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме Брунста.

Прощайте. Да сохранит вас бог вместе с Надеждою Николавною от всего недоброго и пошлет здравие на веки. А также да будет его благословение и над Жуковским.

Ваш Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
С.П.б. Августа 21 <1831>

Уже около недели живу я в Петербурге. Слава богу, жив и здоров. О болезни совсем и не слышно. Все веселятся. Письмо ваше с деньгами я наконец получил; виноват, записку, а не письмо. Посылаю вам книжку; маминьке ридикуль; детям конфетов. Всего по капле, сколько мне было можно.

Книжка вам будет приятна, потому что в ней вы найдете мою статью, которую я писал, бывши еще в нежинской Гимназии. Как она попала сюда, я никак не могу понять. Издатели говорят, что они давно ее получили при письме от неизвестного и если бы прежде знали, что моя, то не поместили бы, не спросивши наперед меня, и потому я прошу вас не объявлять ее моею никому; сохраняйте ее для себя. Приятно похвастать чем-нибудь совершенным; но тем, что носит на себе печать младенческого несовершенства, не совсем приятно. — Она подписана четырьмя нулями:

0000. Прощайте, будьте здоровы! Целую вас и сестриц несколько сот раз и остаюсь вечно любящим вас сыном

Н. Гоголем.

Адресуйте мне: 2-й Адмиралт.<ейской> части в Офицерской улице в доме Брунста.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Спб. Сентяб. 10 <1831>

Насилу мог я управиться с своею книгою и теперь только получил экземпляры для отправления вам. Один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные [третий для Розетти, а остальные и в том числе один в футляре] тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга. Три дня я толкался беспрестанно из типографии в Цензур.<ный> комитет, из Цензур. комитета в типографию, и наконец теперь только перевел дух. Боже мой сколько бы экземпляров я бы отдал за то, чтобы увидеть вас хоть на минуту. Если бы, часто думаю себе, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти двадцать четыре версты от Петербурга до Цар. С.<ела> и с ними бы дал тягу на край света или какой-нибудь проголодавшийся медведь упрятал их вместо завтрака в свой медвежий

[медвежий вписано.] желудок. О, с каким бы я тогда восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов ваших, возлег у ног Вашего поэтического превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст ваших, приуготовленный самими богами из тмочисленного количества ведьм, чертей и всего любезного нашему сердцу. Но не такова досадная действительность или существенность; карантинны превратили эти 24 версты в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узнал на днях только? Что э... Но вы не поверите мне, назовете меня суевером. Что всему этому виною не кто другой, как враг честнаго креста церковей господних и всего огражденнаго святым знаменiem [святым крестом]. Это чорт надел на себя зеленый [зеленый вписано.] мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рога того чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменно-

му тротуару под высокими домами. Это была радостная минута. Она уже прошла. Это случилось 8-го августа. И к вечеру того же дня стало всё снова скучно, темно, как в доме опустелом:

*Окна мелом
Забелены; хозяйки нет,
А где? Бог весть, пропал и след.*

Осталось воспоминание и еще много кой чего, что достаточно усладит здешнее одиночество: это известие, что Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены [и стену], и купол, на славу векам, да поклоняются [да дивятся] потомки и да имеют место, где возносить умиленные молитвы свои. Как прекрасен удел ваш, Великие Зодчие! Какой рай готовите вы истинным християнам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников,

ренегатов и прочего сброду: они не понимают вас, и не умеют молиться. Когда-то приобрету я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часов, боюсь опоздать на почту. Прощайте! извините мою несвязную грамоту! не далось божественное писание в руки. Будьте здоровы, и да почиет над вами благословение божие, и да возбуждает оно вас чаще и чаще ударять в священные струны; а я, ваш верный богомолец, буду воссылать ему теплые за сие молитвы.

Вечно ваш неизменный

Гоголь.

Моя квартира в II Адм.<иралтейской> ч.<асти> в Офицерской улице, в доме Брунста.

М. И. и М. В. ГОГОЛЬ
СПб. 19 сентября <1831>

Поздравляю Вас, бесценная и несравненная маминька, с радостным днем вашего ангела, желаю вам провести его в полном удовольствии. — Очень жалею, что не могу прислать Вам хорошего подарка. Но вы и в безделице видите мою сыновнюю любовь к вам, и потому я прошу вас принять эту небольшую книжку. Она есть плод отдохновения и досужих часов от трудов моих. Она понравилась здесь всем, начиная от государини; надеюсь, что и вам также принесет она сколько нибудь удовольствия, и тогда я уже буду счастлив. Будьте здоровы и веселы и считайте все дни не иначе как именинами, в которые должны находиться всегда в веселом расположении духа.

Ваш неизменный сын

Н. Гоголь.

Поздравляю тебя, моя милая сестрица, с радостным для нас обоих днем и желаю тебе также быть здоровою и веселою. У меня есть к тебе просьба. Ты помнишь, милая, ты так хорошо было начала собирать малоросийские сказки и песни и к сожалению прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно. Еще прошу я здесь же маминьку, если попадутся где старинные костюмы малоросийские, собирать все для меня. Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги. Я помню очень хорошо, что один раз в церькве [в церькви] нашей мы все видели одну девушку в старинном платье. Она, верно, продаст его. Если встретите где-нибудь у мужика странную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы даже оно было изорванное — приобретайте! Также нынешний мужеский и женский костюм, только хороший и новый. Всё это складывайте в один сундук или чемодан, и при случае, когда встретится оказия, можете переслать ко мне. Но так как это не к спеху, то вам будет довольно време-

ни для собирания. А сказки, песни, происше-
ствия, можете посылать в письмах или
небольших [Далее начато: бум<ажных>] по-
сылках.

М. И. ГОГОЛЬ
1831 г. Октября 9. С.-
Петербург

Я, маминька, получил письмо ваше, писанное вами 28 августа ко мне в Павловск, и получил уже давно; но всё ожидал, не будете ли вы мне отвечать на которое-нибудь из писем, писанных мною из Петербурга, но, не дождавшись ни на одно ответа, пишу к вам, чтобы вы не укоряли меня снова не в аккуратности. Не лучше ли будет, если мы, перестав укорять неисправность почт и проч. и проч., заведем так, чтобы тотчас по получении письма писать ответ, не откладывая ни минуты ни для каких дел. Если недосуг, то хоть две строки. Меня очень опечалили ваши заботы и безденежье! но потерпим покуда: теперь уже мало остается терпеть нам. Я повторяю снова: не беспокойтесь ни о чем, не принимайте ничего слишком близко к сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы уже совершенно пристроили. Он вам больше уже ничего не будет стоить, а с

следующего года будете получать с него, может быть, и проценты. О Машиньке также не печальтесь, как-нибудь соберем приданое. Что же касается до маленьких сестриц, то оне, может быть, лучше получают воспитание, нежели мы. Если бы вы знали, моя бесценная маминька, какие здесь превосходные заведения для девиц, то вы бы, верно, радовались, что ваши дочери родились в нынешнее время. Не могу без жалости вспомнить про глупый Полтавский институт, где так бестолково и безрассудно воспитание девиц. Как далеки там и княгиня и ее набранные из всякой сволочи гувернантки от одной мысли о образовании настоящем и твердом неопытной девушки. Я не могу налюбоваться здешним порядком. Здесь воспитанницы получают сведения обо всем, что нужно для них, начиная от домашнего хозяйства до знания языков и опытного обращения в свете, и вовсе не выходят теми ветренными, легкомысленными девчонками, какими дарят другие институты, к числу которых можно причислить некоторые и здешние и даже Смольный монастырь. Два здешние института, Патриотический и Екате-

рининский, самые лучшие. И в них-то, будьте уверены, что мои маленькие сестрицы будут помещены. Я всегда хотя долго, но достигал своего намерения и твердо уверен, что, с помощью божиею, достигну и в этом.

Сделайте милость, составьте мне подробную записку нашего долга в казну: в каком году занято сколько, и когда уплочено, сколько остается и проч. Я до сих пор не имею об нем сведения настоящего. Директор Опекунского совета мне знаком, и мне, может быть, очень бы легко удалось склонить его к отсрочке. Но я не знаю, как приступить к этому, не зная даже году, в котором взяты деньги, не ведая ни имени, ни количества остающихся и взятых денег. А без этого трудно и отыскать это дело.

Будьте здоровы, меньше беспокойства, больше твердости и веселости, и предприятия наши будут успешны.

Ваш сын Гоголь.

Помните ли мой адрес: 2-й Адмиралтей-

ской части, в Офицерской улице, дом Брунста.

М. И. ГОГОЛЬ
<1831> Октября 17. С.-
Петербург

К большому моему удовольствию я получил письмо ваше, писанное вами от 30 сентября. Очень рад, что вам пришлись очень кстати посланные мною безделицы и сожалею только, что не в состоянии послать вам лучшего. Ничего теперь не сделаю, то сделаю после. Я упрям и всегда люблю настаивать на своем, хотя бы тысячи препятствий лезло мне в глаза.

Посылаю однако ж теперь то, что можно мне было послать: собственно для вас хозяйственный ридикуль и перчатки, а для сестры браслеты и пряжку. Я здоров, спокоен, не грущу ни о чем и желаю, чтоб вы находились в таком же состоянии. Напишите, какой цвет идет больше к лицу вам и сестре. Это не мешает знать на всякой случай, особливо когда случатся у меня лишние деньги. Также пришлите мне мерку с ног ваших: я знаю, что у

вас совсем нельзя достать хороших башмаков, они же притом так непрочны! но здешние вам станут верно надолго. Целуя вас и всех сестер моих, остаюсь вашим признательным сыном.

Гоголь.

Мой поклон всем родным и добрым знакомым.

М. И. ГОГОЛЬ
С.-Петербург, октября 30
<1831>

Письмо ваше, маминька, писанное вами от 9-го октября я получил. Рад, что понравилась вам книга. Смешно только мне, что вы бережете пряник. Воображаю, в каком искушении находятся мои сестрицы, когда вы отпираете комод. Сделайте милость, сделайте их соучастницами в наслаждении пряником не одними глазами. На память же этого, к стыду моему, редкого случая, вы можете держать заглавный листок, который вам так понравился.

Более всего я рад тому, что вы теперь несколько успокоились. Разве вы не видите теперь, что бог вас особенно любит за прекрасную вашу душу? Не всегда ли, когда вы уже думали, что находитесь в самом критическом положении, он неожиданно посылал вам помощь? Теперь он подвинул Андрея Андреевича помочь вам. На следующий год,

может быть, доставит мне это благополучие. Итак вы видите, что нам должно быть бодрыми, деятельными, вместе трудиться и веселиться.

Принесите Анне Матвеевне и от меня благодарность за ее прекрасный поступок с желанием прожить ей лет двадцать, и будьте сами здоровы.

Да что не пишут ко мне маленькие сестрицы? Неужели они до сих пор не умеют писать? Если же они будут писать ко мне, то сделайте милость, ни вы, ни сестра, не диктуйте им ничего. Пусть сами от себя пишут, что им вздумается. Чем больше будет у них вздору, тем это приятнее и любопытнее для меня. Нет ничего несноснее, когда дитя умничает или его заставляют умничать.

Ваш сын Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1831> Ноября 2. СПб

Вот оно как! Пятый месяц на Кавказе и может быть еще бы столько прошло до первой вести, если бы Купидо сердца не подогнало лозою. Впустили молодца на Кавказ. Ой лыхо закаблукам, достанетца й передам. Знаешь ли, сколько раз ты в письме своем просил меня не забыть прислать нот? Шесть раз: два раза сначала, два в середине, да два при конце. Ге, ге, ге! Дело далеко зашло. Я однако ж тот же час решился исполнить твою просьбу; для этого довольно бы тебе раз упомянуть. Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти [Росетти] требовали непременно, что<бы> я поименовал Великодушную Смертную, для которой так хлопочу. Как мне поименовать, когда я сам не знаю, кто она. Я сказал только, что средоточие любви моей согревает ледовитый Кавказ и бросает на меня лучи косвеннее северного солнца. Как бы то ни было, только забрал всё, что было лучшего

в здешних магазинах. Французские кадрили в большой моде здесь Титова. Однако ж, я посылаю тебе и Россини, несколько французск<их> романсов, русских новых песен, всего на тридцать рублей. Да что за вздор такой ты мелешь, что пришлешь мне деньги после. [Далее начато: как будто не знаешь, что я] К чему это? Я тебе и без того должен 65 рублей. Я думал было и на остальные набрать тебе всякой всячины, конфект и прочего, да раздумал: может быть тебе что нужнее будет. Ты, пожалуста, без церемоний напиши, что прислать тебе на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. В здешних магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и всё совершенное объедение.

Порося мое давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь я думаю, Василий Иванович, совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем, его почитывают. Однако ж, на всякой случай, посылаю тебе еще один. Оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань. В Сорочинцы я тебе отправил и Ольде-

копов словарь. Письмо твое я получил сегодня, то есть 2 ноября (писанное тобою 18 октября). Пишу ответ сегодня же, а отправляю завтра. Кажется исправно, зато день хлопот. Это я для того тебе упоминаю, чтобы ты умел быть благодарным и писал в следующем письме подробнее. Напиши также, в который день ты получишь письмо мое вместе с сею посылкою. Мне любопытно знать, сколько времени оно будет по почте итти к тебе.

Ну, известное лицо города Пятигорска! более сказать мне тебе нечего. Ведь ты же сам меня торопишь скорее отправлять письмо.

Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совер-

шенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая. — У Жуковского [Далее начато: новые] тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут.

Ты мне обещал описать прибытие свое домой, прием, встречи и про<чее>и про<чее>, да мне кажется, что у тебя, на квартире и пера чиненого нет, только один карандаш в часы досуга подмахивает злодейское деревцо.

Прощай, будь здоров и любим, да не забывай твоего неизменного

Гоголя.

Хотя по назначенному тобою адресу можно было меня отыскать, но всё лучше и скорее будет, когда ты станешь употреблять сле-

дующий: 2 Адм<иралтейской> части в Офиц-
церскую улицу, в доме Брунста.

М. И. ГОГОЛЬ
С.-Петербург. 17 ноября
<1831>

Письмо ваше, пущенное вами от 28 октября, я получил 14-го сего месяца. Чувствительно благодарю вас, маминька, за ваше попечительное старание отыскивать для меня костюмы. Вы так уже и отведите нарочно для этого гардероба какой-нибудь просторный сундук, и всё, что ни попадетсЯ, складывайте туда. «На что ему», я думаю, поговаривает Домна Матвеевна, «весь этот скарб?» — «То-то он еще с измалу был затейник!» прибавляет Олимпиада Федоровна. «Они еще вместе с Симоном, как приезжали из Нежина, то выстреливали какой-то орган из дерева». Обо всем, что ни соберете вы, пришлете маленькую роспись, чтобы я знал, что такое именно у вас находится. Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей, от них бы верно можно было пощечиться многим. Но нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света,

у которых кроме чепцов да фракков ничего не увидишь, и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завести о старине. Очень досадно мне, что дедушке нанесена такая неприятность, но что ж делать? Я и тогда предвидел, что с этого дела не будет проку. Жалко мне было только смотреть на его заботы и беспокойства. Но теперь нужно успокоиться, почему знать? может быть, это и к лучшему. Кто может постигнуть вышние намерения? Не нужно поэтому и нам сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будет хорошая погода. Имеете ли вы известия об Андрее Андреевиче? как он управляется в своем имении? Пишет ли к вам Петр Петрович, каково он служит и где ныне находится? Зима у нас наступила и очень похожа на постоянную, несмотря на то, что испанский посланник, большой чудак и погодопредвещатель, уверяет, что такой непостоянной и мерзкой зимы, какова будет теперь, еще никогда не бывало. Прощайте же, будьте здоровы,

ваш верный сын Н.

А что же сестрицы? Они всё только целуют, а сами не пишут.

М. И. ГОГОЛЬ
<1831> Декабря 8. СПб

Я был несколько в недоумении, не получая от вас письма, как наконец причина объяснилась из вашего же письма, пущенного вами 17 ноября, в ответ на мое от 30 октября. Стало быть, вы не получали моего письма, писанного 13 октября, при котором следовала вам на девяносто рублей посылка с браслетами, пряжкой, кушаком и конфетами. Это наводит на меня новое недоумение. Вы никак не упускайте этого из виду; сделайте полтавскому почтмейстеру строгий допрос: где находится следуемая вам посылка, и почему он не дал вам знать тотчас по получении ее? Это дело такого рода, за которое сажают под суд. Вы, пожалуйста, не забывайте, маминька, уведомлять меня, если будете получать какую бы ни было от меня посылку, в каком виде вы ее получите, что такое именно вы в ней найдете; потому что, как кажется, везде не без плутней. А этого происшествия [этого дела] вы не оставляйте без внимания и хорошенько до-

просите почтмейстера.

Сделайте милость, не принимайте, как вы, так и сестра, моих слов о Степане Меркурьевиче в дурную сторону. Очень рад, что он не таков, как думал, и никогда бы я и не думал о нем ничего подобного, если бы сестра уведомила меня об нем обстоятельнее. Целую вашу ручку и очень жалею, если сестра не получила браслет и нечего ей будет надеть на праздник, а вы также ридикуля. Хотя всё это и вздор, и малость, но вы бы, верно, были этому рады, зная, что это от искреннего и благодарного сердца приносит ваш сын,

Н. Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

1 генварь, 1832. <Петербург.>

Подлинно много чудного в письме твоём. Я сам бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками и взглянуть на других таким же взором, исполненным сарказма, каким глядишь ты на мышей, выбегающих на середину твоей комнаты. Право, должно быть, что то не в шутку чрезвычайное засело Кавказской области в город Пятигорск. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая довольно в плохом положении. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно один только Кавказ освещает, а весь мир оставляет в тени, и каким образом ваша милость сделалась фокусом зажигательного стекла, то есть привлекла на себя все лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или иным чем, но сам посуди, если не прикрепить красавицу к земле, то черты ее будут слишком воздушны, неопределенно общи и потому бесхарактерны.

Посылаю тебе всё, что только можно было скоро достать: Северные Цветы и Альциону. Невский Альманах еще не вышел, да вряд ли в нем будет что-нибудь путнее. Галстухов черных не носят; вместо них употребляют синие. Я бы тебе охотно выслал его, но сижу теперь болен и не выхожу никуда. Духи же я думаю, сам ты знаешь, принадлежат к жидкостям, а жидкости на почте не принимают. — После постараюсь тебе и другое прислать [и это п<рислать>], теперь же не хочу задерживать письма. Притом же Северные Цветы, может быть, на первый раз приведут в забвение неисправность в прочем. Тут ты найдешь Языкова, так прелестным, как еще никогда, Пушкина чудную пиесу Моцарт и Салиери, в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство, картинного Делибаша, и всё, что ни есть его, — чудесно. Жуковского Змия. Сюда затесалась и Красенького Полночь.

Письма твоего, писанного из Лубен, в котором ты описываешь проезд свой домой, я, к величайшему сожалению, не получал. Про-

клятые почты! Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича, в котором он извещает меня, что книги, посланные мною тебе в Семереньки, он получил. Не излишним почитаю при сем привести его слова, сказанные в похвалу моей книги: «Если выдадите еще книгу в свет Вечера, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в Северной Пчеле очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно». Видишь, какой я хвастун. Читал ли ты новые Баллады Жуковского? Что за прелесть! Они вышли в двух частях вместе со старыми и стоят очень недорого: десять рублей. Что тебе сказать о наших? Они все, слава богу, здоровы, прозябают попрежнему, навещают каждую среду и воскресение меня, старика, и к удивлению, до сих пор еще ни один из них не имеет звезды и не директор департамента. Рассмешила меня до крайности твоя приписка или обещание в конце письма: «Может быть в следующую почту напишу к

тебе еще, а может быть нет». К чему такая благородная скромность и сомнение? К чему это может быть нет? Как будто удивительная твоя аккуратность мало известна. [Фраза вписана.] Писал бы к тебе еще, но болезнь моя мешает. Отлагаю до удобнейшего времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вместе завидую, что ты находишься в стране здравия.

Твой Гоголь.

Да вот молодец. Пишу 1-го генваря и забыл поздравить с новым годом. Желая тебе провести его в седьмом небе блаженства.

М. И. ГОГОЛЬ

Генваря 4. 1832. <Петербург.>

Непонятно! Опять письмо от вас и опять ни слова о посылке, посланной мною вам еще в октябре, ценою на девяносто рублей, с браслетами, пряжкой, перчатками, ридикулем, конфетами и письме, при котором она следовала. Ради бога, известите меня. Я бы теперь же послал кое-что сестре, но боюсь. Скажите мошеннику полтавскому почтмейстеру, что я на днях, видевшись с кн. Голицыным, жаловался ему о неисправности почт. [Далее было: он просил меня только дать записку, какого числа отправлена моя посылка]

Он заметил это Булгакову, директору почтового департамента; но я просил Булгакова, чтоб не требовал объяснения от полтавского почтмейстера до тех пор, покамест я не получу его от вас. Итак прошу вас, сделайте милость, не заставляйте меня долго ждать. Мне хочется непременно вывести на чистую воду это мошенничество.

Очень рад, что сестре открывается такая хорошая партия. Зная вашу предусмотрительность и благоразумие, я совершенно уверен в том, что вы делаете так, чтоб после не раскаиваться.

И признаюсь, хотя бы мне очень желалось знать звание жениха сестры, откуда он, отчего живет в наших местах, имя, по крайней мере фамилию; но так как вы почитаете за нужное не объявлять мне это, то я и не смею этого требовать, будучи твердо уверен, что, верно, вы имеете на то основательные причины. Я только молю бога, чтобы и вы, и сестра моя были совершенно счастливы.

Неизменно любящий ваш

сын Николай.

М. И. ГОГОЛЬ
Февраля 6-го 1832.
<Петербург.>

Ваше письмо от 19 января я получил. Очень жалею, что не дошло ко мне письмо ваше, писанное по получении вами посылки. В предотвращение подобных беспорядков впредь прошу вас адресовать мне просто Гоголю, потому что кончик моей фамилии я не знаю, где делся. Может быть, кто-нибудь поднял его на большой дороге и носит, как свою собственность. Как бы то ни было, только я нигде не известен здесь под именем Яновского, и почтальионы всегда почти затрудняются, отыскивая меня под этою вывескою.

Очень рад счастью моей сестры и вижу в вас настоящую мать, которую скоро будут приводить в пример везде, умевшую восторжествовать над мелочным честолюбием и сребролюбием, пренебречь ими для истинного счастья. Должно однако ж признаться, маминька, что у вас дети пренегодные. Напри-

мер, хотя бы и старшая ваша дочь: она готовится вам сделать самый неприятный комплимент, несноснее которого нет для женщины, еще далеко не достигшей возраста старух: что, ежели она, года через два, поздравит вас бабушкою? Вы известите меня, когда будет свадьба, да напишите без церемонии, какие именно вещи нужны. Что можно будет сделать и что по силам моим, я доставлю; чего же нельзя, то будьте уверены, что не стану для этого лишать себя необходимого. Дурно очень, что вы не написали, какой цвет к лицу вам и сестре, а также не прислали мерок с ножек ваших, и потому не погневайтесь, если в посылаемой при сем письме посылке всё будет не по вашему вкусу. Вы, сделайте милость, напишите мне обстоятельно: какие именно вещи вы получили и в надлежащей ли исправности. Затем, желая вам успехов во всем, остаюсь тот же ваш

сын Николай.

Старшей сестре скажите, что она напрасно думает, будто вы не так рады теперь, имея

прежде желание выдать ее за богатого. Богатство всегда в руках человека. Он всегда может нажать его. Нужны только труды. Но доброй души и прекрасных качеств человек никогда не наживет, если их не имеет. Маленькие сестрицы найдут в этой посылке и себе конфеты, только за это они должны не забывать писать. Да нельзя ли их как-нибудь заставить, чтобы в письме говорили они побольше о том, что делают дома и что с ними случается. Например, если бы Лиза сама описала происшествие с курицей, ведь это, верно, было бы не дурно.

Дайте один из кушаков Варваре Семеновне. Мне казалось, что сестре более всего шел розовый цвет, и потому я почти всего набрал розового. Впрочем, здесь теперь он самый употребительнейший.

М. И. ГОГОЛЬ
1832 г., февраля 26-го. С.-
Петербург

Я вас не узнаю, маминька! Вы, кажется, совершенно потеряли ту твердость души, которая всегда отличала вас прежде. Большая диковинка, что от меня месяц нет письма! Вспомните то время, когда я месяца по четыре не писал к вам. Право, я начинаю уже жалеть, что завел обыкновение писать к вам часто: теперь малейшая нерегулярность вас расстраивает. Но думаю, вы теперь уже успокоились, получивши письмо мое от 7-го, кажется, февраля вместе с посылкою. Хотя я полагал, что вы его гораздо раньше получите, но из письма вашего от 15 февраля вижу, что оно еще не дошло к вам. Еще слово о вашем письме: ради бога, не будьте так мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули в мое письмо, вы бы увидели, что это было сказано совершенно не в том смысле и вовсе не сурьезно о том, что вы имеете причину скрывать от меня. Мне, просто, было досадно на вашу забыв-

чивость, и, чтобы отметить вам и рассердить вас, я написал это.

Всё то, что вы вздумаете, вы можете смело делать, не давая мне вовсе о том знать, будучи твердо уверены, что мои мысли и мнения никогда не будут разногласны с вашими, или, в противном случае, вы совершенно меня не знаете. Любезная сестра моя не должна тоже иметь о мне никакого сомнения, всё то, что служит к ее счастью, меня радует; мне только хочется знать, скоро ли окончится это дело. Напишите, что знаете об Андрее Андреевиче, и отдайте поклон всем близким нашим.

Ваш сын Николай.

Очень жалею, что сестра Аничка пишет не своими словами. Этих оборотов и этих обыкновенных выражений, приличных взрослому, она никогда не может сделать от себя. Если же она точно писала сама (чего совершенно не может быть в натуре), то она будет жалкое создание. В письме ее правильность и ни

одного чувства, которое бы обличало прелесть детской души и что-то похожее на талант. В прежнем маленьком ее письме, которое она сама писала, одно только слово уже уверило меня в том, что она имеет талант большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра не заметили, верно. Пусть они пишут пустяки, весь вздор, который говорят своей няне. Чем, повидимому, будет глупее письмо, тем лучше: тут будут видны они совершенно.

М. И. ГОГОЛЬ

1832 г. Марта 10. С. Петербург

Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопчете о Багрееве. Я верю, что он хороший человек и достоин всякого уважения; но, несмотря на то, не поеду к нему ни с сего, ни с другого в дом. Вы очень мало знаете приличия, маминька, или, лучше сказать, вы, может быть, и знаете приличия, но не знаете моих отношений в свете. Странно! Вдруг бы я приехал к нему потому, что вы были один раз у него и были приняты хорошо. Другое дело, если я встречу с ним у Кочубея, или где-нибудь в другом обществе, я не премину с ним познакомиться и тогда пожалуй, как к человеку знакомому, я могу к нему приехать, но не потому, чтобы он мог быть для меня чем-нибудь полезным, а потому, что он доставил вам несколько, как вы говорите, приятных минут своею любезностью. Касательно же состояния его быть мне полезным, скажу вам вот что. Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которо-

го всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом. Путь я имею гораздо прямее и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы мог мне сделать человек. Добра я желаю от бога, и именно — быть всегда здоровым и видеть вас всегда здоровыми. Верьте моему слову, маминька, что всё, кроме этого, гниль и суета; однако я всё-таки благодарю вас за желание, чтобы я познакомился с Багреевым, особенно если он хороший человек. Зеленецкую вы можете успокоить насчет ее опасения: она слышала, что звонят, только не знает, на которой колокольне. В Патриотический институт благородных девиц, в котором я служу [В копии ЛБ очевидная описка: в котором я не служу], не принимают ни из купцов, ни из мещан. Уже самое его название показывает это. Не мешает вам знать, что Патриотическое общество из дам под председательством государыни нынешней основало несколько заведений в пользу бедных, в том числе несколько школ, где учат только рукоделию и русскому языку, но меж ними благородных совершенно не бывает.

Кроме этих заведений, Патриотическое общество уже гораздо после завело институт для благородных девиц, состоящий теперь под непосредственным ведением государыни, в который пансионерки поступают часто из лучших фамилий, а казенные — дети раненых и убитых на войне. Стало быть, родственница Зеленецкой должна радоваться и посылать своих детей: они попадутся в хорошие руки, тем более, что прием давно уже начался.

Будьте здоровы, сытно едите, спите спокойно и не беспокойтесь ни о чем.

Ваш сын Николай.

Посылаю на помощь вашим приуготовлениям к сестриной свадьбе 500 рублей, не сердитесь, что так мало. Сколько мог собрать, столько и посылаю. Когда буду побогаче, тогда пришлю больше.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

СПб, 1832. Марта 10-го

Мне бы следовало просто на тебя рассердиться и начхать, как говаривал Ландражен, за твои эдакие пакости. Вот уже скоро три месяца, как от тебя ни двоеточия, ни точки. Даже не известил меня, получил ли в исправности посланные мною альманахи. Видно тебе теперь ничего не нужно из Петербурга, потому что ты тогда только писал ко мне, когда имел во мне надобность. Эй, не плюй в колодез, увидишь, если не доведется из него же после напиться! Может быть ты находишься уже в седьмом небе и оттого не пишешь. Чорт меня возьми, если я сам теперь не близко седьмого неба и с таким же сарказмом, как ты гляжу на славу и на всё, хотя моя владычица куды суровее твоей. Если б я был, как ты, военный человек, я бы с оружием в руках доказал бы тебе, что северная [северная вписано.] повелительница моего южного сердца томительнее и блистательнее твоей кавказской. Ни в небе, ни в земле, нигде ты

не встретишь, хотя порознь, тех неуловимо божественных черт и роскошных вдохновений, которые ensemble дышат и уместились в ее, боже, как гармоническом лице. Но довольно. Посылаю тебе вторую книжку Вечеров и наудачу Онегина. Может быть, у вас в глуши его еще не читали. В таком случае, ты обомлешь от радости и верно не найдешь слов, чем выразить мне свою благодарность.

Прощай, если тебе что нужно прислать, то пиши смело, хотя и не случится у тебя денег. Всё тебе будет выслано. Мы люди свои, после сочтемся.

Твой Гоголь.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

М. И. ГОГОЛЬ
<1832> Марта 25. С.-
Петербург

Письмо ваше от 7 марта я получил. Посылаю вам башмаки, какие только удалось сыскать на скорую руку. Ботинков на вашу ногу не было. Я заказал их — как будут готовы, то пришлю. [Далее начато: Очень рад, что вы затеваете свадьбу без всякого шума, я всегда был тех мыслей <?>] Ничего больше не в состоянии теперь прислать, потому что лишних денег совершенно теперь не имею, и потому пусть сестра возьмет немного терпенья; после надеюсь удовлетворить ее. Очень рад, что вы свадьбу затеваете без всякого шума. Я всегда был враг этих свадебных церемоний и собраний. Если бы я вздумал жениться, то жена моя по крайней мере две недели после свадьбы не показала бы ни к кому носа. Я даже полагаю, что, если мне не удастся достать ни полотна, ни платков батистовых, то обойтись и без них, тем более, когда вы в таком состоянии, что не можете уплатить казенных пода-

тей, не только долгов. Жених, как видно из писем ваших, не глуп и, верно, не погонится за этим вздором. Старушкам же вестовщицам и хлопотливым соседкам, любящим потолковать о свадьбах, можете сказать, что у невесты не одна, а двенадцать дюжин платков и столько же батистовых рубашек и тому подобное. Я говорю это потому, если вы боитесь, или вас слишком раздражают такие незначущие злоречья. Еще меня удивило очень, что вы пишете в письме вашем, что побожились заплатить Андрею Андреевичу, отдать в этом году долг. Я вас не узнаю, маминька. Как вы можете в том божиться и давать честное слово, когда не имеете никакой возможности его исполнить? На что вы полагались? Разве вы не знаете, что вам имение ваше, хотя бы и не случилось скотского падежа, не в состоянии бы и половины его уплатить? Но если бы было даже достаточно, разве вы позабыли о том, что приближается время платежа в казну процентов снова? Не может быть, чтобы вы позабыли обо всем этом тогда, когда давали свое слово.

Благодарю вас, очень благодарю за подарок ваш — дюжину чулок. И хотя я совсем не ношу нитяных чулок, но как драгоценность, как труды рук ваших, буду беречь у себя. Прошу однако же вас ничем не озабочиваться для меня: у меня совершенно всё есть, что мне нужно. Я не знаю, как уплатить вам хотя сотую долю старых долгов, а вы налагаете на меня беспрестанно [беспрестанно вписано.] новые. Право, маминька, вы великодушны до бесчеловечия.

Напишите мне, как расположены жить наши молодые: в Полтаве или в деревне, и что жених: намерен ли служить, или заниматься хозяйством, или тем и другим вместе? Напомните сестре о строгой бережливости и величайшем ограничении себя во всем. Она сама избрала такой удел для себя; стало быть, должна уметь покоряться [покоряться и терпеть] и во всем строго и умно ограничивать себя. Я точно располагал было приехать к вам нынешним летом, хотя на малое время, но увидел, что кроме издержек это предприятие ничего другого не поведет за собою, между

тем как мне, может быть, удастся вместо того сколько-нибудь сберечь для вас денег. Верьте, что я так же нетерпеливо и пламенно желал увидеться с вами, как и вы со мною. Но что делать? Плохо бы было на свете нам, если бы мы следовали одному только движению сердца, не призывая на совет рассудок. Будьте здоровы и спокойны.

Ваш сын Николай.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
СПб., марта 30. <1832>

Я ни мало не удивляюсь, что мое письмо шло так долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагоприятное для почты: разлитие рек, негодность дороги и проч. Я получил твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты наперед хорошенько размыслил всё, то верно не прислал бы мне теперь денег, верно бы вспомнил, что за две недели до праздника ни один портной не возьмется шить и потому в наказание ты будешь ждать три сверхсрочных недели своего сюртука, потому что спустя только неделю после праздника примутся шить его тебе. На требование же мое поставить тебе сукно по 25 р. аршин, Руч дал мне один обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит.

Теперь несколько слов о твоём письме. С какой ты стати начал говорить о шутках, которыми будто бы было наполнено мое пись-

мо? и что ты нашел бессмысленного в том, что я писал к тебе, что ты говоришь только о поэтической стороне, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что значит поэтическая сторона? Поэтическая сторона: «Она несравненная, единственная» и проч. Прозаическая: «Она Анна Андреевна такая-то». Поэтическая: «Она принадлежит мне, ее душа моя». Прозаическая: «Нет ли каких препятствий в том, чтоб она принадлежала мне не только душою, но и телом и всем, одним словом — ensemble?» Прекрасна, пламенна, томительна и ничем не изъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга — потому что первая только предуведомление к ней — спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днем открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обык-

новенными. Это художник, влюбленный в произведение великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нем новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидеть прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь — это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем более вглядываешься в нее, тем она более открывается, развертывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан. Видишь, как я прекрасно рассказываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию. Ты, я думаю, уже прочел Ивана Федоровича Шпонь-

ку. Он до брака удивительно как похож на стихи Языкова, между тем, как после брака делается совершенно поэзией Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что делается у нас, в этом водяном городе? Приехал Возвышенный с паном Платоном и Пеликаном. [Далее у Кулиша знак пропуска.] Вся эта труппа пробудет здесь до мая, а может быть и долее. Возвышенный всё тот же, трагедии его всё те же. Тасс его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья и вдобавок выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши. А сравненьями играет, как мячиками; небо, землю и ад потрясает, будто перышко. Довольно, что прежние: губы посинели у него цветом моря, или: тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи ничто против нынешних. Пушкина всё по-прежнему не любит. Борис Годунов ему не нравится. [Знак пропуска.]

Красенькой кланяется тебе. Он еще не ак-

тер, но скоро будет им и, может быть, тотчас после святой.

У вас, я думаю, уже весна давно. Напиши, с которого времени начинается у вас весна. Я давно уже не нюхал этого кушанья.

М. И. ГОГОЛЬ
<1832> 16 апреля. С.-
Петербург

Я получил ваши письма писанные вами в марте месяце. В одном из них вы упоминаете об ответе Андрея Андреевича. Вы, пожалуйста, не слишком озабочивайтесь его словами. Вы знаете, какой он чудак. Скорее к делу, да и концы в воду. Я очень одобряю на этот раз суеверие бабушек и желаю вместе с ними, чтобы этот брак, по всем предположениям самый счастливый, потому что оба любят, кажется, истинно друг друга, был заключен непременно в апреле. Жалею только, что не могу теперь ничего послать новобрачным кроме желания быть вечно довольными друг другом и вечно довольными своим состоянием. Это первое условие счастливого брака. Вы спрашиваете меня, появилась ли точно комета в Петербурге. Охота же вам заниматься ею! Мало ли подобной дряни является каждый год! По мне, хотя бы двадцать комет засветило вдруг [вдруг вписано.] и все звезды попри-

цепляли к себе длинные хвосты, придерживаясь старой моды, мне бы это не больше принесло радости, как прошлого году упавший снег. Впрочем, когда вы мне объявили, что есть комета, то я нарочно обсматривал по несколько часам небо, но никакой звезды, даже короткохвостой или куцой, не встретил. Кто-то, я воображаю, трудится в Полтаве над выдумкою всех этих вздоров? Я думаю, люди всё значительные: правитель губернаторской канцелярии, губернский стряпчий, прокурор. А Марья Васильевна Клименко, верно, развозит всё это, как запечатанные письма по провинциям. Да скажите мне настоящую истину: вы уверили меня, что Александра Федоровна Тимченкова вышла замуж за Нежинцева, между тем как я теперь слышу, что она не выходила совсем. Чему же верить?

Если ее увидите, то передайте мой поклон и скажите что ее старому другу всё интересно знать, что ни касается до ней и что если бы я не знал, что у нее все минуты заняты хозяйством и заботами, то просил бы неотступно ее вести корреспонденцию с ее докучным род-

ственным, который бы с большою жадностью перечитывал ее замечания и об Елисее Васильевиче и Николае Осиповиче и о прочем.

Какова у вас весна? Я думаю, уже давно на деревьях показались листья. Как вы счастливы, а мы вряд ли в половине мая дождемся их. Желаю вам от всей души весело провести ее. Что касается до сестры, то она верно проведет весело. Можно побиться об заклад, что веселее всех нас.

До следующего письма.

Ваш сын Николай.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ **<1832> 26 апреля. СПб**

Сей час только что принесли мне от Ручаствой модный сюртук. Мерка у него твоя была в сохранности, и он уверяет, что совершенно сделал по ней. Я замечу только то, что я слишком теперь стал тебя тонее. Теперь, если бы ты увидел меня, то бы, верно, не узнал, так я похудал. Твой сюртук на меня так широк, как халат. На Кавказе, я думаю, ты еще больше разжирел, а здешний проклятый климат убийствен. — Очень жалею, что не могу прислать, кроме жилета, ничего больше: денег у меня теперь совершенно нет, и я не знаю, станет ли на пересылку. Меня всё смешат твои обещания. К чему эти уверения, что будешь непременно ко мне писать через каждые две недели, как будто я не знаю тебя. Уже прошло около полтора месяца после того, а ты до сих пор ни строчки. Да вряд ли напишешь и впредь, куда какая-нибудь нужда не заставит. Однако же, я прошу тебя, извести меня, по крайней мере, в исправности ли ты

получил прежде посланные мною книги, а теперь посылаемый сюртук с жилетом, потому что я до тех пор не могу быть спокоен, пока не получу твоей расписки в исправном получении. Признаюсь я опасаясь оттого тебе посылать новых книг, которых вышло донныне немало, что не знаю, исправно ли ты их получаешь. Спешу отправлять и не имею больше времени.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
<1832> Апреля 27. СПб

Я получил ваше письмо, отправленное вами 3 апреля. Очень рад, что посланные мною деньги пришли вам кстати. Когда-то уменьшатся эти сборы и подати? за ними вы не в состоянии сделать себе необходимого. Хороший управитель точно теперь полезнее для вас всего, и я рад, если этот, который теперь представляется вам, действительно, имеет хоть одно из упомянутых вами качеств. Но хорошие управители такая редкость, какой почти невозможно отыскать. Иной бывает добр и имеет много совести, но зато мало понимает свое дело; другой знает свое дело, но зато плут. Дай бог, чтобы ваш не походил ни на того, ни на другого и чтобы вас совершенно избавил от беспокойств. — Очень сожалею, что не могу теперь отвечать на письмо (делающее мне много чести) Павла Осиповича. Причина этому недостаток времени. Это письмо я отправляю вам не по почте, но его получите вы от нашего доброго соседа

Алексея Васильевича. К следующей же почте я надеюсь еще писать. Прощайте! будьте здоровы со всеми домашними.

Ваш сын Николай.

Уведомьте меня о тетиньке Катерине Ивановне. Я таки немного сердит, маминька, на вас, за то, что вы никогда почти теперь не извещаете о ней. Вы знаете, что я ее очень люблю.

М. И. ГОГОЛЬ
СПб. 12 мая <1832>

Очень сожалею, что башмаки были велики. Было бы вам прислать назад, я бы переменял их. Посылаю теперь по две пары вам и сестре. Эти поменьше и должны быть вам в пору; а не то, так пришлите их назад вместе с старым башмаком, потому что по мерке трудно подобрать. Посылаю сестре платье; оно прочно и моется. Да пожалуйста не говорите мне, что я посылаю сверх сил и проч. Вы мне приписываете гораздо более великодушия, нежели я имею его в самом деле. Будьте уверены, что я не столько глуп, чтобы посылать вам тогда, когда сам нуждаюсь. Делать это — значит отнимать у себя возможность быть полезным вам впоследствии. И потому без церемонии! прошу писать ко мне обо всем, что вам нужно. Когда будут у меня лишние деньги, я вышлю; когда же нет, то подождете до другого случая. Нитяные чулки запрещены мне носить доктором. Здешний климат — не Малороссия. Но если вы мне хотите непре-

менно сделать подарок, то понемножку подготавливайте мне к зиме шерстяных чулок. Бумажных у меня довольно; шерстяных же крепких здесь трудно достать. Май у нас самый дрянной: дожди и снег беспрестанные, и я не решаюсь долго выезжать на дачу... Но покамест прощайте. Желая побольше вам веселья, поменьше забот, остаюсь

Ваш сын Николай.

Уведомите [Уведомьте] меня, сестра, придется ли тебе в пору платье. Я вместе с ним посылаю и твое старое.

М. И. ГОГОЛЬ

**9 июня 1832 г. [В копии ЛБ
описки: 1831 г.] С.-Петербург**

Письмо ваше от 9 мая я получил. Благодарю вас за то, что ели пирог на моих именинах и желали совокупно мне здоровья. Я сам бы очень рад был провести этот день с вами, тем более, что совершенно не помню, когда мы проводили его вместе. Да как кажется, то я весною никогда почти не бывал с вами. Это случилось большею частью или летом, или зимою, и потому я не могу даже сказать, что видел весну; здесь же ее не бывает совсем. В мае было тепло, но так тепло, как летом. Теперь же, то есть 9 июня, так холодно, как в октябре. Что вам сказать более? Новостей нет никаких, выключая разве той, что я в будущем месяце, может быть, увижусь с вами, разумеется, если ничто не помешает; впрочем не советую вам слишком предаваться надежде: очень может случиться, что я вас и обману.

Письма до времени приостановитесь ко мне писать, потому что я живу теперь на даче и доставлять мне очень трудно. В следующем письме я вам пришлю свой адрес, когда узнаю наверно, что мне, против чаяния, не доведется свидеться с вами. Впрочем, как бы то ни было, но ваше предчувствие удивительный пророк. Прощайте, несравненная маминька! будьте здоровы вместе с моими сестрами и со всеми нашими родственниками.

Ваш Николай.

Н. М. ЛОНГИНОВУ
9-го июня 1832 г.
<Петербург.>

Милостивый государь Николай Михайлович.

Будучи в необходимости ехать по домашним обстоятельствам в имение мое, находящееся в Полтавской губернии Миргородского повета, покорнейше прошу ваше превосходительство приказать снабдить меня надлежащим отпуском на каникулярное время.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

1832, СПб., июня 15

Опять не могу дождаться от тебя письма или хотя бы даже короткого извещения о получении сюртука и прочего. Верно, тебя скука никогда не посещает, ибо только в таком расположении обыкновенно приходит охота писать. Счастлив ты в прелестных... Ты Сенпри в карикатурах. Желалось бы мне поглядеть на тебя. Да нельзя ли это сделать таким образом, чтобы мы выехали один другому навстречу. Сборное место положить хотя в Толстом или в Васильевке. Наши нежинцы почти все потянулись на это лето в Малороссию, даже Красненькой уехал, а в июле месяце, если бы тебе вздумалось заглянуть в Малороссию, то застал бы и меня, лениво возвращающегося с поля от косарей, или беззаботно лежащего под широкою яблоней без сюртука, на ковре, возле ведра холодной воды со льдом и проч. Приезжай!..

Твой Гоголь.

Письма можешь адресовать мне в Полтаву, а оттуда в Васильевку.

М. И. ГОГОЛЬ

1832. Москва. 4 июля

Я очень дурно сделал, моя бесценная маминька, что решился выехать из Петербурга, да еще в то время, когда чувствовал себя не слишком здоровым. Зато и поплатился порядком, покаместъ доехал до Москвы. Как нарочно, погода была самая скверная, дожди проливные. Я ехал день и ночь, потому что товарищ мой, ехавший до Москвы вместе со мною, не имел времени останавливаться. Итак я в Москву приехал нездоровым, и хотя в течении нескольких дней почти всё прошло и я поправился, но здешние врачи советуют мне недельку обождать для совершенного поправления. Итак я теперь не уверен, буду ли у вас, или нет, потому что срок моего отпуска недалеко до окончания своего и мне нужно будет поспешать в Петербург; впрочем наверное я и сам не знаю. Может быть, получу еще отсрочку, и тогда всё-таки побываю у вас. Прощайте, будьте здоровы вместе со всеми нашими домашними. Жаль очень, что мне,

хотя я, может быть, и приеду, нельзя будет
есть никаких фруктов, а без этого и лето не
лето.

Ваш Николай.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
<1832> Июля 8. Уездн.
городок Подольск, 30 верст
от Москвы

Я думаю, ты уже слышал от Божка, что путь мой не слишком был благополучен. В Москве я заболел и остался, и пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За всё я был награжден. Теперь я выехал и ожидаюсь на первой уже станции лошадей. Дожидаюсь часов шесть, но и здесь видна providencia, и за это я должен благодарить судьбу. Может быть, семена падут не на каменистую и бесплодную землю. Послушай (об этом я хотел писать к тебе из Москвы, но не успел). Я еду прямо на Полтаву, следовательно, не увижу Нежина. Ты должен, я тебя заклиная всем (впрочем, ты сам же и слово даже дал), немедленно приехать с братом ко мне в деревню Васильевку, в простонародьи зовомую Яновщина. Что тебе делать в Нежине? Какие-нибудь любовные застарелые делишки? Но стыдно мужу, закаленному уже

опытом, прошедшему все мытарства, ребячиться таким неприличным образом. Приезжай, если тебе я сколько-нибудь дорог, потому что от твоего приезде здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведем самым эстетическим образом: спать будем в волю, есть тоже будем очень много, а главное, что варварский нос твой, лишенный всякого обоняния, прошибет запах настоящей деревни. Еще должен тебе сказать, что в этом же месяце прибудет, если уже не прибыл, Данилевский с Кавказа. Нет, ты будешь совершенный лошадиный помет, если всё это не подействует на твою вялую душу. Тогда можно будет решительно сказать, что весь мозг из головы твоей перешел в ту неблагогородную часть тела, которою мы имеем обыкновение садиться на стуле и даже на судне, а всё содержимое в этой непозволительной [Далее было: части] и мало употребляемой в разговоре части поднялось в голову. Вот тебе маршрут: из Нежина в Прилуки, из Прилук в Пирятин, из Пирятина в Лубны, из Лубен в Миргород, из Миргорода на село Устивицу в местечко Яреськи, а из Яресек всякой укажет тебе

дорогу на Каменецкий мост в деревню Васильевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебе следует исполнить.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ

<1832> Июля 8. Подольск, 1-я станция от Москвы

Вот что называется выполнять свои обещания: я обещал к вам писать по крайней мере из Тулы, а пишу из Подольска. Я ехал в самый дождь и самую гадкою дорогою и приехал в Подольск и переночевал и теперь свидетель прелестного утра. Ехать бы только нужно, но проклятое слово имеет обыкновение вырваться из уст зрителей: нет лошадей. Видно, судьба моя ехать всегда в дурную погоду. Впрочем совестливый зритель объявлял, что у него есть десяток своих лошадей, которых он, по доброте своей (его собственное выражение) готов дать за пятерные прогоны. Но я лучше решил сидеть за Ричардсоновой Кларисою в ожидании лошадей, потому что ежели на пути попадется мне еще десять таких благодетелей человеческого рода, то нечем будет доехать до пристанища. Впрочем присутствия духа у меня довольно: вот скоро уже 12 часов, а мне еще всё люли

[всё кажется люли] и нипочем. Не знаю, так ли будет после 12-ти. Ну, обнимаю вас еще раз. Может быть, вы не выехали еще в деревню. Эх как весело иметь деревню в 50 верстах! Почему бы правительству не поручить какому-нибудь искусному инженеру укоротить путь, чтобы из 800 верст хотя 700 выбросить, и то бы было хорошо, всё-таки меньше. Но это мечты, которые я себе позволил по § Цензурного устава. Прощайте, мой бесценный Михаил Петрович, брат по душе! Жму вашу руку. Может быть [Может быть вписано.], это пожатие дошло до вас прежде моего письма. Верно, вы чувствовали, что ваша рука кем-то была стиснута, хотя во сне: это жал ее ваш

Гоголь.

**М. П. ПОГОДИНУ
<1832> Июля 20. Д.
Васильевка**

Наконец я дотащился до гнезда своего, бесценный мой Михал Петрович, проклиная бесконечную дорогу и до сих пор не опамятавшись после проклятой езды. Верите ли, что теперь один вид проезжающего экипажа производит во мне дурноту. Что-то значит хилое здоровье! Приехавши в Полтаву (17 июля), я тотчас объездил докторов и удостоверился, что ни один цех [цех людей] не имеет меньше согласия и единогодушия, как этот. У каждого свои мнения и иные из них так вздорны, что удивляешься, как и откуда залезли в глупые их головы, и каждый стоит за свою глупую систему до зарезу. Так что мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому и попросить у него первый рецепт. Уверьте его, что с величайшею признательностью буду благодарить его, сколько позволит мне мое состояние, и по гроб буду помнить его помощь. Тепереш-

нее состояние моего здоровья совершенно таково, в каком он меня видел. Понос только прекратился, бывает даже запор; иногда мне кажется, будто чувствую небольшую боль в печенке и в спине, иногда болит голова, немного грудь. Вот все мои припадки. Дни начались здесь хорошие. Фруктов бездна, но я есть их боюсь (кстати, спросите о диэте). Остаток лета, кажется, будет чудо; но я, сам не знаю отчего, удивительно равнодушен ко всему. Всему этому, я думаю, причина болезненное мое состояние. Притом же приехал в имение совершенно расстроенное. Долгов множество невыплаченных. Пристают со всех сторон, а уплатить теперь совершенная невозможность. Я еще вас обременю просьбою. Если будете в городе, дайте знать книгопродавцам, авось-либо не купят 2-го издания Вечеров на хуторе. Много из здешних помещиков посылало в Москву и Петербург, нигде не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупый народ книгопродавцы! Неужели они не видят всеобщих требований? Отказываются от собственной прибыли! Я готов уступить за 3000 р. если не будут давать более. Ведь это

им приходится менее, нежели по три рубли за экземпляр, а они будут продавать по 15 р. итого 12 р. барыша на книжке. Пусть они вдруг продадут только 200 экземпляров то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдруг окупит издержки. Остальные 1000 экзempl. в течение года или двух, верно, разойдутся, особливо когда еще выйдет новое детище. Теперь я бы взял от них только 1500 р. потому что мне они очень нужны, а остальных я бы мог подождать месяца два или три.

Если бы я меньше вас узнал, я бы стал оговариваться, что мне совестно вас обременять беспрестанными просьбами и проч. и проч. Но я вас знаю и потому не говорю ничего. Я жажду только и дожидаюсь с нетерпением обнять вас лично. Знаете ли, что мне представляется (я большой в этом случае фантазер) будто вы вдруг неожиданно приезжаете ко мне в деревню. Я вас... и чем далее, тем невероятнее. Покаместь, я еще только отдыхаю. Впрочем родились у меня две крепкие мысли о нашей любимой науке, которыми вам когда-нибудь похвастаюсь. Прощайте,

Михаил Петрович. Целую вас пятьдесят раз. Прощайте до следующей почты. Нарочный едет с этим письмом в Полтаву и, верно, застанет там ваше, которого я жду нетерпеливо.

Помните ли адрес? В Полтаву, оттуда в д. Васильевку.

И. И. ДМИТРИЕВУ
<Ок. 20 июля 1832 г.
Васильевка.>

Милостивый государь Иван Иванович. Приехавши на место, я почел долгом писать к вам. Ваш ласковый прием и ваша доброта напечатлелись неизгладимо в моей памяти. Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе автору. С того времени мне показалось, что я подрост по крайней мере на вершок. Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что всё прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами. В дороге занимало меня одно только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее. Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, ко-

торые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы. Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его яркие и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всею виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость. Но я, думаю, уже наскучил вам статистикой здешнего края.

Так как вы были столько снисходительно добры, что изъявили желание знать об обстоятельствах того, который еще не видавши вас лично, питал к вам благоговейное уважение и привязался к вам всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, в лучшем состоянии, нежели в Москве. Совершенного же здоровья не надеюсь скоро дожждаться. Позвольте, по крайней мере, пожелать вам, чтобы еще в продолжение нескольких лет вы не знали совершенно никаких болезней, чтобы горе не смело переступить через порог ваш. А я, упрашивая вас не переменять драгоценного вашего расположения ко мне, остаюсь с совершенным почтением и вечною признательностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Николай Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
<1832> Сентября 2. Д.
Васильевка

Вашей доброте, верно, конца нет, бесценный Михал Петрович! В письме вашем столько готовностей на все пожертвования, что мне осталось удивляться только необыкновенному своему счастью. Благодарю Вас за Вас же. Сделайте милость, обо мне не беспокойтесь теперь. Через месяц я обниму вас в Москве, и тогда поговорим обстоятельнее обо всем. Так и решимся. Денег, покамест, мне не нужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше, хотя я чувствую слегка боль в груди и тяжесть в желудке, может быть, оттого, что никак не могу здесь соблюсть диеты. Проклятая, как нарочно, в этот год, плодовитость Украины соблазняет меня беспрестанно, и бедный мой желудок непрерывно занимается варением то груш, то яблок. Пилюль Дядьк.<овского> боюсь принимать (которые давно уже я получил из аптеки), потому что в рецепте, как вы пишете, была ошибка.

Прощайте, бесценный Михаил Петрович, до следующего раза. Более не успеваю писать: человек, через которого отправляю письмо, сей час едет в Полтаву и не может дожидаться.

Вечно ваш Гоголь.

С нетерпением жажду обнять вас. Тянет в Москву.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ
<1832> Сентября 9.
Васильевка

Два дни было бы вам только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы. Но вы так спешили расстаться с нами, как будто хотели убраться из чужой стороны. Лексиконы эти вы переплетите: французской особо, а русские две части соедините в один том так, как у меня. Доехали вы, верно, хорошо: погода как будто нарочно для вас, прелестная. У нас всё начало сентября было настоящее лето. В тени было 18 градусов теплоты. Я, как добрый пес, вылеживался на солнце. Душевно желаю вам поздороветь и поправиться в Одессе; а между тем советую вам, не оставлять вытираться хорошенько на ночь уксусом, особливо поясницу. Прощайте! обнимаю и целую вас несколько раз

вечно ваш.

Варваре Петровне, Павлу Петровичу и Ива-

ну Петровичу поручаю вам передать мой поклон.

Надеюсь, что вы не забудете написать мне, в каком теперь состоянии ваше здоровье. Письмо ваше еще может меня здесь застать, в Петербург же вы знаете, как мне адресовать.

Н. Гоголь.

При сем и я душевно вас всех обнимаю, милые братцы и сестрицы.

М. И. Гоголь.

И. И. ДМИТРИЕВУ
<23 сентября 1832.
Васильевка>

Милостивый государь Иван Иванович! Необыкновенно приятно изумило меня письмо ваше. Несколько раз я перечитывал драгоценные для меня строки. Я не ожидал его; я думал, что мой адрес вам неизвестен; но ваше заботливое внимание и участие тронули меня до слез. Благодарю вас за них: они оживили меня и подвинули на всё благое. Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки; и если со временем произведу что-нибудь достойное, то виновником этого будете вы. Ваше поздравление меня с небом Украйны и яркими лучами солнца пришлось очень кстати: весь август здесь был прелестен, начало сентября похоже на лето. Я в полном удовольствии. Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых преле-

стей. Еще месяц я проживу здесь, потом еду в Москву и лично принесу вам мою благодарность за ваше снисходительное внимание. А до того с совершенным почтением и вечною признательностию остаюсь вашего высокопревосходительства, милостивого государя, покорнейшим слугою

Н. Гоголь.

1832. сент. 23.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

<1832> 9-го октября [10-го октября]. Курск

Здоровы ли вы, бесценный Петр Александрович? Я всеминутно думаю об вас и рвуся скорее повеситься к вам на шею [а. скорее, скорее к вам б. скорее, скорее в]. Но судьба, как будто нарочно, поперечит мне на каждом шагу. В последнем письме моем, пущенном [Было начато: Из последнего письма моего, пущенного] 11 сентября, я писал вам о моем горе: что, поправившись немного в здоровьи своем, собрался было ехать совсем; но сестры мои, которых везу с собою в Патр.<иотический> инст.<итут>, заболели корью и я принужден был дожидаться, пока проклятая корь прошла. Наконец 29 сентября я выехал из дому и, не сделавши 100 верст, переломал так свой экипаж, что принужден был прожить целую неделю в Курске, в этом скучном и несносном Курске. Вы счастливы, Петр Александрович! вы не испытали, что значит даль-

няя дорога. Оборони вас и испытывать ее. А еще хуже браниться с этими бестиями стационарными зрителями, которые, если путешественник не генерал, а наш брат мастеровой, то всеми силами стараются делать более прижимок и берут с нас, бедняков, немилосердно штраф за оплеухи, которые [которых] навешает им генеральская рука. Но завтра, чуть свет, я подвигаюсь далее, и если даст бог, то к 20 октябрю буду в Петербурге. А до того времени, обнимая вас мысленно 1001 раз, остаюсь вечно ваш

Гоголь.

Вы не можете себе представить, как я страдаю жаждою вас видеть. Один только любовник, летящий на свиданье, может со мною сравниться.

М. И. ГОГОЛЬ
1832. Октября 10. <Станция
под Курском.>

Я пишу к вам из станции под Курском, нарочно для того, чтобы вы не соскучились, не получая долго от нас известия. Лиза, Анна и я, слава богу, здоровы, как нельзя лучше, и даже можно прибавить — веселы, несмотря на то, что экипаж наш беспрестанно ломается. Я очень желал дома, чтобы его осмотрел какой-нибудь сведущий каретник и указал бы именно, что нужно починить. Кузнеца нашего и винить нельзя. Он судил по своему толку. Впрочем я его теперь перечинил как следует, и мы, надеюсь, успешнее подвигаться будем к месту. Дети и не думают о доме. Я удивляюсь, как они так скоро могли забыть. Одна Анна иногда вспоминает, особливо когда иной раз долго придется дожидать лошадей. Время прекрасное! Осень чудная! Ехать лучше, нежели летом.

Прощайте, маминька! будьте здоровы!

Писать теперь некогда, прощайте до Моск-
вы.

Ваш сын Николай.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. 21 окт. <1832>

Вот уже четвертый день, как мы в Москве. Почти две недели мы тянулись к ней, за проклятым экипажем, беспрестанно ломавшимся. Здесь я перечинил его снова и кроме того приделал зонтик, потому что осень становится немного хуже и, может быть, под Петербургом застанут нас дожди. Все мы, слава богу, здоровы; я же чувствую себя, даже против моего собственного чаяния, гораздо здоровее прежнего и бодрее. Дай бог, чтобы Вы тоже были веселы.

Какой дорогою я выдумал прелестный узор для ковра! Я вам пришлю его из Петербурга. Москва так же радушно меня приняла, как и прежде, и умоляет усердно остаться здесь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому в воскресенье, 23, я думаю непременно выехать, а до того времени целуя ваши ручки, [Было начато: обнимая] остаюсь

ваш Н. Гоголь.

От души обнимаю сестру и Павла Ос<ипо-
вича> и кланяюсь всем домашним.

М. И. ГОГОЛЬ
<1832, ноябрь. Петербург.>

-- Скажите Катерине Ивановне, что мне часто приходят на ум ее песни, но я их не пою, потому что я мастер только подтягивать. А если бы запел соло, то мороз подрал бы по коже слушателей.

М. И. ГОГОЛЬ
<1832 г.> 22 ноября. С.-
Петербург

Я получил вчера ваше письмо вместе с метрическими выписками. Вы уже знаете из письма моего, пущенного вскоре по прибытии в Петербург, что мы все доехали благополучно, в надлежащем здравии. Дети покамест живут у меня, потому что в институте произошли небольшие переделки, и помещения совсем нет. На следующей недели я их отвезу. Насчет отягощения их учением не беспокойтесь. Они так мало успели, что будут помещены вместе с семилетними в преддуготовительное отделение, где почти ничем не будут заниматься, выключая первых начал. Постараюсь побывать на этой же недели в Опекунском совете.

Теперь у меня много дел, и потому я спешу скорее окончить мое письмо. Одно слово только прибавлю: не сомневайтесь в нашей привязанности к вам. [Далее начато: она вам

потому кажется] Она с моей стороны неограниченна, и если я вам казался иногда холоден, так это оттого что у меня много разных занятий, между тем как у вас одно только — это попечение о детях ваших. Верьте, что у всякого, кто бы имел такую редкую мать, как вы, благодарность, любовь и почтение были бы к вам вечны. И тот даже посторонний был бы [И тот бы был] низок и подл в высочайшей степени, который бы не оказал должного уважения добродетели.

Прощайте, бесценная маминька!

Вечно почтительный и любящий вас сын

Николай Гоголь.

P. S. Да, сделайте милость, выгоните вон Борисовича и чем скорее, тем лучше: он выучил моего Акима пьянствовать. Теперь всё мне открылось, когда они вместе, Яким с Яковом и Борисовичем, ходили за утками и пропадали три дня: это всё они пьянствовали и были так мертвецки пьяны, что их чужие лю-

ди перенесли. Я Акима больно [Не дописано.]

Благодарю тебя, милая сестрица, за твою приписку. Будь здорова, развязна, весела, и, пожалуста, поменьше хворай. Поблагодарил бы тебя и за песню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны. Целую тебя. Обними за меня Павла Осиповича.

Твой брат.

М. П. ПОГОДИНУ
СПб. Ноября 25 <1832>

Не сердитесь, Михал Петрович, умоляю, не сердитесь. Я так по приезде сюда завяз в хлопотах, что насилу теперь только отрезвился. А в нетрезвом состоянии мне было совестно показаться на глаза друзей. Представьте себе мое горе: я не могу приехать к вам так скоро, как бы мне хотелось. Патриотический институт, видно, пронюхал мое намерение. Вы знаете, что я вез туда своих сестер с тем, чтобы за них платить. Я знал, что комплект полон, что больше не могут принять; но надеялся, что для меня будет сделано снисхождение. Какой же бы, вы думали, я получил ответ? Что сестры мои принимаются, и плата за них не требуется, но чтобы я за то находился при институте неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить с себя пол-обузы и избавиться на первый случай от хлопот. Отдохнувши же, я очень хорошо знаю, как поступить, и до весны надеюсь быть у вас в Москве. Очень жалею, что не прежде, но нечего делать. Впро-

чем я покамест здоров и даже поправился. Следствие ли это советов Дядьковского, которыми он меня снабдил на дорогу и которому изъясните при случае мою признательность и благодарность, или здешнего моего врача-Равевского, который одобряет многое замеченное Дядьковским, только я чувствую себя лучше против прежнего. Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве. Прощайте. Напишите, чем вы теперь занимаетесь. И что у вас родилось в антракте от нашей разлуки до этого письма. Да снидет на вас благодать и да разрешитесь вы к новому году томом широким, увесистым, читая который, был бы

— сам как будто на земли,
А пред тобою небо открывалось.

Так как вы, без всякого сомнения, испугались бы, если бы моя рука вытянулась на 700 верст в длину и, пробившись сквозь капитальные стены вашего кабинета, любовно пожала бы вашу, то вместо того я посылаю вам

мысленно рукопожатие [пожатие] и братское объятие.

Вечно ваш Гоголь.

Поклон Киреевскому, Аксакову и всем нашим москвичам.

Напишите, сколько градусов тепла у вас в кабинете. У меня холодная квартира, и я теперь всякого, у кого в комнате 15 градусов тепла, почитаю счастливцем.

Да: квартира моя II-й Адм<иралтейской части>, в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

И. И. ДМИТРИЕВУ
<30 ноября 1832 г.
Петербург.>

Милостивый государь Иван Иванович. Я очень виноват перед вашим высокопревосходительством. Никаким образом не удалось мне быть у вас перед выездом моим в Петербург. Одна только уверенность, что вы, зная мою нелицемерную признательность и то глубокое уважение к вам, которое должно находиться в сердце каждого русского, меня извините, эта одна уверенность совершенно меня успокоивает. Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь, и хотя еще не успел побывать у кого бы следовало (чему причиною лень, вывезенная мною из Малороссии), однако ж виделся с Пушкиным. Газеты он не будет издавать, — и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком. Князь

Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена, помещенного в Север. Цветах на 1831. Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием Дом сумасшедших.

Вот все почти наши новости! Желая заглядить перед вами невольный проступок мой, я спешу скорее отправить письмо и потому не распространяюсь. Но в следующий раз (если только это не нанесет вам скуки) постараюсь уведомить и об моих занятиях, которые впрочем не значительны. С чувством всегдашней признательности и глубочайшего почтения остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга.

Н. Гоголь.

1832. СПб., 30 ноября.

Если на случай вам понадобится знать мой

Чердак, то вот его адрес: II-й Адм.<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

М. И. ГОГОЛЬ
1832 г. Декабря 3.
<Петербург.>

Я был в Опекунском совете. Вам нечего слишком беспокоиться: вам дано будет знать чрез Губернское правление, что Опекунский совет требует и напоминает вам о процентах, и тогда (ежели вы соберетесь внести) губернатор может о вас дать удостоверение, что вы, точно, по случаю неурожаю и проч. тому подобного, не имеете возможности и просите отсрочки, и вас оставят на время, вами положенное, в покое. Впрочем, до требования продлится наверное месяц еще, и потому вы, верно, успеете отправить заранее и тем избежите хлопот — ездить к губернатору просить свидетельства.

Посылаю вам узоры: моего изобретения здесь нет, потому что я его еще не кончил. Эти же узоры посылаю вам для тех ковров, о которых я вам говорил еще дома. Поле всё в клетках под тень так, как я вам оставил рису-

нок на стулья. По полю белые круги (3/4 аршина в диаметре). Они должны <быть> чаще и ближе один от другого, чтобы поля (хотя оно и клетчатое) видно было немного; в круге букет цветов, который при сем посылаю. Один букет ставьте на все круги. Это не будет однообразно; а ковер будет между тем чрезвычайно ярк. Кайму, какую хотите из двух, употребите: или гирлянды на палке по белому полю (только не по черному, как там начато), или другую, по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же ковер — ландшафт, который тоже посылаю, будет прелестен. Кайму к нему я пришлю вам скоро. Она необыкновенно широка и вся в цветах, так что для ландшафта остается небольшая середина ковра, и чрез это ковер очень выдет поразителен: ландшафт с рамкою кажется в отдалении.

Прощайте, бесценная маминька. Дочери ваши посылают вам конфект.

Любящий сын ваш Николай.

Да, квартира моя: Адмиралтейской части в

Новом переулке. Дом Демут-Малиновского,
близ Мойки.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

СПб. 1832, декабря 12

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сих пор не откликнулся к вам? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тот художник, малоросс в обоих смыслах, про которого я вам говорил и который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев и так гадко, что я посовестился вам посылать. О Русь, старая рыжая борода, когда ты поумнеешь? Однако ж жаль, что наши песни будут без виньетки; еще более жаль, если я вас задержал этим. Как же вы поживаете? Можно ли надеяться мне вашего приезда нынешней зимой сюда? А это было бы так хорошо, как нельзя лучше. Я до сих пор не перестал досадовать на судьбу, столкнувшую нас мельком на такое короткое время. Не досталось нам ни покалякать о том и о сем, ни помолчать, глядя друг на друга. Посылаю вам виршу, говоренную запорож-

цами, и расстаюсь с вами до следующего письма. Адрес мой: 2-й Адмир.<алтейской> части, в Новом переулке, в доме Демута-Ма-линовского, близ Мойки. [Далее было: Приезжайте]

Н. Гоголь.

Поклонитесь от меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклон также земляку, живущему с вами, и желаю ему успехов в трудах, так интересных для нас.

М. И. ГОГОЛЬ
<1832> 13 декабря СПб

Я получил письмо ваше от 23 ноября третьего дня. Очень рад, что вы здоровы. В письме вы извещаете, между прочим, что хотите продать одну землю, а людей оставить. Но выгодно ли это будет вам? Ведь вам нужно, маминька, денег и в приказ отдать, и в Опекунский совет, и еще несколько тысяч на предполагаемый вами кожевенный завод. — Точно ли притом вы уверены, что люди действительно добры? Ведь им самим верить нельзя. Этот народ лукав: это ничего не значит, что многие помнят вас с измалу. Они, пожалуй, будут падать в ноги, и при этом будут самые бестии. Но довольно об этом. Я уверен, что всё, что вы ни делаете, делаете, посоветовавшись наперед с собственным благоразумием, которое всегда вас выручало.

Об детях не беспокойтесь. Они уже в институте, [Далее начато: и здоровы] покамест ничего не делают, только привыкают. Не

знаю, как вас благодарить за гаман. Ожидаю с нетерпением скорее его увидеть.

Желая вам всегдашнего здоровья и во всем успеха остаюсь ваш сын.

Очень благодарен Катерине Ивановне за приписку. Обнимаю сестру мысленно, также и Олиньку.

Прилагаемое при сем письмо отправьте скорее Александру Сем<еновичу> Данилевскому.

Не позабудьте адрес мой: 2-й Адм<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1832> 13 декабря СПб

Стыдно тебе не написать ко мне ни строчки. Я от маминьки слышу, что ты уже не едешь в Петербург, а думаешь служить в Одессе. Если этому виною, как говорят, холод, который ты воображаешь найти в Петербурге, то уверяю тебя, что здесь теперь теплее, нежели у нас, в Малороссии. Вот уже ползимы, слава богу, а еще не было ни одного порядочного морозу. — Термометр постоянно показывает или 2 или один градус тепла. Ты всё меряешь Петербург по параду, на котором заставляли тебя мерзнуть несколько часов Звегинцов и Гудим. Но впрочем, если ты имеешь какие-нибудь выгоды особенные в Одессе служить, то против этого я ничего не смею тебе советовать. Как бы то ни было, в том или другом случае пиши ко мне и извещай подробнее обо всем. Я теперь так спешу, что не сообщая тебе ни о чем здешнем, не уверен будучи, застанет ли это письмо тебя дома. До того времени вот тебе мой адрес: 2-й Адми-

рал<тейской> части, в Новом переулке, в доме Демут-Малиновского. Это очень близко возле твоего гнезда, твоих воспоминаний — юнкерской школы.

Прощай, с нетерпением ожидаю от тебя известия.

Твой Гоголь.

На обороте: Его благородию Александру Семеновичу Данилевскому.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <1832> Декабрь 20-е. СПб

Наконец я получил-таки от тебя письмо. Я уже думал, что ты дал тягу в Одессу или в иное место. Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силился бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия и потому-то к спасенью моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желанья заглянуть в пропасть. Ты счастливец, тебе удел вкусить первое благо в свете — любовь. А я... но мы, кажется, своротили на байронизм. Да зачем ты нападаешь на Пушкина, что он прикидывался? Мне кажется, что Байрон скорее. Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с исступлением. Это что-то подозрительно. Сильная продолжительная любовь проста, как голубица, то есть

выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, она не выражает, но видно, что хочет что-то выразить, чего, однако ж, нельзя выразить и этим говорит сильнее всех пламенных красноречивых тирад. А в доказательство моей справедливости прочти те самые строки, которые ты велишь мне целовать. Жаль, что ты не едешь <в> Пбрг, но если ты находишь выгоду в Одессе, то, нечего делать, не забывай только писать. Жаль, нам дома так мало удалось пожить вместе. Мне всё кажется, что я тебя почти что не видел. — Скажу тебе, что Красненькой заходилась не на шутку жениться на какой-то актрисе с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского — я ее, впрочем, не видел — и доказывает очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочем, мне кажется, что этот задор успеет простыть покаместь. Здесь и драгун. Такой молодец с себя! с страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма. Братец, чтобы показать ему всё любопытное в городе, повел его на другой день в бордель; только он во всё время, когда тот потел за ширмами, прехлад-

нокровно читал книгу и вышел не прикоснувшись ни к чему, не сделав даже значительной мины брату, как будто из кондитерской. — Получивши от тебя письмо, я получил такую о тебе живую идею, что когда встретил близ Синего мосту шедшего подпрапорщика, то подумал про себя: Нужно зайти к нему. Его верно не пустили за невзноску денег в казну за чичеры <?> и поворотил к школе и уже спросил солдата на часах, был ли сегодня великий князь и не ожидают ли его, да после опомнился и пошел домой. Прощай! Где бы ни был ты, желаю, чтоб тебя посетил необыкновенный труд и прилежание такое, с каким ты готовился к школе, живя у Иохима. Это лекарство от всего, а, чтобы положить этому хорошее начало, пиши, как можно чаще, письма ко мне. Это средство очень действительно.

В. И. ГРИГОРОВИЧУ

<1 января 1833 г. Петербург.>

Милостивый государь

Василий Иванович.

От всей души и сердца поздравляю вас с новым годом и днем Вашего ангела и чрезмерно сожалею, что мое нездоровье не позволяет Вам этого сказать лично.

С нелицемерным почтением и преданностию> честь имею быть ваш покорнейший слуга

Николай Гоголь.

1833. Генварь 1.

На обороте: Его высококородию милостивому государю Василию Ивановичу Григоровичу.

М П. ПОГОДИНУ

1833-го, генваря 10

Меня изумляет ваше молчание. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю с негодованьем такую мысль. По всему мы должны быть соединены тесно друг с другом. Однородность занятий — заметьте, и у вас, и у меня. Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее — словом, всё меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути. Я к вам писал письмо одно и после другое, в которых изъяснял причины, почему я не еду скоро в Москву. Послал вам адрес, просил и молил вас не забыть своего двойника, но вы позабыли. Поздравляю вас с 1833-им и желаю, чтобы всё замышляемое вами осуществилось в этом году. А себе желаю, чтобы вы меня любили столько, сколько я вас.

Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и он не дал мне ответа на письмо

мое. Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих.

Бога ради, не забудьте меня и хотя строчкою отзовитесь!

Ваш Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1833. Генваря 10.
<Петербург.>

Очень изумляет меня ваше молчание. На три письма мои и одну посылку я не получаю до сих пор никакого ответа. Письмо ваше, адресованное ко мне в Патриот<ический> институт, уже два месяца как я получил, и это письмо от вас было последнее. Я вам и адрес свой послал. Сделайте милость, не вводите меня в недоумение таким долгим молчанием. Дети здоровы. У них в институте недавно был маскарад. Желая вам совершенного здоровья и поздравляя вас с Новым Годом,

остаюсь ваш сын Николай.

М. П. ПОГОДИНУ

1833 Февраль 1. СПб

Насилу дождался я письма вашего! Узнавши из него причину вашего молчания, уже не досаую на вас. Зависть только одолевает меня. Как! в такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тем как я сижу, как дурак, при постижимой лени мыслей. Это ужасно! Но поговорим о драме. Я нетерпелив прочесть ее. Тем более, что в Петре вашем драматическое искусство несравненно совершеннее, нежели в Марфе. Итак Борис, верно, еще ступенькою стал выше Петра. Если вы хотите непременно вынудить из меня примечание, то у меня только одно имеется. Ради бога, прибавьте боярам несколько глупой физиогномии. Это необходимо так даже, чтобы они непременно были смешны. Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! А доказательство в наше время. — Через это небольшой ум между ними уже будет резок. [Далее начато: И он не иначе как большим] Об нем

идут речи, как об разученной голове. Так бывает в государстве. А у вас, не прогневайтесь, иногда бояре умнее теперешних наших вельмож. Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит [ругает] Антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа во фраке. Не пожалейте красненькой, нарядите попа во фрак, за другую — обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам. Я это пробовал, и клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать. Благословенный вы избрали подвиг! Ваш род очень хорош. Ни у кого столько истины и истории в герое пиесы. Бориса я очень жажду прочесть. Как бы мне достать ваших Афоризмов? Меня очень обрадовало, что у вас их целая книга. Эх, зачем я не в Москве!

Журнальца, который ведут мои ученицы, я не посылаю, потому что они очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями, которые они присоединяют [прибавляют] иногда от себя из дрянных печатных книжонек, какие попадутся им в руки. Притом же я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом. Лучше обождите несколько времени: я вам пришлю, или привезу чисто свое, которое подготавливаю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием Земля и Люди. Из этого гораздо лучше вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках.

Да. Я только теперь прочел изданного Вами Беттигера. Это, точно, одна из удобнейших и лучших для нас история. Некоторые мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими, и потому тотчас выбросил их у себя. Это несколько глупо с моей стороны, потому что в истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно. — Но что делать,

проклятое желание быть оригинальным!

Я нахожу только в ней тот недостаток, что во многих местах не так развернуто и охарактеризовано время. Так Александрийский век слишком бледно и быстро [слабо] промелькнул у него. Греки, в эпоху национального образования величия, у него — звезда не больше других, а не солнце [звезда, а не солнце] древнего мира. Римляне, кажется, уже слишком много, внутренними и внешними разбоями, заняли места против других. Но это замечания собственно для нас, а для Руси, для преподавания, это са<мая> золотая книга.

Вы спрашиваете об Вечерах Диканских. Чорт с ними! Я не издаю их. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекуляционными оборотами. Я даже позабыл, что я творец этих Вечеров, и вы только напомнили мне об этом. Впрочем, Смирдин отпечатал полтора ста экземпляров 1-й части, потому что второй у него не покупали без первой. Я и

рад, что не больше. Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня.

Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! великое не выдумывается! Одним словом, умственный запор. Пожалейте обо мне и пожелайте мне! Пусть ваше слово будет действительнее клистира.

Видите ли, какой я сделался прозаист, и как гадко выражаюсь. Всё от бездействия.

Обнимая и целуя вас, остаюсь ваш

Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
Февраля 8, 1833. СПб

Я получил ваше письмо от 6 генваря. Очень жалею, что плут Лукашевич ввел вас в такие беспокойства и не платит денег. Если еще можно, то лучше возвратите ему его задаток; а я напечатаю в газетах объявление о продаже имения, и тут же у меня его купят. Здесь теперь много охотников покупать имения, и многие взяли свои деньги из ломбарда по поводу разнесшихся слухов, что один процент казна сбавляет. Досадно, если вам придется вести с ним тяжбу, потому что, мне кажется, очень сомнительно, чтобы он где достал 4000 руб. Посылаю вам моего изобретения еще один узор. Всё поле должно состоять из осьмиугольников, один голубой, другой оранжевый. В голубом, как видите, оранжевая розетка, а в оранжевом голубая. Между осьмиугольниками черные четырехугольники. Кайма: вьющаяся лента по белому полю. Ковер будет прелестен. Жаль очень, что гамана вы не достали, а теперь очень удобный случай

всё переслать ко мне, потому что Данилевский <едет> сюда. Приготовьте к отъезду его шапку смушевую с суконным верхом, шаровары и кунтуш, хотя тот самый, который тогда приносили ко мне. С нетерпением ожидаю сказок и присказок. Только вам самим не советую этим заниматься. Это несколько тягостная работа. Пусть лучше сестрица моя этим займется, призвавши на помощь Катерину Ивановну.

Дети, слава богу, здоровы и, кажется, никакого влияния не произвел над ними климат. Смотрение за ними как нельзя лучшее. Начальница их редкая женщина. При сем провождаю их письма к вам. Имеете ли вы какие-нибудь известия об Андрее Андр.<еевиче>? Мне сказывал Леонтьев (который только что уехал из Петербурга, по его просьбе к нему), что он бедняк очень запутал сам себя и теперь не знает, что делать. Что Косяровские, не пишут? Каково здоровье Анны Матвеевны?

Посылаю вам башмаки, две пары на вашу

ногу, а две на сестрину, и конф.<ект>.

Часто ли бывает у вас Ал. Данилевский? Каково вы провели масленицу? Уж верно не так, как здесь ее проводят. Теперь только Матрена с супругом возвратилась из балаганов и, крестясь от страха, рассказывает, как при ее глазах разрезали человека на несколько частей, даже кровь лилась, и он, как ни в чем не бывало, ожил и начал ходить, кривляться и паяцничать, как прежде; из маленькой девчонки вдруг сделалась огромная кухня с посудой, горшками и пр.

Сию минуту только мне принесли письмо ваше, в котором вы изъявляете сожаление о неполучении мною ваших. Письма ваши все мною получены; через магазин Смирдина скорее всех, но другое немного залежало. Очень благодарю вас за то, что приказали Антошке списывать сказки. Когда бы только он не умничал и не выбрасывал многого. Вы пишете, чтобы я об себе писал вам. Что же такое писать? Ну, я, слава богу, жив и здоров, чего и вам желаю. Когда проснусь, то одеваюсь; по-

том завтракаю; часа через четыре или пять обедаю; когда же наступит ночь то ложусь спать; и так каждый день проходит. Не делаю совершенно ничего; может быть, я из дому вывез с собою лень. И досадно, а ничего не хочется делать. Вообразите мою неприятность. Приготовился теперь же послать бритвы Павлу Осиповичу, и теперь же у меня их украли, как будто в наказание, что я позабыл сделать это раньше. Я хотел-было купить, но настоящих аглицких теперь и в Петербурге нет, привоз запрещен, мне же достались они по случаю.

Много свадеб! Поздравьте от меня Марью Алексеевну и скажите, что я ей от всей души желаю счастья в новом ее состоянии.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

1833, февраля 8. СПб

Я получил оба письма твои почти в одно время и изумился страшным переворотам в нашей стороне. Кто бы мог подумать, чтобы Соф.<ья> В.<асильевна> и М.<арья> Ал.<ексеевна> выйдут в одно время замуж, что мыши съедят живописный потолок Юрьева и что Голтвянские балки узрят на берегах своих черниговского форшмейстера? Насмешил ты меня Лангом! Чтоб его чорт побрал с его клистирами! Один Гаврюшка в барышах. Однако я от всей души рад, что Марья Алексеевна вышла замуж. Жаль только, что ты не написал за кого. Что ты ленишься или скучаешь? Мне уже кажется, что время то, когда мы были вместе в Василевке и в Толстом, чорт знает, как отдалилось, как будто ему минуло лет пять. Оно получило уже для меня прелесть воспоминания. Я вывез, однако ж, из дому, всю роскошь лени и ничего решительно не делаю. Ум в странном бездействии. Мысли так растеряны, что никак не могут собраться

В одно целое, и не один я, всё, кажется, дремлет. Литература не двигается: пара только вздорных альманахов вышло — Альциона и Комета Белы. Но в них может быть чайная ложка меду, и прочее всё деготь. Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню. Один только князь Одоевский деятельнее. На днях печатает он фантастические сцены под заглавием Пестрые сказки. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром. Читаешь ли ты Илиаду? Бедный Гнедич уже не существует. Как мухи мрут люди и поэты. Один Хвостов и Шишков на зло и посмеяние векам остаются тверды и переживают всех, <.....> свои исподние платья. Поздравляю тебя с новым земляком — приобретением нашей родине. Это Фадей Бенедиктович Булгарин. Вообрази себе, уже печатает малороссийский роман под названием Мазепа. Пришлось и нам терпеть! В альманaxe Комета Белы был помещен его отрывок под титулом Поход Палеевой вольницы, где

лица говорят даже малороссийским языком. Попотчивать ли тебя чем-нибудь из Языкова, чтобы закусить <...> конфектами. Но я похвастал, а ничего и не вспомню. Несколько строчек, однако ж, приведу:

.....
*Как вино вольнолюбива,
Как вино она игрива
И блистательно светла.
Как вино ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу полную тоской.
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой.
Сладки песни распевает
О былых веселых днях
И стихи мои читает
И блестит в моих очах.*

Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговаривает об этом. Баит, что ему не хотелось бы, но непременно должно. Не знаю, вряд ли тебе будет хорошо ехать теперь. Дорога, говорят, мерзкая. Снег то вдруг нападает, то вдруг исчезнет, но как бы

то ни было я очень рад, что ты это вздумал и хоть ты и пострадаешь в дороге, зато я выиграю, тебя прежде увидевши. А Тиссон как? Поедет ли он с тобою или нет? Мне Аким надоел (он состоит в должности поверенного Афанасия и ходит здесь по делам его), беспрестанно просит позволения итти к Тушинскому, который употребляет Фабиевские увертки к промедлению уплаты 15 руб. с копейками. Это ты можешь передать Афанасию. Ты меня ужасно как ошеломил известием, что у вас снег тает и пахнет весною. Что это такое весна? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабыл совершенно, видел ли ее когда-нибудь. Это должно быть что-то такое девственное, неизъяснимо упоительное, Элизиум. Счастливец! повторил я несколько раз, когда прочел твое письмо. Чего бы я не дал, чтобы встретить, обнять, поглотить в себя весну. Весну! как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (NB который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий) повторял, помнишь, — Поза, Поза, Поза. Кстати о Возвышенном: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было себе-

рет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда, или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты и не могу заметить никакого направления в нем. Зато приятель твой, Василий Игнатьевич, о котором ты заботишься, ни на волос не переменился с того времени, как ты его оставил. Та же ловкость, та же охота забегать по дороге к приятелям за две версты в сторону. Кажется, он чем далее делается легче на подъем, так что в глубокой старости улетит, я думаю, с телом в поднебесные страны, отчизну поэтов.

Прощай! Пиши, если успеешь. Видишь ли ты Федора Акимовича с новобрачною супругою или хотя мужественного Грыця? Да что Баранов в наших еще краях? Поклонись ему от меня, если увидишь и скажи ему, что я, именем политики, прошу его написать строк несколько. Что в Васильевке делается? Я ду-

маю Катерина Ивановна напела тебе уши
песнями про бойрендом, духтером. Свиде-
тельствуй мое почтение папиньке и маминь-
ке и поцелуй за меня ручки сестриц, Анны и
Варвары Семеновны.

М. П. ПОГОДИНУ
Февраль 20 <1833.
Петербург.>

Я получил письмо твое еще февраля 12-го и почти неделю промедлил ответом. Виновюсь, прости меня! Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем Земля и Люди. Но я не знаю отчего на меня нашла тоска... корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание [Начато было: и я перестал]. Как-то не так теперь работается! [трудится] Не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает перо [ленивое перо] бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист<ории>, уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромное объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один — друг. Но не могу, не в силах. Чорт по-

бери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется внаружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего. Я не писал тебе: я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написано на белой толстой тетради: Владимир 3-ей степени, и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит. А что из того, когда пьеса не будет играть? Драма живет только на сцене. Без нее она как душа без тела. Какой же мастер понесет на показ народу неконченное произведение? — Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже кварталный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости! Итак за комедию не могу приняться. Примусь за Историю — передо мною движется сцена [коме-

дия], шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и — история к чорту. — И вот почему я сижу при лени мыслей.

Беттиг.<ера> я не читал на немецком. Прочел в переводе. Имеется ли у него и Новая история? или только одна древняя? Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь. — Не будет ли еще чего-нибудь у вас историч.<еского>, переведенного университетскими. А что Европейская история?

Пушкин недавно говорил о тебе с государем насчет Петра и желания твоего трудиться вместе с ним. Государь наперед желал узнать о трудах твоих, и когда ему вычислили длинный ранг твоих изданий, то он тот же час изъявил согласие, и Пушкин говорит, что ты можешь, живя здесь или в Москве, издавать всё выкапываемое в Архивах и брать за это деньги. Как же велико будет твое жалованье, это ему еще неизвестно.

Крылова нигде не попал, чтобы напомнить ему за портрет. Этот блюдолиз, несмотря на то, что породю слон, летает как муха по обедам. Смирдину напоминал. [Далее начато: за] Читал ли ты Смирдинское Новоселье? Книжища ужасная; человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости, и вони, и всего. Я слышал, у вас в Москве альманах составляется и участвуют люди такие, которых статьи непременно будут значительны. Будешь ли там? Мне очень нравится Комета Галлея. Есть что-то чертовски утешительное в минуты некоторых мыслей...

У меня теперь голова страшно забита кучей хлопот вчера и сегодня, так что я... я думаю, пишу довольно бестолково и спешу отправить.

От всей души обнимая, остаюсь

Твой Гоголь.

Хотел было предложить два историч.<еские> вопроса, сильно меня занимавшие. Не разрешишь ли? — но после. Они требуют много бумаги. Видишь, я несмотря на всё всё-таки не могу совершенно освобод<иться> от Истории.

М. И. ГОГОЛЬ

1833 г. 23 марта. <Петербург.>

Письма ваши, одно почтою, другое чрез Данилевского, получил. Очень благодарен вам за присылку шапки, пояса и прочего. Жаль, что не застала вас во время просьба о кунтуше; но впрочем это можно исполнить при другом удобном случае. Может быть, Леонтьев будет в наших местах, и тогда можно будет чрез него. Рад очень, что вы немного успокоились насчет хозяйственных хлопот. Дети, слава богу, здоровы. Так как природных способностей у них немного, то я не нахожу, чтобы мне нужно было непременно упреждать их. Лучше пусть этот год они почти ничего не делают и остаются в том же классе еще на два года! Притом же зачем им выходить слишком молодыми? С 1-го февраля и до сих почти пор здесь стоит прекрасная зима. Как у вас? Я думаю, весна уже давно началась, по крайней мере в поле зеленеет. Я всегда очень сожалею, что мне никогда почти не доводилось встретить весну в нашем крае.

Может быть, на следующий год бог поможет исполниться этому моему желанию. Однако прощайте, желаю вам окончить пост и провести праздники весело. Впрочем до того времени, может быть, успею еще написать к вам.

Ваш сын Н.

М. И. ГОГОЛЬ
<5 апреля 1833. Петербург>

Поздравляю вас с праздником. Очень бы был рад, если б узнал, что вы провели его как нельзя лучше. Но так как мне еще ничего не известно про то, что происходило в продолжение их у вас, то остается пожелать, чтобы вы все дни грядущие были так веселы и спокойны, как добрые люди в праздник. Анет и Лиза поздравляют вас с праздником, хотя впрочем несколько поздно. Получили ли вы какое-нибудь сведение от отца Емельяна? пришлет ли он ноты? Очень бы меня обрадовал он, если бы прислал. Я думаю, что Ольга Д.<митриевна> позабыла отдать письмо ему. С 3-го дня праздников опять восстановилась здесь хорошая погода, но первый и второй день были дождливы. Целую сестру и Павла Осиповича, а также и Катерину Ивановну. Обнимаю Василя Ивановича и да снидет мир на дом наш!

Ваш Николай.

1833, апреля 5. С. Петербург.

М. И. ГОГОЛЬ
<Апрель 1833. Петербург.>

<Жаль?> что Омельян не присылает ноты, и, как видно из ваших слов, совершенно нет никакой надежды получить их. Нельзя ли каким-нибудь образом послать вам кого-нибудь в Кибенцы расторопного и хитрого человека. Не осталось ли сколько-нибудь их там. — Какой бы для меня был это подарок!

Прощайте до следующего письма. Будьте здоровы! Да пошлет вам бог успех во всем!

вечно признательный ваш сын

Николай.

Вы извещаете, что к вам приезжали Ларион Тро<щинский> с сестрами. Сделайте милость, не покажите им виду, что вам в тягость их посещение. — Не хорошо, если нами будут недовольны. Лучше поступать так, чтобы нас

все любили. Такими поступками можно даже исправить людей, в которых остается хотя немного добрых наклонностей.

Благодарю вас, тетинька Катерина Ивановна, за приписку вашу. А много ли вы собрали для меня песен, любопытен бы я знать? А часто ли вы распеваете их? — Глядите, припаяйте новых и не забывайте старых, особенно советую вам почаще протверживать Байрендом эппером. Не мешает также иногда напевать Прохалася Катруся. — Желая вам от всей души быть всегда здоровой, побольше веселиться и спать долго попрежнему, остаюсь вашим племянником

всегда любившим Вас.

Ник. Гог<оль>.

Получаете ли вы письма от моей кузины?

Дедушке и бабушкам Марии Илиничне и Агафии Матвеевне особенное свидетельствую почтение.

М. И. ГОГОЛЬ
<1833> Мая 2. С. Петербург

Жаль мне чрезвычайно, что вы так поздно получили письмо мое и долго беспокоились. Мы все в продолжение этого времени были здоровы как нельзя лучше. Жаль также мне очень, что вас слишком огорчило известие, что дети не имеют слишком больших способностей. Как будто я вам этого не говорил прежде! Что ж делать! Тем более им необходимо лучшее воспитание. Притом же, сколько есть на свете, куда ни повернись, девишек, которых ум до 14 лет в состоянии заниматься только куклами, а от 14 лет нарядами, впрочем они кажется будут добры. Лиза уже совсем перестала упрямиться. Анет тоже расположена учиться. Я совсем однако ж не писал вам, что они еще молоды для того, чтобы учиться в институте. Я напротив того писал, что они должны остаться на следующий год в этом классе, и не потому, что молоды летами (напротив, они старше всех в своем классе), но потому, что молоды умом и мало

приготовлены. От них в этот год ничего и требовать не будут, потому что им [им вписано.] невозможно узнать то в один год, что другие узнали в три года. Но в следующие шесть лет они пройдут весь курс и верно тогда ни в чем не будут отставать от других.

Теперь поговорим о ваших делах. Я очень рад, что вы хвалитесь хорошо выделкою кож. Но не много ли будет четырех тысяч, которыми вы жертвуете для него? Не лишите ли вы через это себя опять всего необходимого? Я нарочно здесь расспрашивал искусных фабрикантов в выделывании кож, с которыми именно для этого познакомился. Некоторые из них заводи́ли в Малороссии и жалуются особенным неуспехом, жалуются на то, что Москва всегда подрывает. Там выделываются кожи довольно дурно, и оттого чрезвычайно дешево; а народ мало смотрит на доброту, но более на дешевизну. Из Москвы же развозят их по всей России. Особенно не советуют делать из нее сапог, седел и других вещей, а лучше продавать ее тотчас по выделке, потому что эти вещи московской работы делаются

как попало, продаются так дешево, как грибы, и потому здешние фабриканты ни одной кожи, ниже сделанной из нее вещи, не отпускают в провинцию, а продают всё это здесь, потому что здесь только могут им выгодно заплатить. Главное, еще советуют смотреть в оба за фабрикантом, не отпускать его в дальние места, не взяв у него пашпорта, и не верить ему никогда слишком большой суммы. Насчет детей Егора Льво<вича> Лапп<ы>-Данилевского я еще не разведывал ничего, но постараюсь на днях узнать и тогда напишу к вам. Только сколько мне помнится, то в медико-хирургическую академию не принимают так молодых, впрочем я узнаю.

Целую сестру и очень благодарен ей за племянника. То-то, я думаю, она теперь нянчится с ним! Не знает, воображаю, куда деть его. Ему бедному, верно, достается! Обнимаю кума Пав.<ла> Осип. и от души поздравляю его.

Время здесь весь март было прекрасное, дни ясные и совершенно летние. На Невском

проспекте было 16 градусов тепла в тени. Это вдруг после зимы! Апрель, особенно начало его, было хуже немного. Зелень только что начинает показываться. Деревья еще без листьев.

Желаю вам поменьше забот, побольше спокойных и веселых минут. Мне, признаюсь, часто приходит на ум, что вы скучаете, задумываетесь, и оттого я иногда бываю целый день невесел.

Прощайте. Ваш

Николай Гоголь.

Целую Катерину Ивановну и кланяюсь всем домашним, Василию Ивановичу, Варваре Семеновне и проч.

М. П. ПОГОДИНУ
<1833> Мая 8. СПб

Теперь только что получил я твою записку через Краевского. Хорош комиссионер попался! В ней я прочел странный упрек, который я втайне было делал тебе. Странно: я писал к тебе письмо не так давно. Неужели ты не получал его! Еще страннее, что я не видел и не читал того письма, о котором пишешь, что я, верно, удивился, когда прочел его. Не приложу ума, какому сатаненку достались наши письма.

Ну, очень рад, что уже Самозванец пишется. Может быть, он и кончен! Когда-то мне достанется читать! Хотелось бы.

Я не иначе надеюсь отсюда вырваться, как только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе может сделаться, как по написании увесистой вещи. А начало к этому уже сделано. Не знаю, как пойдет дальше.

Скоро ли у вас выйдет хоть один том Европейской истории? Кстати, случилось ли когда-нибудь тебе слышать про Историю Римской импер<ии> и славянских народов? Это чудо, а не книга, типографическая редкость! 1503 года и вся в опечатках, а главное, что во введении [во введении вписано.] прежде всего говорится о истреблении вшей и привезенных в Германию индейских клопов. Издана в Оснабрике.

Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся [вся вписано.] жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман! Что делают наши москвичи? Что Максимович печатает точно Наума и песни, или только нас надувает? А Киреевский, неужели он до сих пор на ложе лени. Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?

Адресуй мне пока на имя Смирдина, потому что я думаю переменить на этой или на той неделе квартиру непременно.

Ты, кажется, желал иметь Вечера на хуторе. Теперь только я достал их и посылаю. Где будешь лето проводить, в городе или в деревне?

Нельзя ли напечатать скорее Афоризмы, у меня горло пересохло от жажды. С генваря месяца и до сих пор я не встретил нигде ни одной новой исторической истины. Набору слов пропасть, выражения усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь давно знакомая.

Прощай! Целую тебя несколько раз и да не отлучается от тебя вдохновенье и творческая сила!

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

С. Петербург. 1833, июня 8

Я получил почти вдруг три письма ваших. Из последнего я увидел, что вы находитесь в величайшем беспокойстве. Ради бога, не принимайте близко к сердцу всякую безделицу. Велика важность, что Кочубей мерял нашу землю! Пусть он хоть всю ее поместит у себя на плане! Мы можем поместить его Диканьку у себя на плане. Это всё вздор, когда [когда вписано.] он не имеет на нее никаких актов. Итак всё и кончено. Я думаю, что это измерение произошло просто из любопытства знать соседние земли. Может быть, он имеет намерение прикупить к себе что-нибудь, и потому измерил заранее для своей сметы. Жаль, что в Яворивщине живут у нас такие олухи, которым ни до чего нет нужды, у которых, если бы собственный язык их стали мерять аршинами, так они не спросили бы. За это я бы хорошенько высек их и держал бы вперед поаккуратнее там стражу. Если бы тогда какой-нибудь уполномоченный от вас, по-

ложим, Василий Иванович, подъехавши к князю, спросил его: «Помещица приказала мне узнать от ваш.<его> сия<тельство>, с каким намерением меряете вы принадлежащую ей землю?», то тогда же бы всякое сомнение и разрешилось.

Жаль мне, очень жаль, <что> около вас, как неугомонные мухи, вьются вечные заботы. Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику за то, что она прибавила вам новый вьюк хлопот. [Далее начато: зачем нам] Часто думал я, зачем нам новые заведения, и особенно теперь, когда еще имение не совсем устроилось. Будьте уверены, что дети ваши не жадны! Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги (если только они будут) мне всё кажется, что мы будем глядеть такими глазами, как Иуда на сребренники: за них проданы ваша тишина и, может быть, часть самой жизни, потому что заботы коротают век. Для меня удивительно одно в вашей фабрике: как фабрикант готов подрядиться на 10 000 пар сапогов и решается их сделать в один год? Кто за него бу-

дет работать, неужели невидимая сила? Вопрос: где он наберет работников (один человек в три дни может сделать только пару). Положим, он работников ученых наберет немного, остальных составит из неучей, но ведь их нужно же обучить. Для этого время! Когда же предположить, что они все знающие, то где наберется средства для содержания их, выдачи им жалованья? а чтобы сшить в год 10 000 сапогов, нужно работников не меньше, как 100 или 80 человек. Шутка ли? целая деревня!

Вы, кажется, говорили мне, что имеете намерение заложить те души, которые переведены из Лукашевки; в таком случае я бы советовал вам сделать это, скорее удовлетворить фабриканта, так чтобы он вас больше не беспокоил, и построек флигелей не производить в этот год. Отдохните немного. А там уже общими силами, на следующий год приеду я, и мы начнем...

Дети здоровы как нельзя лучше, подросли, даже похорошели. Только если вам угодно за-

ставить вашу старшую дочку писать к вам, то приказывайте и изъясняйтесь с нею сами. Я отложил всякие об этом с своей стороны попечения. Я ее просил, умолял, приказывал, — всё тщетно. «Что ж я буду писать? я не умею писать и об чем?» Вот весь ответ. Я нигде не видывал такого чувства мужицкого, деревенского, я не умею назвать его. Это не упрямство! По крайней мере не то упрямство, которое изобличает великий характер. Это что-то мелкое, закоснелое, дикое. Впрочем они учатся теперь хорошо и, взглянувши на них, нельзя теперь узнать, что они деревенщина, по крайней мере до тех пор, покаместь не заговоришь с ними. Впрочем всё проходит, всё изменяется с годами, и потому будем надеяться, что и это пройдет! Здесь при мне привозили почти таких же — и через год нельзя их было узнать.

Благодарю вас очень за кунтуш, но только комиссионер ваш чрезвычайно неисправен: он и не подумал явиться ко мне, живя здесь, как я узнал, почти месяц. И если бы Данилевский не послал к нему за письмами, которые

были к нему, то он и не догадался бы прислать, и то прислал уже к Данилевскому. Как справедлива пословица: с Хама не будет пана.

Прощайте! поклон мой бабушкам, дедушке и Катерине Ивановне. Желаю в пору дождя, солнца, да заставят они наши нивы обильно произвести хлеб.

Несколько раз целую ваши ручки

сын ваш Николай.

М. И. ГОГОЛЬ
Июня 24, СПб. 1833

Пишу к вам в самый жаркой день. Такая ли жара и у вас, как у нас? Термометр показывает 24 и даже 25 градусов в тени. Я очень редко теперь живу в городе, в котором душно, как в бане. Солнце тиранствует, а не греет.

Пользуясь тем [тем временем], что многие оставили город, я ищу теперь себе другую квартиру, потому что старая надоела мне до смерти. Она меня заморозила зимою так, что одно только лето, подобное нынешнему, отогрело меня. А потому я прошу вас до времени, покамест не изведу о новом адресе, писать письма или в Институт, или в магазин А. Смирдина. Уведомьте Лаппу-Данилевского, что прием в Медико-хирургическую школу не имеет большой трудности; только, если кто хочет поместить на казенный счет, должен подать просьбу заблаговременно еще к сроку. Вот и всё! Только его детям, кажется, еще очень рано. Они должны быть слишком моло-

ды; а здесь не принимают раньше шестнадцатилетнего возраста. Прилагаю вам письма Ан<ет> и Лизы. Анет была довольно умна почти весь этот месяц, только всё письмо написала к вам коротенькое.

Где теперь живет бабушка Агафия Матв.<еевна>? Прошу вас, маминька, передать ей поклон; также если будете у Анны Матвеевны, то и ей. Освободилась ли она от боли своей в ногах? Жаль мне очень, что у вас теперь груз забот. Летом особенно нужно вести жизнь как можно спокойнее. Чем бы я не пожертвовал, чтобы доставить вам такую жизнь, — но, к великому горю, до сих пор не в состоянии. Прощайте, несравненная моя маминька! Целую сестру, Павла Осип.<овича>, дедушку, Катер.<ину> Ивановну [Катер. Ивановну вписано.] и всех домашних.

Ваш сын Николай.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

СПб. июля 2 <1833>

Чувствительно благодарю вас, земляче, за Наума и Размышления, а также и за приложенное к ним письмо ваше. Всё я прочел с большим аппетитом, хотя и получил, к сожалению, поздно, потому что теперь только приехал из Петергофа, где прожил около месяца, и застал их у Смирдина лежавшими около месяца. Жаль мне очень, что вы хвораете. Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! Всё выкопаем. Если вы будете в Киеве, то отыщите экс-профессора Белоусова. Этот человек будет вам очень полезен во многом, и я желаю, чтоб вы с ним сошлись. Итак, вы поймаете еще в Малороссии осень. Благоухающую, славную осень, с своим свежим, неподдельным букетом. Счастливы вы. А я живу здесь

среди лета и не чувствую лета. Душно, а нет его. Совершенная баня; воздух хочет уничтожить, а не оживить. Не знаю, напишу ли я что-нибудь для вас! Я так теперь остыл, очерствел, сделался такою прозой, что не узнаю себя. Вот скоро будет год, как я ни строчки. Как ни принуждаю себя, нет да и только. Но, однако ж, для Денницы вашей употреблю все силы разбудить мозг свой и разворушить воображение. А до того, поручая вас деятельности [деятельности и здоровью], молю бога, да ниспошлет вам здоровье и силы, что лучше всего на этом грешном мире. Уведомите, пожалуйста, какую пользу принесет вам московский водопой и каким образом вы проводите на нем день свой. Я слышал, что Дядьковский отправился на Кавказ. Он еще не возвратился? Если возвратился, то что говорит о Кавказе, о употреблении вод, о степени их целительности, и в каких особенно болезнях? Из моих тщательных вопросов вы можете догадаться, что и мне пришло в думку потащиться на Кавказ, зане скудельный состав мой часто одолеваем недугом и крайне дряхлеет. Хотелось бы мне очень, вме-

сто пера, покалякать с вами языком, да этот год мне никак нельзя отлучиться из Петербурга. Итак, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будет подарком ваша строка.

Прощайте.

Ваш Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

Июля 4. <1833 г. Петербург.>

Я еще не получал от вас ни одного письма писанного вами в июне месяце. Приписывая это ничему другому, как только беспре-
станным заботам, я спокоен. Не знаю только, получили вы мои письма, тоже недавно мною писанные. Теперь я принялся за перо для того только, чтобы известить вас о пере-
мене моей квартиры. Когда будете писать, то адресуйте: В Малую Морскую, в доме Лепеня под № 97.

Будьте здоровы, бесценная маминька. Целую бессчетно ваши руки и да пошлет вам бог много хорошего.

Ваш сын Николай.

М. И. ГОГОЛЬ

1833 г. Августа 9 <Петербург.>

Письма ваши все я получил исправно, и даже адресованное на старую квартиру. Очень рад, что вы здоровы, а также и сестра с моим племянником. Более трех дней, как я нахожусь в городе. До сего же времени жил за городом в Стрельне и около Петергофа. Время было довольно дурно: весь июль месяц был дождлив, дни походили на осенние. Напишите, каков у вас был этот месяц, в какой степени велик неурожай и что стоит четверть хлеба. Сделайте милость, не приписывайте мне всякого вздору; я в первый раз слышу, и то от вас, что существует книга под названием Кулябка. Верьте, что если бы я что-нибудь выпустил свое, то верно бы прислал вам. Впрочем вряд ли будет что-нибудь у меня в этом или даже в следующем году. Пошлет ли всемогущий бог мне вдохновенье — не знаю. Не могу вам также сказать совершенно верно, буду ли я у вас будущею весною, или нет. Мое желание самое ревностное приехать, и я всеми си-

лами буду стараться это исполнить; но всё зависит от обстоятельств. Я позабыл название инструментов, употребляемых в кожевенном деле, а письма вашего, в котором вы писали о них, никак не отыскал, и потому не осведомлялся о них. Но если вы возьмете труд опять написать названия их, то я не премину уведомить. Прощайте! Желаю вам всегдашнего здоровья и успехов во всем. Целую руки ваши и остаюсь

ваш Николай.

Посылаю поклон мой Катерине Ивановне, Павлу Осиповичу и всем нашим.

М. И. ГОГОЛЬ
СПб. Авг. 30 <1833 г.
Стрельна>

Ия от вас что-то давно уже <не> получал письма, почтеннейшая маминька! Э, э, э! не завелся ли и за вами тот грешок, в котором я погряз [давно погряз] и телом и душою, то есть лень. Но я уверен, что вы никогда не были знакомы с этим грехом, или лучше добродетелью. Скорее можно подумать, что вас полюбили лиходейки-заботы и не дают вам ни покою, ни времени. Посмотрите, как расписалась наша Анна, какое она наплела к вам длинное письмо! Тут же найдете и Лизыно царпанье. Какое прекрасное время настало у нас в конце августа! дни ясные, солнечные, совершенно летние, а до того времени сделалась было настоящая осень. Я до сих пор еще не переехал в город, и хотя надписываю на письме к вам Петербург и выставляю виньетку старого Театра Большого, но, однако ж, всё живу еще в Стрельне. Я любопытен очень знать, каков у нас в Малороссии неурожай, в

какой цене хлеб, и проч. и проч. Я, кажется, писал <об> этом к вам в прошедшем письме, которое, не знаю, получили ли вы.

Здоровы ли все наши? Дедушка Иван Мат<веевич>, бабушка Мария Илин<ична>, Анна Матвеевна, Агафия Матвеевна и проч. Получаете ли какие-нибудь известия об Андрее Андреевиче, что он поделывает, бедный, в Кагорлыке? Пишут ли Косяровские? Кланяюсь всем, кому только вы можете передать поклон мой. Обнимаю сестру, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и маленького Николиньку.

Ваш сын Николай.

М. И. ГОГОЛЬ
<1833> Сентябрь 26.
<Петербург.>

Поздравляю вас, бесценная маминька, с наступающим днем ангела вашего. Молю бога, да пошлет он вам радость, здоровье и да избавит от неприятных забот и огорчений. Сестры посылают вам конфект и присоединяют свои молитвы к моим.

Мы все здоровы и веселы, и желаем здоровья и счастья всем нашим родным и знакомым, которым искренно кланяемся.

Вечно признательный сын ваш

Николай.

М. П. ПОГОДИНУ
Сентябрь 28 <1833.
Петербург.>

Очень благодарен тебе за то, что еще не позабыл меня. Я писал к тебе назад тому месяца два. И мне очень странно, что оно не дошло до тебя, тем более, что в нем не было ни о цензуре, ни о квартальных. Я однако ж извинял твое молчание женитьбою твоею зная, что тебе не до того. Кстати: если ты не получал моего поздравления, так позволь теперь поздравить. Я давно, еще тогда, замечал что у тебя в кабинете как-то пусто и чего-то недостает. Рекомендуй меня жене своей как человека, который, один только бог знает, как тебя любит. Я ее несколько знаю, потому что составил о ней идею: она должна быть также добра с такою светлою душою как ты. Ох братец! зачем ты спрашиваешь что я пишу, что я затеваю, что у меня написано? Знаешь ли ты, какой мне делаешь вопрос, и что мне твой вопрос? Ты похож на хирурга, который запускает адской свой щупал в пылающую рану и до-

ставляет больному самую приятную забаву: муку.

Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? — Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою. О не знай его! будь счастлив и не знай его — это одно и то же, это нераздельно. — Человек, в которого вселилось это ад-чувство, весь превращается в злость, он один составляет оппозицию против всего, он ужасно издевается над собственным бессилием. Боже, да будет всё это к добру! Произнеси и ты за меня такую молитву. Я знаю, ты любишь меня как люблю тебя я, и верно твоя душа почует мое горе. Извини меня перед Максимовичем, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нет, ничего совершенно для альманаха, исключая разве двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть. Мне жаль, очень жаль [Мне

будет досадно], что я не имею ничего дать ему. Еще более будет жаль, если он подумает, что я не хочу дать ему. — Где-то Смирдин выкопал одну повесть мою и то в чужих руках, писанную за Царя гороха. Я даже не глядел на нее, впрочем она не годится для альманаха на 1834-й год, я отдал ее ему.

Напиши мне как ты теперь проводишь день твой, что и каким образом происходит у тебя в доме. Это меня займет, я вообразу, что живу у тебя и вижу тебя. Кланяйся особенно Киреевскому, вспоминает ли он обо мне? Скажи ему, — что я очень часто об нем думаю и эти мысли мне почти так же приятны, как о тебе и о родине. Любезному земляку Максимовичу поклон.

Затем умоляя да будешь ты здоров и также вечно деятелен, целую тебя и остаюсь

Твой вечно Гоголь.

Адрес мой: в Малой Морской в доме под № 97 Лепена.

В. В. ТАРНОВСКОМУ
1833, октября 2-го. С.-
Петербург

Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное в апреле, я получил в октябре. Рудановский весною не нашел меня, в продолжении же лета не мог найти, потому что я лето и часть осени живу на даче, весьма не близко от города. Как бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я был очень сердит на тебя, что ты вдруг заглох и не дал никакой об себе вести. Потом сердце мое прошло. Я хотел писать к тебе, несмотря на два года антракта. Осведомлялся о твоём жительстве у дядюшки твоего, что с сладкою миною <и> у настоящего; но ни один из них не дал мне никакого удовлетворительного ответа. Дядюшка объявил, что совершил-де какой-то странный карьер и находится, несмотря на древность фамилии, учителем в Волынской, или Литовской или Гродненской губернии. Я, зная сам, что русское землеописание есть самая неблагопристой-

ная вещь, не утруждал его вопросом, что значит именно Волынская, и что Литовская, и что Гродненская и в которой из них должен обретаться ты и решился было писать к твоей маменьке в славную губернию Антоновку. Но Рудановский с письмом твоим весьма во время упредил меня. Итак, ты находишься в Житомире! Житомир! Клянусь Иисусом, если мне не во второй раз только приходится произносить это имя [произносить его]. Один раз, когда Моисеев спрашивал урок, а другой — ныне. Житомир! у тебя, должно быть много слушателей жидов. Тебе должно удовлетворить меня подробным описанием этого города в отношении к тебе, только чтоб это описание не пахло кафедрой! Как у тебя бежит день твой? Домосед ли ты, или гость? Какова твоя даже квартира и проч. и проч.? — О себе совершенно не имею ничего сказать: я давно не видался с тобою, должно думать, что всё так, как прежде, хотя ленив, нестерпимо ленив.

Наши одноклассники все, слава богу, здоровы. Прокопович Николай женился на моло-

денькой, едва только выпущенной актрисе. Прокопович Василий получил<.....>, Кукольник навалил дюжину дюжинных трагедий. Романович не добыл ума ни на копейку после того и часто, идя в должность из Литейной на Гагаринскую, забегает по дороге ко мне в Малую Морскую. Данилевский опять здесь, только служит не в военной, а в министерстве внутренних дел. Благопристойный, иначе Николай Бороздин, кланяется тебе (его костыль получил такую гибкость, что он отваживается с ним даже плясать мазурку). Кобеляцкий так же мастерски умеет плевать, как и прежде.

Прочие лица так же бесцветны, как и прежде. Не видал ли ты, или не слышал ли чего-нибудь о Лукашевиче; особенно о Высоцком, и что Редкин?

Прощай! Если ты мне напишешь поподробнее, то, может быть, и я распишусь.

Твой Гоголь.

Адрес мой: в Малой Морской, в доме под № 97, артиста Лепена; прямо Гоголю, Яновского не называть.

М. И. ГОГОЛЬ
1833 г. Октября 2. С.-
Петербург

Я получил письма ваши. Одно, в котором, вы уведомляете меня о смерти Анны Матвеевны, очень меня тронуло. О ней я не сожалею, потому что она была уже в довольно преклонных летах и после примерной жизни умерла оплакиваемая истинно привязанными к ней. Но я более сожалел о вас, что лишились этой почтенной женщины, которая всегда принимала в вас, а стало быть и в нас всех, самое жаркое участие. Мир ее праху. Она, верно, там счастлива.

Жаль мне, что вы останетесь заключены теперь в Васильевке. Прежде вы бывало ездили в Ярески. Вам нужно более проезживаться.

В другом письме вы сожалеете, что дети не учатся музыке. Не беспокойтесь об этом, моя бесценная маминька! Будьте уверены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить им всё

нужное. Все приятные искусства необходимые для девиц будут им внушены. Одно только меня смущает, это характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов, это всё из нее вывели. На нее не жалуются, ею бывают даже иногда довольны. Но это хуже, я бы хотел, чтобы она шалостями выводила всех из терпения, чтобы на нее жаловались, были ею недовольны; но чтобы она имела доброе сердце. У ней же — у ней нет никакого сердца ни доброго, ни злого; никаких признаков сильных чувств. Никого она не любит. Никакой сильной привязанности! Вид несчастья, печали [Вид несчастья и беды] ее не тронет; за пустую игрушку она забывает всё на свете.

Сделайте милость, моя бесценная маминька, не воспитывайте таким образом Олю, как воспиталась Лиза. Отдадите от нее девицью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть неотлучно при вас. Лучше нет для девицы воспитания, как в глазах матери, а особливо такой как вы. Пусть она спит в вашей комнате. Вечеру нельзя ли вам так завести,

чтобы [Ввечеру старайтесь быть] все вместе за одним столом: вы [вы вписано.], сестра, Павел Осип.<ович> и она, и каждый занимался бы своим. Давайте ей побольше занятий, пусть она занимается теми же делами, что и большие, давайте ей шить не лоскутки, а нужные домашние вещи. Поручите ей разливать чай. Ради бога не пренебрегайте этими мелочами. Знаете ли вы, как важны впечатления детских лет? то, что в детстве только хорошая привычка и склонность, превратится в зрелых годах в добродетель.

Внушите ей правила религии. Это фундамент всего. Если бы над Лизой имела власть религия [Далее начато: она бы], тогда с нею бы всё можно было сделать. Не учите ее какому-нибудь катехизису, который тарабарская грамота для дитяти. И это немного тоже делает добра, если она будет беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже всё непонятно: ни язык, ни обряды. Она привыкнет на это глядеть, как на комедию. Но вместо всего этого говорите, что бог всё видит, всё знает, [Далее начато: Представьте] что она ни

делает. Говорите ей поболее о будущей жизни, опишите всеми возможными и нравящимися для детей красками те радости и наслаждения, которые ожидают праведных, и какие ужасные, жестокие муки ждут грешных. Ради бога, говорите ей почаще об этом, при всяком ее поступке худом или хорошем. Вы увидите, какие благодетельные это произведет следствия. Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят всё прекрасное. Я испытал это [Я знаю это] на себе. Я очень хорошо помню, как меня воспитывали.

Детство мое доньше часто представляется мне. Вы употребляли всё усилие воспитать меня как можно лучше. Но, к несчастью, родители редко бывают хорошими воспитателями детей своих. Вы были тогда еще молоды, в первый раз имели детей; в первый раз имели с ними обращение, и так могли ли вы знать [Было начато: могли ли вы дать], как именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовал, я глядел на всё, как на вещи, созданные для

того, чтобы угождать мне. Никого особенно не любил, выключая только вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На всё я глядел бесстрастными глазами; я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревеня дьячков. Я крестился потому что видел, что все крестятся. Но один раз — я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о страшном суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли. — Но довольно о религии; обратимся теперь к науке жизни. Даже играть с своими игрушками она должна при вас в гостиной, или где вы будете сидеть. — Если приедут гости, заставляйте ее быть неотлучно при гостях. Пусть она говорит и вмешивается даже в общий разговор, если разговор по-

нятен для нее. Не то пусть она приносит свои игрушки, или занимается делом: шьет или работает [или работает вписано.] тут же при гостях. Это одно истребит ту дикость, которую получают дети, находясь в девичьей. — Этим одним она приобретет ту непринужденность, которая так мила и всегда восхищает нас. Этим одним она приобретет и заранее приучится приятно рассказывать и занимать других своими разговорами. Найдете ли вы хоть одну девицу в округности у нас, которая умела бы занять, с которой бы не было скучно. А сколько есть таких, которые не умеют совсем слова связать! А отчего? От этих девичей, от нерассудительности матерей, которые тогда только берут дочерей под свое покровительство и удаляют из девичей, когда они уже делаются совершеннолетними и берегут их, когда уже нечего беречь, когда глупости и предрассудки пустили слишком глубоко свои корни. — Я вижу яснее и лучше многое, нежели другие. В немногие годы я много узнал особенно по этой части, я исследовал человека от его колыбели до конца и от этого ничуть не счастливее. У меня болит сердце, когда я

вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о боге [о религии], и между тем не делают ничего. Хотел бы кажется помочь им, но редкие, редкие из них имеют светлый природный ум, чтобы увидеть истинну моих слов. Вы — другое дело, бесценейшая маминька, вы понимаете меня в этом отношении. Вы увидите истину моих слов, которые, может быть, даже сходны с собственными вашими и, верно, поступите по моему предложению. Тем более, что исполнить это нет ни малейшей трудности и нисколько не обременит вас, стóит только раз завести, а там всё пойдет так, как начато.

Вы спрашиваете у меня насчет ревизии. Сделайте милость, делайте так, <как> вы увидите нужным. Имение гораздо лучше, если будет всегда записываемо на одно ваше имя.

Жаль мне, чрезвычайно жаль что [На этом письмо обрывается.]

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1833> Ноября 9. СПб

Я получил ваше письмо, любезнейший земляк, чрез Смирдина. Я чертовски досажую на себя за то, что ничего не имею, чтобы при-слать вам в вашу Денницу. У меня есть сто разных начал и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха. Смирдин [Далее начато: где-то] из других уже рук достал одну мою старинную повесть, о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать своею; впрочем она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах. Не гневайтесь на меня, мой милый и от всей души и сердца любимый мною земляк. Я вам в другой раз непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Если б вы знали, какие со мною происходили страшные перевероты, как сильно растерзано всё внутри меня. Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что всё успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся. Теперь я принялся за исто-

рию нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен и собрании Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжною пылью, с жадностью жида, считающего червонцы. Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!

Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними прелести. Я вам их спишу. Не так скоро, потому что их очень много. Да, я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен. Вы не понимаете,

какая это мука. Я знаю, что есть столько песен, и вместе с тем не знаю. Это всё равно, если б кто перед женщиной сказал, что он знает секрет, и не объявил бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу в тетрадь in quarto на мой счет. Я не имею терпения дожидаться печатного; притом я тогда буду знать, какие присылать вам песни, чтобы у вас не было двух сходных дублетов. Вы не можете представить как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей... Велите сделать это скорее. Я вам за то пришлю находящиеся у меня, которых будет до двух сот, и что замечательно — что многие из них похожи совершенно на антики [есть совершенно как антики], на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые.

Прощайте, милый, дышущий прежним временем земляк, не забывайте меня, как я не забываю вас. [Далее начато: шлите мне [2

строки нрзб.]. К этому вычерку относится, очевидно, следующая фраза.]

Лучше вычеркнуть.

Пишите ко мне.

Вечно ваш Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1833 г. Ноября 22. С.-
Петербург

Во-первых, прежде всего я должен благодарить вас за посылку, сестру за песни, из которых особенно та, что: Що се братця як барятця, очень характерна и хороша. Но более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов. Жаль очень, что почтмейстер был так нагл, что распечатал письма, тогда как по новому, недавно вышедшему постановлению, посылка не должна вскрываться до тех пор, пока не дойдет до места. Мою посылку он имеет право вскрыть, но вашу только здесь в Петербурге должны распечатывать. И потому стороною предостерегите его; если он еще это сделает, то я буду

жаловаться директору Почтового департамента Булгакову, с которым я знаком.

Сапоги теплые хороши и недурно сделаны. Одно только дурно: где сыщете вы покупщиков? Вряд ли хорошие вещи найдут сбыт. Нужны хорошие, но самые грубые, в которых бы нуждался окружающий народ. Впрочем вы, я думаю, лучше это знаете.

Бобов я не советую вам присылать. Это будет только затруднение. За фунт вам нужно платить на почту весовых до 70-ти копеек. Между тем их этот год был урожай и здесь, и они продаются не дороже рубля за фунт. Песни я советую вам, если будете присылать, то давайте им вид тетради или книги. Для этого непременно нужно какую-нибудь пришить к ним обертку из цветной бумаги. Потому что чиновники, служащие в почтамтах, очень глупы и никак не могут отличить песень или другого чего-нибудь от деловой казенной бумаги. Также писем не кладите во внутрь посылки, чтобы не давать им поводу к привязкам. Если какие-нибудь попадутся вам старые

рукописи, вы тотчас велите им сделать обертку. Теперь, я думаю, у вас в вине большая нужда по случаю неурожая. Как бы я желал чем-нибудь помочь вам! Но теперь как на беду для меня весь этот год прошел совершенно без всякой пользы. Ничего я не мог приобрести. На следующий, если бог поможет, то я буду иметь кое-что и буду, может быть, так счастлив, что уменьшу хоть сколько-нибудь заботы ваши.

Вы очень хорошо делаете, что отдаете Олиньку в пансион. В теперешних обстоятельствах ничего лучше не можно сделать. Хорошо также, что вы не даете с нею девки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите и мадаме, чтобы она держала ее при себе, или с другими детьми, но чтобы отнюдь не обращалась она с девками. Больше всего заставляйте заниматься ее рукоделием и практикою языков, музыки, особенно танцами: это укрепляет члены.

Прощайте, бесценная маминька! Желаю вам удач и успехов и молю бога скорее вам

дать возможность наживать.

Ваш сын Николай.

Обнимаю и целую всех: сестру, Катерину Ивановну, дедушку, бабушек.

М. И. ГОГОЛЬ

Декабря 20. СПб. 1833

Поздравляю вас с наступающими праздниками и желаю вам провести их как только можно веселее. Надеюсь, что вы не преминете известить меня, каким образом и где встретите и проведете их.

Снегу валит везде множество. Зима, как слышу, везде стоит ровно. Такая ли и у вас, и каковы всходы? Это меня тем более интересует, что везде я слышу неблагоприятные вести о новых посевах. Каково идет Ваш завод кожевенный? Имеется ли сбыт?

Кстати, если можно будет, прикажите мне сделать колоши в таком роде, как присланные вами теплые сапоги, которые, несмотря на то, что недурно сделаны и как раз по ноге, лежат у меня совершенно без употребления. Ходить в них на улице хорошо, но с улицы нужно же войти в комнату, где нельзя сидеть, по причине их теплоты; а носить с собою са-

поги для перемены другие — тоже не слишком ловко. Но колоши мне бы очень теперь были нужны; когда бы только они были сделаны в пору и могли бы удобно находить на сапоги.

Кого вы видите чаще из знакомых, имеете ли вести об Андрее Андреевиче, и что поделывает управитель в Кагорлыке вместе с отцом Емельяном?

Павел Осипович писал ко мне в письме, что собирается ехать в Петербург. Жаль мне очень, если он это выполнит, потому что меня, я думаю, не застанет. У нас теперь свободное время, и я думаю ехать на два или три месяца в Ревель, куда призывают меня разные необходимые для моего труда разыскания; итак мы не будем видеться с ним. Не лучше ли дождать лета, когда, может быть, я каким-нибудь случаем заверну к вам, и тогда можно вместе приехать в Петербург. Однако ж вы письма все пишите по тому же адресу: хоть меня не будет и я даже переменю, может быть, квартиру, однако всё же мне доставят

очень аккуратно в самый Ревель ваше письмо.
мо.

Прощайте, бесценнейшая маминька. Желаю вам побольше веселиться и быть спокойными при виде ваших вседневных хлопот, и да утешает вас мысль, что всё переменится, что мы когда-нибудь заживем лучше. Обнимаю сестру, племянника и Павла Осиповича.

Ваш Н.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <После 20 дек. 1833. Петербург>

Благодарю тебя за всё: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей.

Я работаю. Я всеми силами стараюсь; но на меня находит страх: может быть, я не успею. Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает. Да, это славно будет, если мы займем с тобой киевские кафедры. Много можно будет наделать добра.

А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами. Разве это малость? Но меня смущает, если это не исполнится... Если же исполнится, да ты надуешь — тогда одному приехать в этот

край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не иметь с кем заговорить языком души — это страшно! Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев, это тоже не так приятно. Хотя бы для святого Владимира побольше славян. Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою. Я говорил Пушкину о стихах. Он написал путешествуя две большие пьесы [Далее начато: по-стар<аюсь>], но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких [несколько маленьких стихотворений.]. Я с своей стороны употреблю старание его подгонять.

Прощай до следующего письма. Жду с нетерпением от тебя обещанной тетради песен, тем более, что беспрестанно получаю новые, из которых много есть исторических, еще больше — прекрасных. Впрочем я нетерпеливее тебя и никак не могу утерпеть, чтобы не выписать здесь одну из самых интересных, которой, верно, у тебя нет:

Наварыла сечевыци
Поставыла на польци
Сечевыця сходыть, сходыть
Сам до мене козак ходыть.
Наварыла гороху
Да послала Явдоху.
Що се с биса, нема с лиса?
Що се братця, як баряця?
Наварыла каши з лоем
Налыгалась з упокоем.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як баряця.
<А> я с того поговору
Пишла <.....> за комору.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як баряця.
Сила дивка тай заснула*
Свынья бигла тай зопхнула.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як баряця.
Бижыть свынья кованая:
«Чого сыдыш, поганая?
Чого сыдыш надулася?
Чому в кожух не вдяглася?»
— Бодай в тебе стильки дух,
Як у мене есть кожух.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як баряця.

*Ведуть свинью перед пана
Крычить свинья: я не пхала
Вона сама в <.....> впала.
Крычить свинья репетуе
Нихто еи не ратуе.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.*

* Черта совершенно малороссийская

А. С. ПУШКИНУ

23 декабря 1833. <Петербург>

Если бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу на моем столе. Минутой мне бы возвратиться раньше, и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно побывать у вас; но как будто нарочно всё сговорилось итти мне наперекор: к моим гемороидальным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился, однако ж, не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали, но тогда был Ливен, человек ума недального. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я по-

нял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаменов, где столько философического познания языка и ума быстрого. — Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо во Франции. [Далее начато: Если только он прочтет план мой] Во мне живет уверенность, [Далее начато: что он поймет меня] что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты.

Я восхищаюсь заранее, когда вообразу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украйны и юга России [и юга России вписано.] и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати, ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский уни-

верситет и ехать в Киевский. Ему вреден климат. [Фраза вписана.] Это хорошо. Я его люблю. У него в Естественной истории есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на галиматью [на бестолковую галиматью] Надеждина. Если бы Погодин не обзавелся домом, я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае! Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украине, писанную, по всем признакам, в конце XVII-го века. Теперь покамест до свиданья! как только мне будет лучше, я явлюсь к вам.

Вечно ваш Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. Против Пантимоны, в доме Оливио.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Генварь 7. <СПб.>

Поздравляю тебя с 1834 и от души благодарю тебя за Денницу, которой, впрочем, я до сих пор не получал, потому что Одоевский заблагорассудил кому-то отдать мой экземпляр. Слышу, однако ж, что в ней есть много хорошего; по крайней мере, мне так говорил Жуковский.

Что ж ты не пишешь ни о чем? Ох, эти земляки мне! Что мы, братец, за лентяи с тобою! Однако наперед положить условие: как только в Киев — лень к чорту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город! Да, отчего до сих пор не выходит ни один из московских журналов? Скажи Надеждину, что это нехорошо, если он вздумает, по-прошлогоднему, до тех пор не выпускать новых, покаместь не додаст старых. Что за рыцарская честность? теперь она в наши времена так же смешна, как и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый год

на него сердились все. Притом же для него хуже: он не нагонит и будет отставать вечно, как Полевой. Знаешь ли ты собрание галицких песен, вышедших в прошлом году (довольно толстая книга in-8)? Очень замечательная вещь! Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание.

Как проводишь время и что делаешь в Москве? И что другие делают? Верно, есть что-нибудь новое? Когда же погляжу я на песни?

Прощай.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
<1834> Генварь 11.
<Петербург>

Эге, ге, ге ге!.. Уже 1834-го захлебнуло полмесяца! Да, давненько! Много всякой дряни уплыло [перебыло] на свете с тех пор, как мы в последний раз перекинулись жиденскими письмами, а еще больше с тех пор, как показали друг другу свои фигуры!

Поздравил бы тебя с новым годом и пожелал бы... да не хочу: во 1-х потому, что поздно, а во 2-х потому, что желания наши гроша не стоят. Мне кажется, что судьба больше ничего не делает с ними, как только подтирается, когда ходит в нужник.

До сих пор мне все желания не доставили алтына.

Счастлив ты, золотой кузнечик, что сидишь в новоустроенном своем доме, без сомнения, холодном. (NB: Но у кого на душе тепло, то-

му не холодно снаружи). Рука твоя летит [бе<жит>] по бумаге; фельдмаршал твой бодрствует над ней; под ногами у тебя валяется толстый дурак, т. е. первый № смирдинской Библиотеки... Кстати о Библиотеке. Это довольно смешная история. Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался впускать в кабак даже сам целовальник. Но который, однако ж, ворвался и бьет, очертя голову спьяна, сулей, штофы, чарки и весь благородный препарат.

Сословие, стоящее выше Брамбеусины, негодует на бесстыдство и наглость кабачного гуляки; сословие, любящее приличие, гнушается и читает. Начальники отделений и директора департаментов читают и надрывают бока от смеху. Офицеры читают и говорят: «Сукин сын, как хорошо пишет!» Помещики покупают и подписываются и, верно, будут читать. — Одни мы, грешные, откладываем на запас для домашнего хозяйства. Смирдина капитал растет. Но это еще всё ничего. А вот что хорошо. Сенковский уполномочил сам се-

бя властью решить, вязать: мараает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам. Естественно, что если все так будут кротки, как почтеннейший Фадей Бенедиктович (которого лицо очень похоже на лорда Байрона, как изъяснялся не шутя один лейб-гвардии Кирасирского полка офицер), который объявил, что он всегда за большую честь для себя почтет, если его статьи будут исправлены таким высоким корректором, которого Фантастические путешествия даже лучше его собственных. Но сомнительно, чтобы все были так робки, как этот почтенный государственный муж.

Но вот что плохо, что мы все в дураках! В этом и спохватились наши [Начато было: настоящие] тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиков, заставили народ разинуть рот и на наших же спинах и разъезжают теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вот литература наша без голоса! А между тем наездники эти действуют на всю

Русь. Ведь в столице нашей чухонство, в вашей купечество, а Русь только среди Руси. Но прощай. Скоро ли тебя поздравить отцом, и каким? Умного дитища, т. е. книжного? или такого, которое будет со временем умно, т. е. того, которое не пером работается?

Твой Гоголь.

Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер, а без того я бы был страх сердит на все эти обстоятельства.

Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не-общее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна! Кстати: я прочел только изо всего № 1-го

Брамбеуса твои Афоризмы. Мне с тобою хотелось бы поговорить о них. Я люблю всегда у тебя читать их, потому что или найду в них такие мысли, которые верны и [и не только новы, но даже верны] новы, или же найду такие, с которыми хоть и не соглашусь иногда, но они зато всегда наведут меня на другую новую мысль. Да печатай их скорей!

Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни?

Поклон всем нашим.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ
<Конец января—начало
февраля 1834. Петербург.>

Все ваши и Сергея Семеновича замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. В одном месте я только оставил связь и связывают. Я нарочно так выразился [Далее начато: и убежд<ен>], потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку, так мне кажется; при том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за ваше присовокупление о истинной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так. Я к вам заеду в 12 часов. Авось не застану ли вас? Теперь же сей час никаким образом не могу.

Много обязанный вам и чувствующий ваше благорасположение

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
СПб. 1834. Февраля 10

Сегодня я получил письмо ваше от 24 генваря, вместе с посылкою. Очень благодарю вас за присланные сапоги и калоши. Они как раз пришлись мне в пору. Изъявите также от меня благодарность фабриканту за его труды для меня. Вы очень меня радуете известием, что проводите время иногда весело. Да посоветуйте Ивану Данилевскому не ехать сюда. Он навсегда здесь может расстроить свое здоровье, а особливо, когда даже дома бывает часто болен. Скажите ему, что я сам, года через два, думаю наострить отсюда лыжи, хотя и не чувствую себя нездоровым слишком. Всё предосторожность вещь не лишняя.

Прощайте! Бога ради, будьте веселы и не скучайте за нами. Дети здоровы как нельзя лучше.

Целую сестру и ее Количку, который, как она говорит, очень проворный мальчишка.

Передайте поклон мой Татьяне Ивановне и
Василю Ивановичу Чернышам и скажите им,
что я всегда помню их приязнь ко мне.

Вечно признательный ваш сын

Николай.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ
<11 февраля 1834.
Петербург.>

Милостивый государь

Константин Степанович.

Извините меня великодушно, что продержал корректуру. Как нарочно у меня под это время накопилась бездна дел, а в добавку к тому посетила меня опять болезнь: вчера в вечеру было вышел и еще хуже сделал, вперед буду исправнее и постараюсь возвратить скорее следующие листки. Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать! Желая от всей души и сердца не быть вам никогда больным, как я грешный.

Остаюсь с чувствами совершенного почтения и вечной признательности.

Ваш покорный слуга

Н. Гоголь.

11 февраля

На обороте: Его высокоблагородию милостивому государю Константину Степанов<ич>у Сербиновичу в Садовой, в доме д-та просвещения.

М. А. МАКСИМОВИЧУ
СПб. Февраля 12. <1834>

Я получил только сегодня два твоих письма: одно от 26 января, другое от 8 февраля, всё это по милости Одоевского, который изволит их чорт знает сколько удерживать у себя. В одном письме ты пишешь за Киев. Я думаю ехать. Дела, кажется, мои идут на лад. Но вот что скверно: министр не соглашается на твое желание: как, дискать, тебя сделать профессором словесности в Киеве, когда ты недавно сделан ординарным ботаником. Такой перелом чрезвычайно кажется странен, и он и слышать не хочет. А между тем Брадке очень нуждается в профессоре словесности. Я думаю вот что: не мешает тебе написать обстоятельно к Брадке, что ты, дискать, недомогаешь страшно в московском климате, что тебе потребно и проч. Бери кафедру ботаники или зоологии. А так как профессора словесности нет, то ты можешь занять на время и его кафедру. А там, по праву давности, ее отжилить, а от ботаники отказаться. А?

Ты говоришь, что, если заленишься, то тогда, набравши силы, в Москву. А на что человеку дается характер и железная сила души? К чорту лень да и концы в воду! Ты рассмотри хорошенько характер земляков [земляков наших]: они ленятся, но зато, если что задолбят в свою голову, то навеки. Ведь тут только решимость: раз начать, и всё... Типография будет под боком. Чего ж больше? А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а вино хлебное, как говорит приятель наш Ушаков. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух!.. Это просто роскошь! Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого. Запорожской Старины я до сих пор нигде не могу достать. Этот Срезневский должен быть большой руки дурак. Как не прислать ни к одному книгопродавцу! Кой же чорт будет у него покупать? А еще и жалуются, что у них никто не раскупает. Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах. Экземпляра песень галицких здесь нигде нет; мой же собственный у меня замотал

один задушевный приятель.

Песень я тебе с большою охотою прислал <бы>, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста [будет более ста], зато известных верно около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе.

Ну, покаместь прощай, а там придет время, что будем всё это говорить, что теперь заставляем царапать наши руки, в богоспасаемом нашем граде.

Твой Гоголь.

И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

СПб. Марта 6. 1834

Ваше приятное для меня письмо я получил 2 марта. От всей души благодарю вас за вашу готовность помогать мне в труде моем и крепко пожимаю вашу руку. Вы правы: нам одинаково нужны материалы; но хотя бы ваша книга превратилась в Историю, мы и тогда бы не были соперниками. Я рад всему, что ни появляется о нашем крае. И если бы я узнал, что в эту минуту кто-нибудь готовит тоже Историю Украйны, я бы приостановил свое издание до тех пор, покаместь ему нужно для сбыта своей книги. Чем больше попыток и опытов, тем для меня лучше, тем моя История будет совершеннее. Я уверен, что в образе мыслей не встречу с другими, денежной прибыли от нее не ищущу — стало быть у меня нет соперников! Вы уже сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины. — Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять

были мне известны прежде, прочие были для меня все — новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно (если бы он даже был совершенно недейтелен от природы) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги, этот народ... Я недоволен польскими историками, они очень мало говорят об этих подвигах; впрочем они могли знать хорошо только со времени унии, но и там ни одного летописца с нечерствою душою, мыслями. Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков. И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, при-

бывшего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались с резкою физиономией, с характером: как, например, Кониский, который выхватил хоть горсть преданий и знал о чем он пишет. Но все другие так пусты, так бесцветны! и вместо того, чтобы дослушиваться к умирающему голосу последних воспоминаний, они обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий. Если бы наш край не имел такого богатства песень — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору. Я имел случай многие перечесть и, к сожалению, пропустил случай многие переписать. Из означенных вами в Запорожской Старине мне неизвестны две: Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого. Заглавие этой рукописи мне показалось незнакомым. Уведомите ме-

ня, имеется ли в ней что-нибудь новое против летописей Кониского, Шафонского, Ригельмана? [Далее было: и других] если на мое счастье в ней окажется новое, то я буду надеяться на снисхождение ваше и попрошу вас отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мне [Мне в таком случае] хочется иметь ее всю, тогда я могу в ней отыскать может быть другими незамеченное или не казавшееся важным, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что наши списки летописей [наши летописи под теми же именами] иногда между собою разнят: у одних выпущено что-нибудь и у других прибавлено. Иногда одна прибавка стоит всей летописи. Потому-то я имею и стараюсь иметь по несколько списков. Для этого-то я и не означал, какие находятся у меня материалы, зная, что тогда я не получу многих списков. [Далее начато: с находящихся] Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бандыш-Каменский. Песен я знаю и имею много. Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных. После того я приобрел еще около 150. У Максимовича теперь

уже 1200. Но я бьюсь об чем угодно, что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подалее от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору. Если я управлюсь с моими делами, то, может быть, летом буду в Малороссию и буду благодарить вас, может быть, лично за ваше радушие и готовность. А между тем ожидаю с нетерпением страшным выхода в свет вашей Старины 3 и 4 книжки. Я уверен, что там будет много для меня пищи. Но — до следующего письма! Я хотел вам еще о чем-то писать, но небольшой случай перебил [перебил сейчас] мои мысли.

Чувствуя вполне ваше благорасположение, остаюсь всегда Вашим покорнейшим и благодарным слугою

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

9 марта 1834. СПб

Я получил письмо ваше, моя бесценная маминька, писанное вами 18 февраля. Очень рад, что вы надеетесь получить выгоду от фабрики. Дай бог, чтобы всё пошло хорошо, в чем я и не сомневаюсь. А между тем я с своей стороны имею в виду доставить фабриканту самую выгодную работу. Я вам после напишу об этом подробнее. Теперь я вам советую обращать наиболее внимание на то, чтобы работников как можно более было из своих людей, нежели из нанятых, чтобы исподволь приучать и занимать всех мальчишек, даже девочек, и всё, что ни есть из мелкого народа. Работа и сбыт будут. Я нарочно сделал для этого сношения и знакомства со многими нужными людьми.

В Ревель я уже не еду. Но впрочем чрез четыре месяца всё-таки надеюсь с вами видеться. Ну, развеселитесь же! Благодарю очень вас и сестру за песни и желаю с нетерпением вас

видеть всех. Есть ли у вас теперь снег, или нет? У нас до сих пор еще зима. Впрочем дни ясные и солнечные. Правили ли вы молебен об успешном ходе фабрики? Если нет, то поручите отцу Ивану отправить молебен, чтобы все дела ваши шли хорошо, а равным образом, чтоб и мои пошли таким чередом, как я думаю! Прощайте; будьте здоровы и да хранит вас бог от всяких неприятностей! Обнимаю сестру и Павла Осиповича, а также и племянника Николу.

Ваш всегда любящий вас сын

Николай.

Да отчего это так долго шло письмо ваше? Оно писано вами 18 февраля, а между <тем> я его получил только сегодня, т. е. 9 марта. Целые три недели шло. Верно, дороги очень дурны.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Марта 12. СПб. 1834

Да это впрочем не слишком хорошо, что ты не изволишь писать ко мне. Молодец! меня подбил ехать в Киев, а сам сидит и ни гадки о том. А между тем я почти что не на выезде уже. Что ж, едешь или нет? влюбился же в эту старую толстую бабу Москву, от которой, кроме щей да матерщины, ничего не услышишь. Слушай: ведь ты посуди сам по чистой совести, каково мне одному быть в Киеве. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнее NB для нездорового человека, каков ты да я.

Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лето мы бы там славно отдохнули, набрали материалов, а к осени бы и засели работать. Послушай, не бросай сего дела! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свете. Предлог к перемещению ты имеешь

самый уважительный — вред климата. Исчисляй свои труды по словесной части; доказывай, что ты можешь занять с честью означенную кафедру, грози отставкою. Должны будут согласиться. Что ж, получу ли обещанные песни?

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ

Марта 13, СПб. 1834

Письмо ваше, in 94 долю листа, имел счастье получить, в котором вы меня укоряете за короткость моих писем. При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление, впрочем гораздо больше письма вашего, о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъявить ее благородному сословию. Но, увы! вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам по своей лености и во сне время-препровождению. Я хотел было, однако ж, прислать вам кое-что, но болезнь, которая приколотила меня было к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность. Скажи Надеждину, что эта же самая причина помешала мне при-

слать обещанный ему отрывок из истории. Она у меня в таком забытии и такую облечена пылью, что я боюсь подступить к <ней>, и чтобы вырвать из нее отрывок для печати, нужно его хорошенько перечистить. Выговоры ваши за объявление имел тоже честь получить. Это правда, я писал его, совершенно не раздумавши [не раздумавши хорошенько.]. Впрочем, охота тебе вступаться за Бандыша! ведь он <.....> и замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи. Где ты летом будешь жить? Могу ли я тебя заставить в Москве? А что дела твои? всё ли ты живешь еще на небе, или уже начинаешь обращать внимание и на мирские дела? Популярная история твоя скоро выйдет?

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

Марта 17. 1834. СПб

Письмо ваше от 26 февраля я получил чрез Ивана Данилевского. О здоровье моем не беспокойтесь: я еще не так нездоров, чтобы мне не можно было жить здесь. В прошлом месяце я чувствовал себя немного нездоровым, но в это время весь город был почти болен кашлем и прочими принадлежностями простуды. Теперь же я опять здоров. Я беспокоюсь только о вашем положении: мне кажется, не слишком ли вы предаетесь надеждам насчет хозяйственных будущих прибылей, которые надеетесь получить от фабрики, потому что вся уже округа ваша знает, что вы намерены получить скоро большие деньги. Мне кажется, что не лучше ли об этом еще не говорить никому, потому что всё, что ни есть впереди, всё неверно. Мы не можем поручиться за один час вперед. Может быть, фабрикант и его работники, несмотря на все усилия, не будут в состоянии поставить к назначенному времени. А разве этого не может слу-

читься, что фабрикант, взявши деньги, вдруг вздумает улизнуть, что тогда? Искать его — напрасный труд, потому что сама полиция за 500 рублей укажет ему дорогу, куда бежать. — Естественно, этого не может случиться. Но кто знает людей? Как многие из них долго могут носить личину и казаться совершенно не тем, чем они есть на самом деле. Но что тогда будет, если это случится? Вы должны будете отвечать всем именем вашим: казна в этом случае никакой не может иметь отсрочки. Я впрочем это пишу не для того, чтобы напрасно смущать, но для того, чтобы вы, на всякой случай, были очень осторожны и не предавались заранее надеждам. Не лучше ли вам держать деньги у себя и не все вдруг выдавать фабриканту, но по мере надобности. Ведь ему не все же восемь тысяч возить с собою на каждую ярманку. Для этого можно брать и по тысяче, так чтобы вы видели, что действительно куплено то, для чего были брать деньги. Но всё это нужно делать осторожно и не давать ему заметить, что вы следуете по пятам его, но что вы именно делаете с тем, чтоб облегчить ему труды. — Я тоже почитаю из-

лишним говорить об этом много соседям. Это, несмотря на всё доброжелательство видимое, всегда возбуждает зависть; а зависть нечувствительно ведет за собою ненависть, и вы вдруг приобретете себе недоброжелателей. Кроме того, это возбудит в других жадность и желание подражать и себе; они будут стараться всячески сманивать фабриканта, предлагать ему выгоднее условия, которых хотя они и не в состоянии будут выполнить, но которые вскружат ему голову. Он будет самонадеянее, приобретет самоуверенность и наглость, беспрестанно увеличивающиеся требования и будет манкировать своим делом, зная, что не вы ему, а он вам нужен. Вы скажете: он совершенно не такой человек; он истинно добрый и совестный, и привязанный. Так! покамест беден, покамест успех не сделал его дерзким! Сколько есть людей, которые, покамест были малы и незначительны, были добродетельнее ангелов, но как только приобретали богатство и имя, вдруг становились совершенно другими. Истинно мудрый заводчик держит в тайне первоначальные успехи своей фабрики и никогда не хвалится

выгодами. Но когда фабрика утвердится, усилится и укрепится, тогда другое дело; тогда можно объявлять о ее успехах и встречному и поперечному; тогда уже ее не могут подорвать. Теперь же вспомните, что вся ваша фабрика держится на одном человеке. Умри он и фабрика ваша лопнула: работники у вас нанятые, своих мастеров еще нет; стало быть, без него невольно она должна расстроиться. Вот почему я советовал вам, чтобы сначала не давать большого размера фабрике, но стараться понемногу прежде обучить собственных несколько человек: тогда основание ее, фундамент, будет тверже, прочнее. Нанятые сегодня здесь, завтра бог знает где; свои же всегда остаются дома. Я уже не говорю о том, что нанятые мастеровые всегда приносят с собою разврат, часто разные заразительные болезни в деревню.

Не оставьте совершенно без внимания этих слов моих. Старайтесь исполнить, если невозможно всех, по крайней мере некоторые из предосторожностей, о которых я вам говорил. Помните старую правдивую посло-

вицу: Береженого и бог бережет.

Но да хранит вас бог от всех могущих
встретиться неприятностей! Да увенчает все
ваши предприятия успехом!

Вечно любящий вас сын

Николай.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834>. Марта 26. СПб

Во-первых, твое дело не клеится как следует, несмотря на то, что и князь Петр, и Жуковский хлопотал об тебе. И их мнение, и мое вместе с ними есть то, что тебе непременно нужно ехать самому. За глаза эти дела не делаются, да и Мекка (NB) любит поклонение. Теперь поется, что ты де нужен московскому университету, что в Киеве место почти занято уже, и прочее. Но если ты сам прибудешь лично и объявишь свои резоны, что ты бы и рад, дискать, но твое здоровье и прочее, тогда будет другое дело; князь же с своей стороны и Жуковский не преминут подкрепить, да и Пушкин тоже. Приезжай! я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись в дилижанс и валяй! потому что зевать не надобно: как раз какой-нибудь олух влезет на твою кафедру.

Ты, нечего сказать, мастер надувать. Пишет: посылаю песни, а между тем о них ни

слуху, ни духу; заставил разинуть рот, а вареника и не всунул. А я справлялся около недели в почтамте и у Смирдина, нет ли посылки ко мне. Вацлав, я тебе говорил, что отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города. Поговорим об объявлении твоём: зачем ты делишь свое собрание на гулливые, козацкие и любовные? Разве козацкие не гулливые и гулливые не все ли козацкие [не бывают козацкие]. Впрочем, я не знаю настоящего значения твоего слова: козацкие.

Разве нет таких песней, у которых одна половина любовная, а другая гулливая. [Далее начато: Что касается] По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг [тотчас] возле одной песни встретить другую, совершенно противоположного содержания. Мне кажется, что песни должно разделить на два разряда: в первом должны поместиться все твои три первые отделения, во втором — обрядные. Много же, если на три разряда: 1-й — истори-

ческие, 2-й — все, выражающие различные оттенки народного духа, и 3-й — обрядные. Впрочем, как бы то ни было, разделение вещь последняя.

Я рад, что ты уже начал печатать [писать]. Если бы я имел у себя списки твоих песен, я бы прислужился тебе и, может быть, даже несколько помог. Но в теперешнем состоянии не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно делать комментарии, не зная на что, а если и зная, то не будучи уверен, к стати ли они будут и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь песен, то хоть привези с собою да приезжай поскорей. Мы бы так славно всё обстроили здесь, как нельзя лучше. Я очень многое хотел писать к тебе, но теперь у меня бездна хлопот, и всё совершенно вышло из головы. Прощай, до следующей почты. Мысленно целую тебя и молюсь о тебе, чтобы скорей тебя выпхнули в Украину.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

1834. Марта 29. СПб

Песню твою про Нечая получил вчера. Вот всё, что получил от тебя вместо обещанных каких-то книг.

Что ты пишешь про Цыха? разве есть какое-нибудь официальное об этом известие? Министр мне обещал непременно это место и требовал даже, чтоб я сейчас подавал просьбу, но я останавливаюсь затем, что мне дают только адъюнкта, уверяя впрочем, что через год непременно сделают ординарным; и признаюсь, я сижу затем только еще здесь, чтобы как-нибудь выработать себе на подъем и разделаться кое с какими здешними обстоятельствами. Эй, не зевай! садись скорее в дилижанс! Без твоего присутствия ничего не будет.

Посылаю тебе за Нечая другой список Нечая, который списан из галичского собрания. Видно, как много она терпела изменений. Каневский переименован на Потоцкого; да-

же самые обстоятельства в описании другие,
исключая главного.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ <1834> Апреля 4. СПб

Пожалуста, не сердись так сильно, как ты объясняешь в письме. Во-первых, это потому не хорошо, что кровь портится; а во-вторых, если я приеду в Москву и расскажу тебе кое-о-чем, то ты увидишь сам, что на меня не должно сердиться. Ты спрашиваешь о моем здоровьи. Здоровье так же, как и финансы мои, не в весьма завидном положении. Здоровье потому, что я не бык и не русской мужик, финансы потому, что я не Брамбеус и не Греч. В Москве надеюсь быть не раньше июня, или мая последних чисел. Когда ты будешь в деревне: весною, или летом? Пожалуста, не сердись, что мало пишу. Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, как говорят, не набралось предметов для письма. Но чорт меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство. Такая лень находит, что мочи нет. То ли дело язык! куда лучше пера! В чернильницу его не нужно обмокать, разве только

слегка в бокал шампанского, после чего он так исправно ворочается, что никакое перо за ним не угонится. [Далее начато: и потому] Может быть, оттого, что я как-то всё это время беспокоен, и леньность приходит. Как бы то ни было, только жажду видеть тебя и побраниться с тобою лицом к лицу.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

<Апрель, 1834. Петербург>

Посылаю вам семена для огорода. Только прошу вас посадить их как можно скорее, — если можно, то даже в тот день, когда получите их; намачивать их вовсе не нужно, но просто прямо посадить в землю. Только непременно нужно поливать несколько раз на день после посадки. Место выбрать для них лучше поближе к пруду; особенно позаботьтесь, чтобы было получше для цветной капусты, артишоков и брунколей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь из комнатных девушек поливать их. Хоть они садятся несколько поздно, но садовник здешний уверяет меня, что при аккуратном поливании они весьма могут поспеть в июне. Со всех сторон доходят слухи и стращают о неурожае. Обратите на это внимание и велите, по крайней мере, засеять побольше картофелю, если хлеба немного. Да нельзя ли не строить в этот год фабрики и других построек? Неужели в вино-

курне нельзя дать мест выделять кож; она же теперь совершенно гуляет. Приладьте как-нибудь. Ведь не в наружном виде, не в строе-нии сила, а в том, что делается внутри. Фабри-кант большой фантазер. Ему, конечно, прият-но видеть огромное строение с пышным на-званием «фабрика», но уговорите его, скажи-те, что вы на следующий год выстроите ему золотую фабрику с бриллиантовой крышей, но что теперь нельзя ли как-нибудь пристро-ить в винокурне все препараты, что нет ника-кой возможности поступить иначе.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Апреля 7. СПб

Не беспокойся! дело твое, кажется, пойдет на лад. Третьего дня я был у министра; он говорил мне такими словами: кажется, я Максимова переведу в Киев, потому что для русской словесности не находится более достойный его человек. Хотя предмет для него нов, но он имеет дар слова, и ему можно успеть легко в нем, хотя впрочем он теоретического никакого не выпустил еще сочинения. На что я сказал, что ты мне показывал многие свои сочинения, обнаруживающие верное познание литературы и долгое занятие ею. Также при этом напомнил ему о твоих трудах в этом роде, помещаемых в разных периодических изданиях. Из слов его, сказанных на это, я увидел только, что препятствий, слава богу, никаких нет. Итак, поздравляю тебя. Я тоже, с своей стороны, присовокупил, как на тебя действует тамошний климат и как расстраивается твое здоровье. Видно было, что старания князя Вяземского и Жуков-

ского не были тщетны. Он, по крайней мере, не представлял уже никаких невозможностей и совершенно соглашался [кажется соглашался] с тем, что состоянье здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательного дела тебе бы весьма не мешало бы предстать самому, потому что, сколько я мог заметить, личное присутствие ему нравится. Но, впрочем, если тебе нельзя и состояние твоего здоровья не позволяет, то я в таком случае перестаю о том просить тебя, несмотря на то, что мне очень бы хотелось видеться с тобою. Мне, впрочем, кажется, что если бы был в состоянии, то весьма бы было не худо. Но, как бы то ни было, прощай до следующего письма. Я очень рад, что письмо мое тебя успокоит, и потому не хочу ничего постороннего писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получил его как раз в пору.

О получении его уведоми меня немедленно. Прощай, будь здоров! Целую тебя и поручаю тебя охранению невидимых благих сил.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> 20 апреля, СПб

Письмо твое от 16 я получил сегодня. Ну, я рад от души и от сердца, что дело твое подтвердилось уже официально. Теперь тебе точно незачем уже ехать в Петербург. Тебя только беспокоят дела московские. Смелее с ними: одно по боку, другому киселя дай, и всё кончено. Из необходимого нужно выбирать необходимейшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себе. Да кстати о мне: знаешь ли, что представления Брадке чуть ли не больше значат, нежели наших здешних ходатаев. Это я узнал верно. Слушай, сослужи службу. Когда будешь писать к Брадке, намекни ему о мне вот каким образом: что вы бы, дискать, хорошо сделали, если бы залучили в университет Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имел такие глубокие исторические сведения и так бы владел языком преподавания, и тому подобные скромные похвалы, как будто вскользь. Для примера ты можешь прочесть предисловие к грамматике Греча или Греча к

романам Булгарина. Он, сколько я заметил, основывается на видимом [видимом вписано.] авторитете и на занимаемом месте. Ты, будучи ординарным профессором московского университета, во мнении его много значишь. Я же бедный почти нуль для него; грешных сочинений моих он не читывал, имени не слыхивал, стало быть, ему нечего и беспокоиться обо мне. Тем более мне это нужно, что министр, кажется, [совершенно <?> кажется] расположен сделать для меня всё, что можно, если бы только попечитель ему хоть слово прибавил от себя. Тогда бы я скорее в дорогу [в брику] и, может быть, еще бы застал тебя в Москве.

Благодарю тебя за песни. Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Издание хорошо. Примечания с большим толком. О переводах я тебе замечу вот что. Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе. Есть пропасть таких фраз, выражений, оборотов, которые нам, малороссия-

нам, кажутся очень будут понятны для русских, если мы переведем их слово в слово, но которые иногда уничтожают половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое место [самое лаконическое место] становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его.

Этих замечаний, впрочем, ты не можешь еще приноровить [Далее начато: к одному] к приведенному тобою переводу, потому что он очень хорош; окончание его прекрасно... Но, чтобы и к нему сделать придирку, вот тебе замечание на первый случай, мотай на ус:

Федора Безродного, атамана куренного, постреляли, порубили, только не поймали чурь.

Во-первых, постреляли не русское слово, оно не по-русски спрягнулося и скомпоновалося, и вместе с словом порубили на русском слабее выражает, нежели на нашем. Мне кажется, вот как бы нужно было сказать:

Куренного атамана, Федора Безродного, они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.

В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я сам, который теперь рассуждаю об этом с таким хладнокровным беспристрастием, вряд ли бы уберегся от того, чтобы не вlepить звонкое словцо в русскую речь, в простодушной уверенности, что его и другие так же поймут. Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь! Ведь ты, верно, не хочешь делать подстрочного перевода? Да, впрочем, это было бы излишне, потому что он у тебя и без того приложен к каждой песни. Ты каждое слово так удачно и хорошо растолковал, что кладешь его в рот всякому, кто захочет понять [понять сам] песню. Я бы тебе много кой-чего хотел еще сказать [сказать об этом же предмете], но, право, чертовски скучно писать о том, что можно перегово-

ритель гораздо с большею ясностью и толком. Да притом это такая длинная материя, зацепи только — и пойдет тянуться. В подобных случаях более всего нужны [чрезвычайно хороши] толки с другою головою, потому что, верно, одна заметит то, что другая пропустит. Как бы то ни было, я с радостью ребенка держу в руках твой первый лист и говорю: «Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет!» как выразился Дельвиг. Я еще никому не успел показать его, но понесу к Жуковскому и похвастанюсь Пушкину, [Далее начато: живее только] и мнения их сообщу тебе поскорее. А между тем подгоняй свои типографские станки. Я тебе пришлю скоро кое-какие песни, которые, впрочем, войдут в последний разве только отдел твоего первого тома [отдел твоих песней]. За Песнями Люду Галичского я послал в Варшаву, и как только получу их, то ту же минуту пришлю их тебе. Здешние скоты книгопродавцы так пугаются всего [так напуганы всем], что выходит на польском языке, что даже польского букваря нигде не отыщешь, и с важным видом говорят только: запрещен [говорят, что запре-

щен]. Одоевскому скажу, чтобы он скорее пристроил твоего Наума. Эти дни, может быть, не увижу его, потому что ты сам знаешь, что за безалаберщина делается у людей на праздниках: они все как шальные. По улицам мечутся шитые мундиры и трехугольные шляпы, а дома между тем никого. У Плетнева постараюсь тоже на этих днях отобрать нужные для тебя сведения. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему. Да будешь ты здоров и спокоен.

Весь твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

1834. Апреля 20. С.-Петербург

Поздравляю вас с наступающими праздниками воскресения Христова и желаю, чтобы вы этот радостный для христиан день и все следующие провели весело и счастливо. Насчет фабрики я не то хотел сказать, но об этом после. Поручение ваше к князю Кочубею я постараюсь исполнить. Странно, что март был у вас холодный. Здесь же напротив он весь состоял из солнечных и теплых дней. Напишите, каков был у вас апрель, — верно, дождлив? Я заключаю это из того, что письма наши теперь очень долго идут; впрочем это кажется хорошо для хлеба. Жаль мне очень, что вы должны занимать и покупать в долг. Это беспрестанно вас вводит в новые хлопоты. Как бы мне хотелось, хотя немного помочь вам; но до сих пор не имею никакой возможности. Мы должны всю надежду возложить на бога и стараться как можно более быть благоразумными, осторожными и выбирать, что из полезного самое полезное.

Вы не знаете, на сколько времени едет Андрей Андреевич на воды и к которому месяцу думает возвратиться? Это мне нужно знать.

Прощайте, бесценная маминька! Благодарю вас за молитвы, которые воссылаете вы о мне. Они, верно, будут услышаны, потому что бог ни в чем не отказывает добродетельным. Умоляя с своей стороны, я уверен, что его святая воля и без моей грешной молитвы пошлет вам счастье.

Ваш сын Николай.

Поклон дедушке и бабушкам, благодарю сестру и Катерину Ивановну за память обо мне и желаю им также веселиться более на праздниках.

Павлу Осиповичу особенный поклон.

Да. Пожалуста, не приписывайте мне чужих сочинений. Неужели вас не научили беспрестанные ошибки в предположениях? на этот раз вы ошиблись сильнее, нежели ко-

гда-либо. Если вам вперед что-нибудь покажется моим, то вы, по крайней мере, не рассказывайте этого другим. Впрочем это такие пустяки, о которых нечего говорить, и мне это ни мало не обидно. Я сделал это замечание потому только, что автор Барона Брамбуса не на слишком хорошем счету. Его грязные сочинения нравятся только низшему классу.

Анет и Лиза, славу богу, здоровы. Они бы, верно, написали вам письма, но мне некогда идти в институт, — тем более, что почта сейчас отходит.

М. И. ГОГОЛЬ

<Апрель, 1834. Петербург>

Христос воскрес!

Поздравляю вас с праздником, почтеннейшая маминька! Вы что-то давно уж не пишете ко мне. Уж не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять начал водиться старый грех, и письма пропадают, или задерживаются? Я, слава богу, здоров. Прошу попрежнему бога, чтобы и вы всегда были здоровы. Сестры мои здоровы, учатся хорошо. Праздники здесь очень хороши. Всё время стоит прекрасная погода, совершенное лето, или самая теплая весна. Я слышу, в ваших местах еще лучше. Пора в самом деле нам, хоть раз, воспользоваться хорошим временем. До сих пор, у нас все времена года совершенно столкнулись с мест своих.

Я думаю, уже Павел Осипович насадил огород и любуется первыми всходами, а сестра моя хворает, охает и приготовляет новые фи-

лософские и мудрые изречения по поводу весны. Я прошу ее убедительно написать на особой записке, которую да приложит она к вашему письму, обстоятельно и подробно, сколько раз она в этом году поспорила. Это будет очень любопытная и занимательная вещь. Я советую ей особенным родом науки это сделать. Для этого я пришлю ей очень красивый альбом. Под каждым числом и днем написать: сегодня я поспорила столько-то раз и благодарение богу очень успешно; сегодня, увы! я не поспорила больше одного раза, но с помощью божиею, может быть завтра за всё вознагражу. И так далее.

Прощайте, моя маминька, хотел-было к празднику прислать вам и сестре красных яичек, но так был захлопотан, что никак не успел. — Итак до следующего раза.

Будьте здоровы и веселы.

Ваш сын Николай.

Да. Одно слово сестре Марии: она писала

мне о картах, которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины, Кроации, Венгрии, Богемии, Трансильвании, Померании и вообще западных славянских земель и Австрии, то пусть приобретет. Но мне не нужно ни Франции, ни Голландии, ни Испании, ни Швеции, ни Англии, ни Италии, ни Швейцарии, ни Дании. А я ей за это пришлю нот.

М. И. ГОГОЛЬ
<1834> Мая 13. СПб

Я получил письмо ваше и благодарю вас. Маминька, за поздравление с прошедшими праздниками. Дай бог, чтобы вы, как будни, так и праздники, отныне проводили весело и в совершенном спокойствии, без больших хлопот. Я нимало не беспокоился насчет подрядов, но намекнул вам кое-что только в предостережение. Я бы тоже не советовал вам давать знать фабриканту, что вы ему ни в чем не верите, но растолковать ему хорошенько всё дело, обходиться с ним ласково, короче сказать держать его крепко в руках, но не давать ему этого заметить, что вы держите его в руках. Впрочем, я, позабывшись, читаю вам наставления, тогда как вы, без сомнения, лучше меня всё это знаете. Отложите боязнь и темные мысли и думайте о том, как вперед поступить лучше. Если Вы отправили молебень об успехе ваших предприятий, то всё пойдет хорошо. А там, как приеду, то, может быть, найдем средство дать ей лучший

ход. Что начато, того уже нельзя оставлять. Я удивляюсь только, что это предприятие съело так много денег, между тем как ничего почти не сделано и не сбыто. Но как бы то ни было, даст бог, будет всё хорошо.

Я, слава богу, здоров, дети тоже. Дай только бог, чтобы вы были здоровы. Получили вы семена, которые я послал вам для посева, и принялись ли они? В приложенном при них письме я просил вас приказывать почаще поливать, особенно в те дни, когда нет дождей, также более всего прилагать старания об артишоках, особенно об кордоне испанском, цвет.<ной> капусте и броколях.

Прощайте! Будьте здоровы! Обнимаю сестру, племянника, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и, приветствуя всех домашних, остаюсь ваш сын

Н. Гоголь.

Известите: идут ли дожди?

А. С. ПУШКИНУ

13 мая <1834 г. Петербург.>

Я раздумавши увидел, что теперь писать к Левашеву точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу и через меня. Теперь же я буду вас беспокоить вот какою просьбою: если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. При этом случае выберите меня хорошенько за то, <что> живу здесь и не убираюсь сей же час вон из города; что доктора велели ехать сей же час и стараться захватить там это время. И сказавши, что я могу весьма легко через месяц протянуть совсем ножки, завести речь о другом, как<-то> о погоде, или о чем-нибудь подобном. Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно.

Вечно ваш Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

А. С. ПУШКИНУ
<Май 1834 г. Петербург>

Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя. Если бы я был хотя в таком состоянии, как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать.

Вечно Ваш

Н. Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ <Май 1834 г. Петербург>

Милостивый Государь

Константин Степанович!

Убедительно прошу Вас прислать особо отпечатанные для меня листки моих статей. Я очень болен и лежу дома, вчера однако ж отважился итти к Сергею Семеновичу по его приказанию. Он дал мне тему для статьи в журнал, но ничего не узнал я о моей участи. Представьте себе мое несчастье. Доктора мне говорят ехать теперь же. А между тем сижу здесь и лучшее для моего леченья время убиваю здесь и убиваю в тоске и досаде. Если бы я твердо был уверен, что не получу желаемого, я бы ехал теперь же на Кавказ с одним моим приятелем, который даже обеспечивает меня на счет путевых издержек. Но Сергей Семенович говорит, чтобы я не отчаивался, что всё будет хорошо. А между тем время идет и я не знаю, что со мной будет; здоровье мое гро-

ша не стоит.

От всей души желая, чтобы здоровье ваше не было похоже на мое, но красовал.<ось> и процветало, остаюсь вечно ваш

признательный

Н. Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Константину Степановичу Сербиновичу.

М. А. МАКСИМОВИЧУ
<1834> Мая 28. <Петербург.>

Извини меня: точно, я, кажется, давно не писал к тебе. У меня тоже большой хлам в голове. Благодарю тебя за лист песен, который ты называешь шестым и который, по моему счету, 4-й. О Введении твоём ничего не могу сказать, потому что я не имею его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть в Журнале Просвещения, 4-м номере, статью мою о малороссийских песнях; там же находится и кусок из Введения моего в историю Малороссии, впрочем, писанный мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны: С.<ергей> С.<еменович> дает мне экстраординарного профессора и деньги на подъем, но однако ж ничего этого не выпускает из рук и держит меня, не знаю для чего, здесь, тогда как мне нужно действовать и ехать. Между тем Б.<радке> пишет ко мне, что не угодно ли мне взять кафедру русской истории, что сие де

прилично занятиям моим, тогда как он сам обещал мне, бывши здесь [бывши здесь вписано.], что всеобщая история не будет занята до самого моего приезда, хотя бы это было через год. А теперь, верно, ее отдали этому Цыху, которого принесло как нарочно. Право, странно они воображают, что различие предметов это такая маловажность и что, кто читал словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; как будто пирожник для того создан, чтобы тащить сапоги. Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю. Если же они меня поведут далее и не отправят теперь же, то, признаюсь, я брошу всё и откланяюсь. Бог с ними со всеми. И тогда махну или на Кавказ, или в долины Грузии, потому что здоровье мое здесь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цых? кажется, Погодин его знает. Нельзя ли как-нибудь уговорить Цыха, чтобы он взял себе, или просил, или бы по крайней мере соглашался бы взять кафедру русской истории.

Ты извини меня, что я не толкую с тобою ничего о песнях. Право, душа не в спокойном

состоянии. Перо в руках моих как деревянная колода, между тем как мысли мои состоят теперь из вихря. Когда увижусь с тобою, то об этой статье потолкуем вдоволь; потому что, как бы ни было, а всё-таки надеюсь быть в следующем месяце в Москве. Прощай, да пиши ко мне. В эти времена волнения письма всё-таки сколько-нибудь утишают душу. Прощай.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Мая 29. <Петербург>

Только что я успел отправить к тебе вчерашнее письмо мое, как вдруг получил два твоих письма: одно еще от 10 мая, другое от 19 мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанию. Смирдин никуда не годится: он их изволил продержатъ у себя больше недели. Благодарю, очень благодарю тебя за листки песенъ. Я не пишу к тебе никаких замечаний, потому что я ужасно не люблю печатных или письменных критик, т. е. не читать их не люблю, но писать. Недавно С.<ергей> С.<еменович> получил от Срезневского экземпляр песней и адресовался ко мне с желанием видеть мое мнение о них в Журнале Просвещения, так же как и о бывших до него изданиях — твоём и Цертелева. Что ж я сделал? я написал статью, только самого главного позабыл: ничего не сказал ни о тебе, ни <о> Срезневском, ни о Цертелеве. После я спохватился и хотел было прибавить и проболтаться о твоём великолепном новом издании, но опоздал

[но позабыл]: статья уже была отпечатана. Так как не скоро к вам доходят петербургские книги, то посылаю тебе особый отпечатанный листок, также и листок из истории Малороссии, которой мне зело не хотелось давать. Я слышал уже суждения некоторых присяжных знатоков, которые глядят на этот кусок, как на полную историю Малороссии, позабывая, что еще впереди целых 80 глав они будут читать и что эта глава только — фронтиспис [и что ~ фронтиспис вписано.]. Я бы, впрочем, весьма желал видеть твои замечания, тем более, что этот отрывок не войдет в целое сочинение, потому что оно начато писаться после того гораздо [совершенно] позже и ныне почти в другом виде. Но из новой моей истории Малороссии я никуда не хочу давать отрывков. Кстати. Ты просил меня сказать о твоём разделении истории. Оно очень натурально и, верно, приходило в голову каждому, кто только слишком много занимался чтением и изучением нашего прошедшего. У меня почти такое же разделение, и потому я не хвалю его, считая неприличным хвалить то, что [Далее начато: похоже] сделалось уже нашим — и

ТВОИМ, И МОИМ ВМЕСТЕ.

Прощай! Целую тебя несколько раз.

Твой Гоголь.

И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

1834. 1 июня. СПб

Не сердитесь на меня, почтеннейший Измаил Иванович, что долго не отвечал на ваше письмо. Оно залежалось в лавке у Смирдина. Я тоже был в отсутствии... Очень благодарен вам за вашу память обо мне. Поблагодарите также земляка нашего (о котором вы упоминаете в письме вашем как о пишущем историю Малор.<оссии>) за его благородный труд. Я очень рад, что не один я занимаюсь этим. Я хотел было сделать несколько замечаний и оценку с своей стороны Вашей Запорожской Старины и уже приступ к этому под заглавием О малоросс. песнях отослал в Журнал Просвещения. Но лень проклятая ододела, и я сел на одном приступе: летом я ничего больше не делаю, кроме лежанья; к тому же еще и болезнь меня беспокоит... Вы там же найдете и кусок из первой части моей истории. Не налягайте слишком на нее: я нарочно выбрал самое начало, в котором показана только перспектива того, что будет впере-

ди. — Конисскому я также, как и вы, во многом не верю, но я говорил совсем не касательно достоинства летописца. Все происшествия его со времени Петра замечательны <?>. Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах.

Да выпускайте скорее свою Старину, я жажду. Пожалуста, не дожидайтесь мнений рецензентов. Охота же вам наконец услышать, что запятую вам нужно поставить не в том месте, а в другом и что не Запорожскою, а какою-нибудь другою стариною нужно было назвать вашу книгу. — Другого вы ничего не услышите. Ваша мысль напечатать песни обрядные очень хороша. Недурно бы их было поместить совершенно в том порядке, в каком они следуют одна за другою во время обрядов, с объяснением при каких обстоятельствах. Это была бы очень нужная вещь. И верно бы все понимающие важность этого дела были бы вам очень благодарны. Свидетельствуя с своей стороны Вам истинное мое уважение, остаюсь

весь ваш Н. Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> 8 июня. СПб

Я получил твое письмо через Щепкина, который меня очень обрадовал своим приездом. Что тебе сказать о здоровье? <.....> мы, братец, с тобой! Что же касается до моих обстоятельств, то я сам, хоть убей, не могу понять их. За меня просили Дашков, Блудов, С.<ергей> С.<еменович> сам, кажется, благоволит ко мне и очень доволен моими статьями. Кажется, какой сильный авторитет! Если бы какие особенные препятствия мне преграждали путь, но их нет. Я имею чин коллежского асессора, не новичок, потому что занимался довольно преподаванием, между тем как всех учителей Кременецкого Лицея произвели прямо в ординарные. И при всем я не могу понять: слышу уверения, ласки — и больше ничего. Чорт возьми, они воображают, что у меня не достанет духу плюнуть на всё. Я не могу также понять и Б.<радке>. Давши слово Жуковскому ожидать меня далее целый год и не отдавать никому кафедры всеобщей исто-

рии, и через месяц отдать ее Цыху. Это досадно, право, досадно! Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ехал в Киев. Досадно, досадно, потому что мне нужно, очень нужно: мое здоровье, мое занятие, мое упрямство требует этого. А между тем мне не видать его. Песни твои идут, чем дальше, лучше. Да что ты не присылаешь мне до сих пор введения? мне очень хочется его видеть. Кстати о введении: если ты встретишь что-нибудь новое в моей статье о песнях, то можешь прибавить к своему: дискать, вот что еще об этом говорит Гоголь. Да что, ведь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова.

Прощай. Да хранят тебя небеса и пошлют крепость душе и телу. Пора, пора вызвать мочь души и действие крепко!

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

10 июня <1834 г. Петербург.>

Я получил твое письмо от 5-го июня вчера т. е. 9-го числа. Тебя удивляет, почему меня так останавливает русская история. Ты очень странен и говоришь еще о себе, что ты решился же взять словесность. Ведь для этого у тебя было желание, а у меня нет. Чорт возьми, если бы я не согласился взять скорее ботанику или патологию, нежели русскую историю. Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке. Но, оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю? Мне оставить Петербург не то, что тебе Москву: здесь всё, что дорого, что было мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился и которых алчет душа; всё, что привычка сделала еще драгоценнейшим. Бросивши всё это, нужно стараться всеми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всеми мерами то, что может вызывать ее. И ты вдобавок хочешь еще, чтоб са-

мая должность была для меня тягостью. Если меня не будет занимать предмет мой, тогда я буду несчастлив. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что для другого кажется своенравием, то есть у меня следствие дальновидности. Но, впрочем, кажется, это не может остановить их. С.<ергей> С.<еменович> сказал мне, что это ничего не значит, что можно поменяться кафедрами. Только то скверно, что я теперь мало всему этому верю, после всех проводов. Остановка вся за одним Б.<радке>, без Б.<радке> С.<ергей> С.<еменович> ни до порога. Итак, я жду теперь от него решения и по нем узнаю, велит ли мне судьба ехать, или нет. О песнях твоих постараюсь написать извещение и одолеть сколько-нибудь свою лень, которая уже почула лето и становится деспотом.

До следующего письма.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
<1834> Июня 15. СПб

Я получил письмо Ваше от 16 мая, сего июня 2-го числа. В нем я нашел приятное для меня [для меня вписано.] поздравление с крестником и новым племянником моим.

Очень благодарен сестре и Павлу Осиповичу за дружеское ко мне расположение и пожалование меня в кумовья и в крестные отцы. Может быть, бог поможет мне быть со временем им полезным. Жаль мне очень, что вы не можете похвалиться совершенным здоровьем. Я думаю, виною всему заботы, беспрестанно вас смущающие. Может быть, мне скоро удастся прожить у вас несколько времени, и тогда, может быть, соединивши силы, нам удастся лучше привести всё в порядок. Когда я начал-было писать это письмо [Когда я хотел было отослать <?> уже письмо], мне принесли ваше другое от 4-го июня. Странно, что семена получены вами так поздно. — Но однако же они всё-таки должны приняться.

Сестры, слава богу, здоровы; письма их прилагаю вам.

Здесь теперь большой съезд: затеваются праздники и проч. по случаю приезда короля прусского, принцев голландских и прусских. Это лето я живу в городе и не переезжаю на дачу. Если буду к вам, то не раньше августа. Желаю вам совершенного здоровья и спокойствия. Остаюсь ваш Николай.

Милая сестрица! Поздравляю тебя с сыном и желаю, чтобы он рос, рос и сделался великаном и богатырем и по силе, и по уму, и по душе. Это поздравление, натурально, тебе должно разделить вместе с Павлом Осиповичем, которого от души обнимаю и благодарю за избрание меня в кумовья. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте иногда истинно любящего вас брата

Ник. Гоголя.

М. П. ПОГОДИНУ
СПб. 23 июня. <1834>

Письмо твое, против обыкновения, довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругом), я получил сего 20 июня и заранее догадывался, что дело должно быть важное. На предложение твое об адъюнктстве я вот что скажу тебе. Я недавно только что просился профессором в Киев, потому что здоровье мое требует этого непременно, также и труды мои. Вот чем можно извинить мне искание профессорства, которое, если бы не у нас на Руси, то было бы самое благородное звание. Прося профессорства в Киеве, я [Было начато: я бы был] обеспечиваю там себя совершенно в моих нуждах, больших и малых; но взявши московского адъюнкта, я не буду сыт, да и климат у вас в Москве ничуть не лучше нашего чухонского, петербургского. Итак ты видишь физически невозможным мое перемещение. Впрочем в июле месяце я постараюсь побывать в Москве, и мы потолкуем о том о сем.

Весьма рад, что тебе понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я в них, особенно в первой, мало нахожу [не нахожу] того, что нужно бы и что можно бы [я мог <бы>] сказать об этом предмете. Но как бы то ни было, мысли об этом можно изъяснить в другом, более удобном случае и месте. Ты говоришь о Цыхе. Что это за Цых? Откуда он и как он взялся? Я имени его еще нигде не встречал в литературном мире.

Скажи пожалуйста: кто тебя всегда толкает род руку, когда ты пишешь? хоть бы одно слово можно было разобрать с первого разу. Я твое шестнадцатидольное письмо читал три дни и до сих пор некоторые слова остались неразгаданными. Я их так и оставил, и потому не сердись, если ответ мой неполон.

Если я приеду в Москву, то или к тебе, или к кому-нибудь другому, только в деревню, потому что мне город так надоел, что не могу смотреть на него равнодушно.

Прощай, целую тебя несколько раз.

Кланяйся всем нашим.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

27 июня <1834. Петербург.>

Я получил сегодня письмо твое от 23 июня. Итак, ты в дороге. Благословляю тебя! Я уверен, что тебе будет весело, очень весело в Киеве. Не предавай<ся> заране никаким сомнениям и мнительности. Я к тебе буду, непременно буду, и мы заживем вместе, черт возьми всё<?>. Дела свои я повел таким порядком, что непременно буду в состоянии ехать в Киев хотя нераннюю осенью или зимою; но когда бы то ни было, а я всё-таки буду. Я дал себе слово, и твердое слово; стало быть, всё кончено: нет гранита, которого бы не пробили человеческая сила и желание.

Ради бога, не предавайся грустным мыслям, будь весел, как весел теперь я, решивший, что всё на свете трын-трава. Терпением и хладнокровием всё достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украины, ради отцовских могил, не сиди над книгами. Черт возьми, если они не служат теперь для

тебя к тому только, чтобы отемнить свои мысли. Будь таков, как ты есть, говори свое, и то как можно поменьше. Студенты твои такой глупый будет народ, особливо сначала, что, право, совестно будет для них слишком много трудиться. Но, впрочем, лучше всего ты делай эстетические с ними разборы. Это для них полезнее всего, скорее разовьет их ум, и тебе будет приятно. Так делают все благоразумные люди. Таким образом поступает и Плетнев, который нашел — и весьма справедливо — что все теории — совершенный вздор и ни к чему не ведут. Он теперь бросил все прежде читанные лекции и делает с ними в классе эстетические разборы, толкует и наталкивает их морду на хорошее. Он очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и советует, с своей стороны, тебе работать прямо с плеча, что придется. Вкус у тебя хорош. Словесность русскую ты знаешь лучше всех педагогов-толмачей; итак чего тебе больше. Послушай: ради бога, занимайся поменьше этой гилью. Лето <ты> непременно должен в Киеве полениться. Жаль, что я не с тобою теперь, я бы не дал тебе и заглянуть в печатную бума-

гу. Я бы тебя повез [повез бы] по Пслу, где бы мы лежали [лежали бы] в натуре, купались, а вдобавок бы еще женил тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но так и быть, пожди до лета следующего, а теперь прими совет и крепко держи его в памяти. Книг я тебе в Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты с ними не разминулся, а посылаю прямо в Киев, где они будут тебя ожидать. Как нарочно, эти книги [все эти книги] нашлись у меня, и потому денег тебе за них платить не нужно. Из всех открытий, сделанных мною и другими достоверными людьми, оказывается, что наш Б.<радке> знает славно экзекуторскую должность при университет<ете>. Высшая же оркестровка не таким сподручна, и потому ты можешь, принявши сие сведение, как следует распорядиться своими поступками: сиречь, приходить в назначенное время на лекцию, ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядок, чтобы смирно сидели по местам и проч. Но во всем этом ты можешь обойтись и без моих советов. Я же тебя умоляю еще раз беречь свое здоровье; а это сбережение здоровья со-

стоит в следующем секрете: быть как можно более спокойным, стараться беситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бывает [бывает иногда] и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что всё на свете тринтрава и <.....> <...>. В этих немногих, но значительных словах заключается вся мудрость человеческая. Чорт возьми! я как вообразу, что теперь на киевском рынке целые рядна вываливают персик, абрикос, которое всё там ни по чем, что киево-печерские монахи уже облизывают уста, помышляя о делании вина из доморощенного винограду, и что тополи ушпигуют скоро весь Киев, — так, право, и разбирает ехать, бросивши всё. Но впрочем хорошо, что ты едешь вперед. Ты приготовишь там всё к моему прибытию и приищешь местечко для покупки, ибо я хочу непременно завестись домком в Киеве, что, без сомнения, и ты не замедлишь учинить с своей стороны. Да, приехавши в Киев, ты должен непременно познакомиться с экс-профессором Белоусовым. Он живет в собственном доме, на Подоле, кажется. Скажи ему, что я просил его тебя полюбить, как и меня. Он

славный малый, и тебе будет приятно сойтись с ним.

Да послушай: как только тебе выберется время, даже в дороге, то тотчас пиши ко мне, меня всё интересует о тебе, самая дорога и проч., и пр...

Смотри, пожалуйста, не забывай писать мне почаще: ты мне делаешься очень дорог и, долго не получая от тебя письма, я уже скучаю.

Но да почиет над тобою благословение божие! Я твердо уверен, что ты будешь счастлив. Мне пророчит мое сердце.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

СПб. Июль 1 <1834>

Итак посылаю тебе книги прямо в Киев. Где, надеюсь, они тебя уже застанут; вместе с ними и тетрадь песен, которая в разные времена списывалась. [которую в разные времена <списывал>. Слово которую осталось неисправленным.] Она замечательна тем, что содержит в себе самые обыкновенные, общеупотребительные песни, но которых вряд ли кто может пересказать из поющих, так утратились слова их. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть в Киевопечерской лавре, а для чичероне возьми Белоусова, о котором я тебе писал. Ты теперь в таком спокойном, уютном и святом месте, что труд и размышления к тебе притекут сами. Умей только распределить хорошо время. Занимайся каждый день, но не более как два и много — три часа; остальное время отдавай всё прогулке. Муцион тебе необходим. Наше солнце и наш воздух укрепят тебя, только занимайся всегда поутру; ввечеру и в пол-

день — боже тебя сохрани. В полдень лежи на солнце, но голову <держи> в тени; ввечеру гуляй или иди к кому-нибудь на вечер. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это <ты> непременно должен соблюсти; если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказе. Прощай, да пребывает с тобой всё хорошее.

Опиши всё до иголки, как ты найдешь Киев, в каком виде представится тебе твое новое житье; всё это ты должен неукоснительно описать. Я же буду ожидать с нетерпением твоего отзыва. Да, бога ради, будь поравнодушнее ко всему кажущемуся тебе с первого взгляда неприятным; смотри на мир так, как смотрит на него поэт, у которого он под ногами и употребляется на обтирку ног его.

Прощай. [Далее начато: Ну] Целую тебя на новосельи и ожидаю твоего письма.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
<1834> Июля 10. СПб

Я получил письмо ваше, бесценная маминька, от 19 июня, сего месяца 3 числа. Из вашего письма я узнаю, маминька, что вы фабрику бросили совершенно. Я прошу вас в таком случае, пришлите мне подробный счет издержкам, расходам и доходам по этому делу: когда именно и что куплено, какие именно вещи и когда были сделаны, что из <них> продано, что не могли сбыть; какие распоряжения, сколько, когда было закуплено, кем и по каким ценам. Всё это нужно, чтобы было в порядке, за каждый месяц особенно, и [в порядке, по месяцам, числам и притом] при конце итог всей суммы. Мне это необходимо нужно для составления своей сметы. Вы можете это поручить Василию Ивановичу; он, я думаю, это может сделать; не то Павел Осипович может помочь ему. — Да ведете ли, то есть, ведет ли Василий Иванович, приход и расход по имению аккуратно каждый месяц? Это необходимо нужно: тогда только можно хорошо

[совершенно] управлять хозяйством, когда совершенно знаешь количество прихода и расхода. Соображаясь с приходом, можно измерять и расход свой; тогда можно положить за правило издерживать никак не более той суммы, которая осталась в приходе. Если в каком месяце приход будет очень мал, нужно стараться, чтобы расход был и того меньше. Если же приход очень велик, то всё-таки нужно стараться не слишком возвышать расхода, чтобы последующее время, не слишком хорошее, можно без труда привыкнуть к небольшим расходам и чтобы оставалось, хоть что-нибудь было в остатке. Без этого, что бы вы ни заводили, всё не будет клеиться. Богу никак нельзя приписывать наших неудач. Бог милостив, и всякому, кто трудится с благоумием и с осмотрительностью принимается за дело, он всегда оказывает всемогущую свою помощь. Береженного и бог бережет, говорит старинная пословица. Но если, вместо этого, мы предадимся бесплодным мечтаниям и будем сидеть сложа руки, надеясь во всем на милосердие божие, то мы никогда не будем иметь ничего. Я испытал многое на се-

бе. Во всем, чем только я займусь с большою осмотрительностью, хорошенько обсужу дело, поведу с величайшею аккуратностью и порядком, не занимаясь мечтами о будущем, во всем этом я вижу ясно божью помощь. По этому-то самому я не вижу даже большой необходимости ехать в Воронеж. Я уважаю очень угодников божиих, но молиться богу всё равно, в каком бы месте вы ни молились. Он вездесущ, стало быть, он везде слышит нашу молитву, и ему столько молитва нужна, сколько нужны дела наши. Впрочем я не настаю на том, чтобы вы не ехали в Воронеж, особливо если позволят вам ваши финансы. Я бы с радостью прислал вам сколько-нибудь, но этот год был и для меня несколько тяжел. Даже намерение мое ехать к вам рушилось; впрочем я этому даже рад, несмотря на желание большое вас видеть. Если бы я поехал теперь, я бы потерял по службе, между тем как, оставшись здесь еще на полгода, я много выиграю. Я знаю, что вы, бесценнейшая маминька, сами будете в этом случае согласны со мною и, верно, не будете о том печалиться, что я не буду к вам теперь. Но зато в генваре

или феврале месяце уже ничто не удержит меня. Много ли вам обождать, всего шесть месяцев, не больше. Я бы вам прислал теперь Смирдина журнал, но он так толст, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько он сам стоит; притом же он очень глуп. Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает. Только в провинции находятся люди, которые его читают еще и восхищаются дрянью. Я не знаю, что за охота пришла нашим судить и рядить о литературе. Я знал много людей, которых почитали умными, хорошими хозяинами и даже сведущими во многом; но когда эти люди захотят непременно судить и сообщать другим свои суждения, то их без смеха нельзя слушать. В какие можно впадать ошибки, можно какому ни было известному [человеку] приписывать сочинение чужое, сочинение гадкое, которым оскорбляется и ум, вкус. Но довольно об этом.

Сестры мои хотя не много выросли, но зато в музыке делаются доки и начинают играть довольно трудные пиесы. Я хотел прислать

при сем письма их, но они еще до сих пор мне не доставили их.

Ваш Николай.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

СПб. Июля 18 <1834>

Я получил твои экземпляры песен и по принадлежности роздал, кому следовало. Препровождаю к тебе благодарность получателей. Жуковский читал некоторые: они произвели эффект. Многие понравились наследнику. Я, однако же, всё ожидал, что ты еще будешь писать ко мне из Москвы. Мне хотелось знать, как ты собирался в дорогу, сел в бричку и прочее.

Что-то ты теперь поделываешь в Киеве? А кстати, чтобы не позабыть: к вам, или к нам, в Киев хочет ехать один преинтереснейший и прелюбезнейший человек, который тебе понравится до-нельзя, настоящий земляк и человек, с которым никогда не будет скучно, никогда, сохранивший всё то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет. Он хочет занять место директора гимназии, если нельзя в Киеве, то в какой-нибудь [в каком-нибудь из] другой Киевского же

[вашего же] округа. Вначале он служил по ученой части, потом был за границей, потом в таможенных, изъездил всю Русь, охотник страшный до степей и Крыма и, наконец, служит здесь в почтовом департаменте. Известно только, если у вас <есть> какое-нибудь вакантное место, и в таком случае замолвь словечко от себя Бродке, не прямо, но косвенно, т. е. вот каким образом: что ты знаешь де человека, весьма годного занять место и истинно достойного, но что не знаешь де, согласится ли он на это, потому что в Петербурге имеет выгодное место, и считают его нужным человеком, [Далее было: но что знаешь] что прежде он хотел ехать в Киев; то попробовать, может быть, он согласится, тем более, что там близко его родина. А с своей стороны ты очень будешь доволен им. Познакомился ли ты с Белоусовым, как я тебе писал в прежнем письме? Он находится теперь при графе Левашеве. Да что ты не прислал мне нот малороссийских песен? Прислал один лист под названием Голоса, а самих-то голосов и нет. Я с нетерпением дожидаюсь их. Каково у вас лето? как ты проводишь его? Да пиши скорее.

Что это: я уже около месяца не получаю от тебя никакой вести. Это скучно.

Прощай.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ <1834> 23 июль. СПб

Рекомендую тебе доброго товарища моего Редькина. Он только что возвратился из чужих краев, куда был посылай для усовершенствования своего учения, с тем, чтобы занять профессорскую кафедру. Он очень жаждет с тобою познакомиться. Он по юридической части. Впрочем, ты можешь от него узнать и о состоянии прочих наук в Германии. Я на время решился занять здесь кафедру истории, и именно средних веков. Если ты этого желаешь, то я тебе пришлю некоторые свои лекции, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои. Весьма недурно, если бы ты отнял у какого-нибудь студента тетрадь записываемых им твоих лекций, особенно о средних веках, и прислал бы через Редькина мне теперь же. Над чем ты теперь сидишь в деревне? [Далее было: а?] Что у тебя готовится и работается? Извести!

Твой [Весь твой] Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
СПб. Августа 1. <1834>

Я получил письмо ваше и был очень огорчен, даже до сих пор не могу совершенно быть спокойным, вообразив, что вам предстоит так малый срок, только до августа, к уплате пяти тысяч рублей. Где вы их возьмете? и зачем вы уверяете меня, что вы совершенно спокойны, как будто я не знаю, что вы должны находиться в величайшем беспокойстве. О, бога ради, маминька, не заводите никаких новых предприятий и фабрик. Для того, чтобы заводить их, нужно слишком быть сведущим в этом деле; нужно быть самому фабрикантом. — Фабрики и заведения новые не оттого лопают, что они глупость, но оттого, что не всякий знает, как за них взяться. — Старайтесь лучше сохранить и усовершенствовать то, что у нас есть, и берегите более всего ваше здоровье, которое для нас драгоценнее всего. Если у вас уже выучились выделывать кожи, то вы не оставляйте этого вовсе. Пусть выделывают, но только выделывают, и боль-

ше ничего, но шить и делать какие-нибудь подряды — бог с ними. И то выдělывать могут тогда только, когда требует этого надобность.

Вы жалуетсяь, что я вам не уведомляю ничего о службе и о прочем. Что же сказать вам, ведь вы знаете сами, где я нахожусь. Впрочем я скинул с себя лишнюю обузу и отказался от других занятий [слу<жб?>]. Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности, потому что [впрочем] и не имею желания занять и не имею времени.

Я здоров, довольно весел; сестры также. Письмо их вам при сем посылаю.

Прощайте; целую ваши руки. Обнимаю сестру Марию, Павла Осип. и Катер. Ивановну и кланяюсь дедушке и бабушкам.

Ваш Николай.

Поклон от меня Татиане Ивановне и Васи-

лю Ивановичу. Также поклон Ларию Ив. Тро-
щинскому.

В. В. ТАРНОВСКОМУ

СПб. 1834 г. августа 7

Извини меня, любезный Василь (э, Василь! На що, як бы гимназия сторила...), извини, что долго не писал к тебе. Я немного обчелся в обстоятельствах своих. Думал было на каникулах быть в Малороссии и лично видеться с тобою, откладывал нарочно для того писать к тебе, и ничего этого не случилось. Я попрежнему пребываю в Питере. Посылаю тебе Нибура столько книг, сколько до сих пор переведено на французском.

Что, видел ли ты Редькина? Он поехал на месяц полобызаться с батюшкою и потом должен опять возвратиться сюда. Он говорил, что если ты будешь дома, то заедет к тебе в Антоновку; если же ты будешь в Житомире, то по краткости времени не может заглянуть к тебе туда. Ну, каково живут дела твои? Как ты проводишь дома время каникул? Что болящий? Что дядюшка Гриша Степанович? Что поп, который говорит: чого-б такы сыдить

так? вы б такы або гралы, або танцювалы и так, и так. Бываешь ли ты часто в Киеве? Ведь тебе, кажется, через него лежит дорога домой. Я слышал, что Белоусова дела довольно поправились, я этому очень рад. Да, пожалуйста, скажи, если будешь в Киеве, Максимовичу, который там профессор словесности, что я просто приеду и поколочу его на все боки. Что в самом деле за дрянь такая! Вот ровно месяц, если не больше, как я от него ни строки не получаю. По крайней мере из Киева он мне ни двух запятых [ни строчки] до сих пор не написал, и я не знаю, что с ним, мерзавцем, делается. Ты скажи ему, что я велел ему особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя в Киев, хотя адъюнктом, потому что киснуть тебе в литовском городе не годится. Что, как твое здоровье? Как <.....> ты, в круть или в смятку? и регулярно, или нерегулярно? Так же на счет поясницы и прочих почечуиностей. Каково идет ваша житомирская гимназия? Часто ли посещает вас пресловутый ваш Б.<радке>? Ну, какой сволочи набрали в ваш киевский университет! Мне даже жаль бедного Максимовича, что он попался между

них. Можно ли это? Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лица. Я сам было думал в киевский университет, да, к счастью, [да только] не сошелся с вашим Б.<радке>, остался в здешнем, и лучше, потому что через четыре месяца получаю здесь экстраординарного профессора.

Не слышал ли чего-нибудь о наших, особенно о Лукашевиче старшем или о Высоцком? Видаешь ли Маркова? Кажется, мне кто-то говорил, что он намеревался сюда ехать. Имеешь ли хороший аппетит, и чем именно более всего обжираешься, арбузами или дынями, или грушами? Много ли ходишь, прогуливаешься и вообще делаешь муцион, и есть ли у вас где-нибудь такие места, где можно [Далее начато: упот<ребить?>] прогуляться? Чем изобилует в это время Житомир? И какой урыльник обыкновенно употребляешь, фаянсовый или медный?

Впрочем, да хранят тебя вышние власти!

Будь здоров, пиши и не забывай твоего
Гоголя.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

1834 августа 14. <СПб>

Я получил письмо твое от 4 августа вчера (13). Во-первых, позволь тебе заметить, что ты страшный нюня! Всё идет как следует, а он еще и киснет! Когда я, который должен остаться в чухонском городе, плюю на всё и говорю, что всё на свете трын-трава. А признаюсь, грусть хотела было сильно подступить ко мне, но я дал ей, по выражению твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги. Что мне было делать с вашим Б.<радке>? [Далее начато: Жуков<ский>] Обещать и не исполнить обещанного, разве этак можно делать. Жуковский писал к нему, что министр наконец согласен мне дать экстр.<ординарного> проф.<ессора> и что от него теперь зависит. В ответ было получено письмо, что он — Б.<радке> — согласен мне дать адъюнкта (как будто об адъюнкте его просили) и что это место для меня очень выгодное (как будто я нищий и мне оно дается из милости). Я заключил, что я не нужен, что я не имею сча-

ствия нравиться попечителю [вашему попечителю]; стало быть, с моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тем более действовать мимо его. Я решился ожидать благоприятнейшего и удобнейшего времени, хотел даже ехать осенью непременно в Гетьманщину, как здешний попечитель князь Корсаков предложил мне, не хочу ли я занять кафедры всеобщей истории в здешнем университете, обещая мне через три месяца экстраорд. профессора, зане не было вакансии [зане не было вакансии вписано]. Я, хорошенько разочтя, увидел, что мне выбраться в этом году нельзя никак из Питера; так я связался с ним долгами и всеми делами своими, что было единственною причиною неуступчивости моих требований в рассуждении Киева. Итак я решился принять предложение остаться на год в здешнем университете, получая тем более прав к занятию в Киеве. При том же от меня зависит приобрести имя, которое может заставить быть посписходительнее в отношении ко мне и не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробирать-

ся к месту. Между тем, поживя здесь, я буду иметь возможность выпутаться из своих де-нежных обстоятельств. На театр здешний я ставлю пиесу, которая, надеюсь, кое-что принесет мне, да еще готовлю из-под полы другую. Короче, в эту зиму я столько обделаю, если бог поможет, дел, что не буду раскаиваться в том, что остался здесь этот год. Хотя душа сильно тоскует за Украиной. Но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что с своей стороны употребил все возможные силы. Я не знаю, отчего это произошло, что попечитель согласен теперь, по крайней мере по твоим словам, дать мне экстраор.<динарного>. Отчего же он прежде не хотел и отказал напрямик Жуковскому. Видно, Левашев просил его за меня, которому Дашков писал два раза. Но только всё мне непонятно. Письмо Жуковский получил довольно поздно. — Как бы то ни было, но перебираюсь на следующий год, и если вы не захотите принять к себе в Киев, то в отеческую берлогу, потому что мне доктора велят напрямик убираться, да притом и самому становится, чем дале, нестерпимее петербургский воздух. Я тебя по-

прошу, пожалуйста, разведывай, есть ли в Киеве продающиеся места для дома, если можно, с садиком, и если можно, где-нибудь на горе, чтобы хоть кусочек Днепра был виден из него, и если найдется, то уведоми меня; я не замедлю выслать тебе деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вместе. Пожалуйста, напиши мне обстоятельнее о Киеве. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхал, каков он, и каков имеет характер люд, обитающий в нем: офицеры, поляки, ученый дрязг наш, перекупки и монахи. Тот приятель наш, о котором я рекомендовал тебе, есть Семен Данил. Шаржинский; воспитывался в здешнем педагогическом институте, где окончив курс, был отправлен учителем в Феодосию, после в другие места, в южной России, в какие, не помню, а спросить его позабыл, потом служил в таможах, наконец, нахо<ди>тся у Булгакова в почтовом департаменте. В Нежин не изъявляет желанья, зная, что там более трудностей, потому что гимназия имеет особенные права и постановления, да притом знает, что тамошние профессора большие бестии, от которых уже товарищи его, вместе

с ним воспитывавшиеся и бывшие там профессорами, пострадали.

Спешу к тебе кончить письмо, зане страх некогда: сейчас еду в Царское, где проживу две недели, по истечении которых непременно буду писать к тебе. Прощай.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ <1834> Августа 23 <СПб>

Приятель наш Семен Данилов. Шаржинский хочет или в Каменец-Подольскую, или в Винницкую гимназию, и потому я тебе еще раз пишу об этом. Если эти места не вакантны теперь, то может быть тебе известно, когда они будут вакантны, и в таком случае пожалуста не прозевай. Пронюхай, что есть путного в вашей библиотеке, относящегося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручил кому-нибудь составить им маленькой реестрец, дабы я мог всё это принять к надлежащему сведению. Я получил много подвозу из наших краев. Между ними есть довольно замечательных вещей. История моя терпит страшную перестройку: в первой части целая половина совершенно новая.

Есть ли что-нибудь на руках у Берлинского? ведь он старый корпила. А у монахов неужели ни <...>? Это жаль. Я тружусь, как лошадь, чувствуя, что это последний год, но

только не над казенною работою, т. е. не над лекциями, которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами. На днях Сенков.<ский> и Греч перегрызлись, как собаки, но впрочем есть надежда, что сии достойные люди скоро помирятся.

Наши все почти разъехались: Пушкин в деревне, Вяземский уехал за границу для поправления здоровья своей дочери [своего здоровья]. Город весь застроен подмостками для лучшего усмотрения Александровской колонны, имеющей открыться 30 августа. Офицеры и солдатства [и солдатства вписано.] страшное множество и прусских, и голландских, и австрийских. Говядина и водка вздорожала страшно. Прощай. Пиши, что и как в Киеве.

Твой Гоголь.

В. В. ТАРНОВСКОМУ
<После 20 сентября 1834 г.
Петербург>

Письмо твое получил тоже не слишком поскорой почте. Хорош, братец, ты! Пишешь с 1 сентября, а я получаю 20, между тем как письмо из Житомира идет никогда не больше 10 дней. Ты, верно, поступаешь со мною так же, как я с почтенными родителями своими, т. е. выставляешь задним числом. Что я не пишу аккуратно к тебе, это извинительно, потому что я ленив; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебе, потому что ты был всегда трудящимся человеком. Ну, как поживаешь? Да: что тебе за охота думать о перемещении в Нежин? Охота же возиться с этою дрянью, какова например Мазепич Самойленко, Лопушевский, Урсо и прочие.

Мне кажется, нет лучше тебе места, как в Киеве. Если хочешь, я напишу об тебе Максимовичу; но если до того времени увидишься с ним, то скажи ему только, что ты мой това-

рищ. Мы с ним большие друзья и он для тебя, верно, с большою готовностью будет стараться. Имеешь ли ты нужные пособия для твоих лекций? Какими ты курсами руководишься? Есть ли у тебя история Мишеле новая, или средняя Демишеля, и если неполные, то, по крайней мере, Précis? Если нет, то уведоми меня, я тебе постараюсь их выслать. А что, как твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленького крикуна-козленка, который имеет от тебя быть. Пожалуйста, уведоми меня, когда будут крестины. Как идет ваша административная, ученая часть? Что говорят об университете, о профессорах, о попечителе и о прочем? Я познакомился здесь с твоим дядюшкою. Видел дорогого нашего Булыча. — Впрочем да хранит тебя бог от всего злого и поведет тебя тою дорогою, по которой

желает душа твоя!

Весь твой Гоголь.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ
29 сент. 1834. <Петербург>

Очень благодарен вам за присылку корректуры. Если можно, то я бы попросил у вас прислать сегодня же и хвостик ее. Слова чутья никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначительного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в Путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатанно. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих.

Желаю вам совершенного здоровья.

Остаюсь Ваш покорнейший слуга

Н. Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ <1834> Ноябрь 2. СПб

Письмо твое я получил вчера. Очень рад, что московские литераторы наконец хватились за ум, и охотно готов с своей стороны помогать по силам. Только я бы вот какой совет дал: Журнал наш нужно пустить как можно по дешевой цене. Лучше за первый год отказаться от всяких вознаграждений за статьи, а пустить его непременно подешевле. Этим одним только можно взять вверх и сколько-нибудь оттянуть привал черни [Далее начато: от] к глупой Библиотеке, которая слишком укрепила за собою читателей своею толщиною. Еще: как можно более разнообразия! и подлиннее оглавление статей! Количеством и массою более всего поражаются люди. Да чтобы смеху, смеху, особенно при конце. Да и везде недурно нашпиговать им листки. И главное, никак не колоть в бровь, а прямо в глаз. Эх жаль, что я не могу для первого листа ничего дать, потому что страшно занят, и печатаю кое-какие вещи! но как только обстрою

дела свои, то непременно пришло что-нибудь. Впрочем оно и лучше, что я теперь ничего не даю: теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья моих небольших мараканий, всё-таки лучше. Охота тебе заниматься и возиться около Герена, который далее своего немецкого [немецкого вписано.] носа и своей торговли ничего не видит. Чудной человек: он воображает себе, что политика какой-то осязательный предмет, господин во фраке и башмаках, и притом совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художеств, мимо наук, мимо [мимо наук, мимо нравов] людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков, не стареющее, не молодеющее, ни умное, ни глупое, чорт знает что такое. Впрочем, если ты займешься Гереном с тем, чтоб развить и переделать его по-своему — это другое дело. Я тогда рад, и мне нет дела до того, какое название носит книга. Пять-шесть мыслей новых уже для меня искупают всё. Ну, а известное дело, куда ты сунешь перо свое, то уже, верно, там будет новая мысль. Я готов плюнуть в башку глупому вашему Каченовскому за эдакие проказы.

Мне нужны твои Афоризмы. Это, просто, досадно.

Но обратимся к Журналу. Как ему кличка? Да кто будет более всего работать? Киреевский будет? Пожалуйста, работайте не так, как вы всегда работаете. Что за лентяи эти москвичи! Ни дать ни взять, как наши малороссияне. Мне кажется, вам жены больше всего мешают. Ради бога, не забывайте, что и кроме жен есть еще такие вещи на свете, о которых нужно подумать. [Далее начато: Что] Печатаешь ли ты Демишеля, которого перевели твои студенты? Пожалуйста, печатай скорее хоть новую историю, которую ты, как говоришь, составил. Я сам замышляю дернуть историю средних веков, тем более, что у меня такие роятся о ней мысли [крупные мысли] ... но я не раньше, как через год, приймусь писать [писать о ней].

Прощай, целую тебя пятьдесят пять раз.

Твой Г.

М. И. ГОГОЛЬ

**<1834.> Ноября 6, вторник. С.
Петербург**

Письмо ваше я получил 2-го сего месяца. Очень благодарю вас за сообщение разных известий о вас и о наших знакомых. Очень жалею только, что вы не имеете теперь решительно никаких доходов. Может быть, если бог поможет, после нового года я получу сколько-нибудь денег и, может быть, буду так счастлив, что сколько <нибудь> облегчу вашу невозможность уплатить хотя самые нужные долги. Жалею, что добрый дедушка мой становится очень слаб. Поцелуйте его за меня и скажите, что я тоже желаю его видеть, а весною постараюсь быть [может быть буду] в Малороссию. Вы желаете знать, по какой части профессор я [чего я профессор] в здешнем университете. Я читаю историю средних веков. Вы до сих пор еще не охладели от страсти к чинам и думаете, что я непременно и чин должен получить выше. Ничуть не бывало, я всё тем же, чем и был, т. е. кол-

лежским ассессором и ничего более. Если бы я имел какую-нибудь существенную выгоду для себя в чине, я [Далее начато: не глупил <бы?>], верно бы, не упустил этим воспользоваться; я не так глуп, чтобы [Далее начато: упустить] пренебречь этим. Но мои обстоятельства и мое положение таково... Но мне нельзя этого растолковать вам. Мы можем не понять друг друга и будем только переводить напрасно бумагу. Оставим чины. Я вас люблю, люблю так, как редкую и примерную мать, — чего же вам более? Вы, верно, меня любите тоже до такой степени, что пощадите напоминанием о том, и в следующем письме, верно, уже не скажете ни слова об этой статье.

Целую ваши ручки и остаюсь любящим вас сыном.

Николай.

Целую крестников моих Николю и Ваню. Как приеду, привезу им по калачу.

С своей стороны я заранее готовлю в желудке место для помещения того пирожного, по поводу которого Мария Васильевна бежит на кухню.

М. П. ПОГОДИНУ <1834> Декабря 14. СПб

Я получил письмо твое от ноября 20. Об Герене я говорил тебе в шутку, между нами; но я его при всем том гораздо более уважаю, нежели многие, хотя он и не имеет так глубокого гения, чтобы стать на ряду с первоклассными мыслителями. И я бы от души рад был, если бы нам подавали побольше Геренов. Из них можно таскать обеими руками. С твоими мыслями я уже давно был согласен. И если ты думаешь, что я отсекаю народы от человечества, то ты не прав. Ты не гляди на мои исторические отрывки: они молоды, они давно писаны; не гляди также на статью О средних веках в Д<епартаментско>м журнале. Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорит несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым месяцем, с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображе-

ние. Клянусь, у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но [но клянусь] я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человек? Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художескую отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитую [вылитую вписано.] через год. — Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург. Но в сторону всё это.

Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и исторические, известные уже и неизвестные. — Я прошу только тебя

глядеть на них посписходительнее. В них много есть молодого.

Я рад, что ты, наконец, принялся печатать. Только мне всё не верится. Ты мастер большой надувать. Пришли, пожалуйста, лекции хоть в корректуре. Мне они очень нужны, тем более, что на меня взвалили теперь и древнюю историю, от которой я прежде было и руками и ногами, а теперь постановлен в такие обстоятельства, что должен принять поневоле после нового года. Такая беда! а у меня столько теперь дел, что некогда и подумать о ней.

Кланяйся от меня всем, да скажи журналистам, чтобы думали о том только, чтобы по толще книжки были и побольше было в них всякой пестроты. А в веленовой бумаге, ей богу, не знают толку наши читатели.

Ну, прощай. Принимаюсь опять за заботы и хлопоты. Пиши скорее, хоть немного, да скорее: страниц пять, а больше и не нужно.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1834. Декабря 15-го. СПб

Вчера получил я письмо ваше, маминька. Очень рад, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сделанных долгах. Что ж делать? Ведь не вы виноваты, виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не наделал в продолжение их долгов. Жаль мне очень, что не могу так скоро сделать плана для иконостаса. Если бы вы согласились немного обождать, то я бы прислал вам. — Впрочем, вы сами виноваты: вы не прислали ни меры, [ни] величины его. Так нельзяобразить; притом вам нужно бы было прислать рисунок прежнего, т. е. того, который хотели вы заказать. Для сметы это необходимо. Необходимо также знать число образов, длину и ширину их. По зимней дороге мне не можно быть к вам; притом я с делами здешними не раньше могу управиться, как к весне, стало быть, месяца два вы еще должны подождать после февраля. Анете и Лизе еще далеко до большого класса. Я вам и прежде говорил, что

полтора <года> должны потеряться, потому что они не были так приготовлены дома, чтобы через полтора года вступить в большой класс, или их нужно было взять маленькими, или приготовленными. Впрочем, это не мешает, если они пробудут еще, время не вовсе пропащее. Они более выучатся музыке и другим искусствам.

Но прощайте! Благодарю сестру за то, что не забывает меня, и обнимаю малюток ее. Завидую очень Павлу Осиповичу, что он разъезжает себе с места на место, между тем как я сижу байбак в своей норе.

Ваш сын Николай.

А. С. ПУШКИНУ
<Конец декабря 1834 г. —
начало января 1835 г.
Петербург.>

Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре [Далее начато: а. если б. Но славу богу, кажется] по поводу Записок сумасшедшего. Но слава богу, сегодня немного лучше. По крайней мере я должен ограничиться выкидкою лучших мест. Ну да бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя может быть завтра вышла. Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами. Я посылаю вам предисловие. Сделайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен.

Вечно ваш Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
1835, генваря 4-го
<Петербург>

Поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с новым годом! Желания мои вам известны: оне беспрерывно на моем благодарном сердце и состоят в том, чтобы вы провели остальную жизнь вашу в радости и счастья, которыми вы так достойны пользоваться, и чтобы все протекшие ваши печали исчезнули даже в ваших воспоминаниях. Время праздников и первые дни нового года я провел довольно хорошо, и тому, без сомнения, способствовали ваши материнские о мне молитвы, которые, верно, будут хранить меня и в будущем. Поздравляю от всего сердца сестру и Павла Осиповича и желая им всего хорошего, также и всем родным нашим, остаюсь благодарным

сыном вашим.

Николай.

Новостей здесь совершенно нет никаких. У вас только происходят перемены. Вы, без сомнения, известны о том, что вместо князя Репнина будет военным губернатором граф Гурьев. — Какова зима у вас? Я слышал, что будто вовсе нет снега. Не получали ли вы чего-нибудь об Андрее Андреевиче и о его поездке?

А. С. ПУШКИНУ
<Ок. 22 января 1835 г.
Петербург>

Я до сих пор сижу болен, мне бы очень хотелось видеться с вами. Заезжайте часу во втором [во втором или трет^{ьем}]; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра Арабесков, которые ко всеобщему изумлению очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. — Мне это очень нужно.

Пошли вам бог достаточного терпения при чтении!

Ваш Гоголь.

На обороте: Его высококородию Александру Сергеевичу Пушкину.

М. П. ПОГОДИНУ
СПб. 1835, вторник, 22
генваря

Посылаю тебе всякую всячину мою. Погладь ее и потрепли: в ней очень много есть детского и я поскорее ее старался выбросить в свет, чтобы вместе с тем выбросить из моей конторки всё старое, и, стряхнувшись, начать новую жизнь. Изъяви свое мнение об исторических статьях в каком-нибудь журнале. Лучше и приличнее, я думаю, в журнале просвещения. Твое слово мне поможет. Потому что и у меня, кажется, завелись какие-то ученые неприятели. Но <...> их мать!

Как поживаешь и что поделяваешь? Ты всё только говоришь, а ничего не делаешь. Ну что за страм, до сих пор я не дождусь твоих лекций; говоришь печатаешь, а до сих пор еще не вышли. Неужели они [они будут] так велики, что [что до сих пор] типографии ваши не управятся? Пожалуста, не мучь так долго. Я также думаю хватить среднюю исто-

рию томиков в 8 или 9, если бог поможет.

Раздай прилагаемые экземпляры по принадлежности.

Твой Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

СПб. Генваря 22. 1835

Ну, брат, я уже не знаю, что и думать о тебе. Как, ни слуху, ни духу? Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь или конской лечебник? Посылаю тебе сумбур, смесь всего, кашу, в которой есть ли масло, суди сам.

За то ты должен непременно описать всё: что и как? начиная с университета [начиная от университета] и до последней киевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышал новых песен. Ты должен непременно поделиться со мною и прислать. Да нет ли каких-нибудь эдаких старинных преданий? Эй, не зевай! Время бежит, и с каждым годом всё стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтоб не позабыть. Есть некто мой соученик, чрезвычайно добрый малый и очень преданной науке. Он, имея довольно хорошее состояние, решил на странное дело: захотел быть учителем в Житомирской гимназии из одной только страсти к истории. Фамилия его Тар-

новский. Нельзя ли его как-нибудь перетащить в университет? Право, мне жаль, если он закиснет в Житомире. Он был после и в Московском универс<ите>те и там получил канди<да>та. Узнай его покороче. Ты им будешь доволен. — Ну! весной увидимся, нарочно еду на Киев для одного тебя.

Что тебе сказать о здешних происшествиях? У нас хорошего, ей богу, ничего нет. Вышла Пушкина История Пугачевского бунта, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полные сочинения и выдут все 7 томов к маю месяцу.

Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9.

Авось либо и на тебя нападет охота и благодатный труд. А нужно бы, право нужно озарить Киев чем-нибудь хорошим. Но...

Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть две строчки?

Твой Гоголь.

А. В. НИКИТЕНКО
Генваря 24. 1835.
<Петербург>

Мне очень жаль, что я не имел удовольствия застать Александра Васильевича дома. Я однако же оставил вам экземпляр. Не знаю, как вам понравятся, но желаю по крайней мере чтобы они не принесли вам скуки и чтобы вы не уменьшили чрез то ко мне вашей приязни. Я не знаю, как мне поднести князю, прилично ли мне явиться с подвязанною щекою и обмотанным горлом. Я ожидаю Вашего совета. В таком случае я уже утруждаю просьбою Вас представить посылаемый экземпляр и изъяснить князю причину моей личной неявки. Как жаль, что проклятая болезнь до сих пор препятствует и лишает меня удовольствия вас видеть. После вчерашнего выезда я чувствую себя как будто немного хуже. А мне бы нужно было о многом переговорить с Вами таким, что на бумаге как-то не может говориться.

Желая вам всегда быть здоровым, остаюсь
со всегдашним моим почтением и призна-
тельностьюю —

Вашим покорнейшим слу<гою>

Н. Гоголем.

На обороте: Его Высокоблагородию мило-
стивому государю Александру Васильевичу
Никитенку.

М. И. ГОГОЛЬ
<1835> Генваря 30. СПб

Благодарю вас, бесценная маминька, за по-
здравление меня новым годом. Дай бог,
чтобы желания ваши совершенно исполни-
лись! И чтобы мы все в этом и в будущих го-
дах были счастливы. Очень радуюсь, что зима
предвещает вам хороший урожай. Сделайте
милость, не скучайте за детьми и развлекай-
те себя всеми силами. Вы должны себя беречь
для жизни самой приятной, и это время, кото-
рое вам так кажется долго, вдруг пролетит, и
мы будем снова вместе. Разве вам не радостно
будет, когда ваши дочери будут умны и вос-
питаны и я тоже если не поглупею, то поум-
нею, даст бог.

Да скажите Ивану Данилевскому, что бра-
тец его, который сей час только ушел от меня,
приказывал ему крепко-накрепко привезть
ему варенья, по крайней мере пять банок. Он
бы и сам к нему писал об этом, да не пишет
потому, что в десять раз ленивее меня.

Прощайте, моя добрая маминька. Веселитесь! всё трынть-трава!

Ваш Н.

Благодарю тебя, сестрица, и вас также, любезный брат Павел Осипович, за ваши приписку и поздравления. От души желаю вам также всякого счастья. Пришли, пришли, сестра, песню, о которой пишешь. Очень буду благодарен! Поцелуй за меня племянника моего и крестника. Что он, уже учится азбуке [учится читать], или <нет> еще? Я перед ним очень виноват, что до сих пор не присылаю ему ничего. Извини меня как-нибудь перед ним, чтобы не сердился. После я надеюсь загладить свою вину.

Прощай, брат Н.

М. П. ПОГОДИНУ
Генварь 31 Спб. 1835

Я получил твое письмо in 1/1000 долю листа от Одоевского. Скажи нашим господам, что стораю желанием приклеить свои труды к ихним. Но, ей богу, раньше как к 3-й книжке не могу прислать им повести. Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подумать. Кроме всего прочего, я стараюсь, чтобы чрез три недели вышло мое продолжение Вечеров, итак ты посуди сам. Но впрочем всё это для них же лучше: вещь, которую я напишу после, всё же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я начал даже для них повесть. Но, ей богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней.

Будь здоров, прощай! Целую тебя!

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

1 февраля 1835. <Петербург>

Я получил ваше письмо. Очень благодарю вас за поздравление с новым годом. Я уверен, что при ваших желаниях проведу его счастливо. П.<авла>О.<сиповича> благодарю также за его приписку и желание. Посылаю вам для развлечения следуемые при сем книги: один экземпляр для Вас, а другой, надписанный, Василию Ивановичу Чарнышу, который прошу ему вручить при первой okazji.

М. П. ПОГОДИНУ

<9 февраля, 1835. Петербург>

Я только сегодня получил твое письмо, т. е. 9 февраля. Ты слишком крупно выставил титул Смирдина, и он распечатал его, принявши за адресованное к нему. Я рад по самое нельзя твоему приезду, хотя вместе с тем и досадую на проклятый случай, заставивший тебя сделать это. — Я живу теперь в тесноте (выгнат из прежней квартиры по случаю переделки дома). Но если тебе не покажется беспокойным чердак мой, то авось как-нибудь поместимся. Впрочем ведь мы люди такого сорта, которых вся жизнь протекает на чердаке. — Прощай! Целую тебя и жду с нетерпением твоего приезда.

Твой Гоголь.

Издатели Московского Наблюдателя ничего не умеют делать. Разошлите объявления огромными буквами при Московских ведомостях и при нескольких номерах, и говорите

смело, что числом листов не уступит Библиотеке для Чтения, а содержанием будет самый разнообразный.

Из Вечеров ничего не могу дать, потому что Вечера на днях выходят. Но я пишу для М. Н. особенную повесть.

М. П. ПОГОДИНУ
<1835> Февраль 20. СПб

Письмо твое от 7 февраля я получил от Смирдина сегодня, т. е. 20 числа. Нельзя ли вперед адресовать прямо на мою квартиру? Что за лень такая! В Мал. Морск.<ую>, в дом Лепена. Хорош и ты. Как мне прислать вам повесть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу. Мерзавцы вы все московские литераторы. С вас никогда не будет проку. Вы все только [Далее начато: люби<те>] на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать! Как же вы можете полагаться на отдельных сотрудников, когда не в состоянии положиться на своих. Страм, страм, страм! Вы посмотрите, как петербургские обделывают свои дела. Где у вас то постоянство и труд, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый из них чуть ли не сто лет собирается прожить. А вам что? Вы сначала только раззадоритесь, а потом чрез день и весь пыл ваш к чорту. И на первый номер до сих пор нет еще

статей. Да вам должно быть стыдно, имея столько голов, обращаться к другим, да и к кому же? ко мне. Но ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блины во вторник, среду, четверг и другие дни. Если вас и дело общее не может подвинуть, всех устремить и связать в одно, то какой в вас прок, что у вас может быть? Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем. Боже мой! столько умов и всё оригинальных: ты, Шевырев, Киреевский. Чорт возьми, и жалуются на бедность. Баратынский, Языков — ай, ай, ай! Ей богу, вы все похожи на петербургских ширамижников, шатающихся по борделям с мелочью в кармане, назначенною только для расплаты с извозчиками. — Скажи пожалуста, как я могу работать и трудиться для вас, когда знаю, что из вас никто не хочет трудиться. — Разве жар мой не должен естественным образом охла-

деть? Я поспешу сколько возможно скорее
окончить для вас назначенную повесть, но
всё не думаю, чтобы она могла подоспеть
раньше 3-й книжки. Впрочем я постараюсь
как можно скорее. Прощай. Да ожидать ли те-
бя в Петербург, или нет?

С. П. ШЕВЫРЕВУ
<1835> Марта 10.
<Петербург.>

Посылаю вам мой Миргород и желал бы от всего сердца, чтобы он для моей собственной славы доставил вам удовольствие. Изъявите ваше мнение наприм. в Московском наблюдателе. Вы этим меня обяжете много: Вашим мнением я дорожу.

Я слышал также, что вы хотели сказать кое-что об Арабесках. Я просил князя Одоевского не писать разбора, за который он хотел было приняться, потому что мнение [раз<бор?>] его я мог слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно. — Я к вам пишу уже слишком без церемоний. Но, кажется, между нами так быть должно. Если мы не будем понимать друг друга, то я не знаю, будет ли тогда кто-нибудь понимать нас. Я вас люблю [Было начато: любил] почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать Московский вестник, кото-

рый я начал читать, будучи еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доньше не совершенно развернулось.

Вам просьба от лица всех, от литературы, литераторов и от всего, что есть литературно-го: поддержите Москов. наблюдатель. Всё будет зависеть от успеха его. Ради бога уговорите москвичей работать. Грех, право грех им всем. Скажите Киреевскому, что его ругнет всё, что будет после нас, за его бездействие. Да впрочем этот упрек можно присоединить ко многим. Я с своей стороны рад всё употребить. На днях я, может быть, окончу повесть для М. Набл. и начну другую. Ради бога поспешите первыми книжками. Здесь большая часть потому не подписывается, что не уверена в существовании его, потому что Сенковский и прочая челядь разглашает, будто бы его совсем не будет и он уже запрещен. Подгоните с своей стороны всех, кого следует, и самое главное, посоветуйте употребить все старания к тому, чтобы аккуратно выходили книжки [все книжки]. Это чрезвычайно дей-

ствует на нашу публику. Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков. Прощайте! Жму крепко вашу руку и прошу убедительно вашей дружбы [а. и прошу вас б. и прошу убедительно вашу руку]. Вы приобретаете такого человека, которому можно всё говорить в глаза и который готов употребить бог знает что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Киреевского и вручите ему посылаемый при сем экземпляр.

Другой экземпляр прошу вас отправить Надеждину.

Желая вам всего хорошего, труда, спокойствия и прочего,

Остаюсь

вашим покорнейшим слу<гою>

Николаем Гоголем.

М. П. ПОГОДИНУ
<18 марта 1835. Петербург.>

Ну, как ты доехал? Чтó и как нашел всё? По-
сылаю тебе нос. Да если ваш журнал не
выйдет, пришли мне его назад. Обо<...>лись
вы с вашим журналом. Вот уже 18 число, а
нет и духа. Если в случае ваша глупая цензу-
ра привяжется к тому, что нос не может быть
в Казанской церкви, то пожалуй можно его
перевести в католическую. Впрочем я не ду-
маю, чтобы она до такой степени уж выжила
из ума. — Кланяйся всем нашим.

М. И. ГОГОЛЬ

<1835> 20 марта <Петербург>

Я получил письмо ваше, писанное вами 10 февраля, только сегодня. Стало быть ровно через полтора месяца. Я думаю, не пролежало ли оно как-нибудь в Полтаве. Я, слава богу, здоров, хотя много занят. На меня возложили не слишком для меня приятную обузу по Университету, от которой я, однако же, скоро отделаюсь, и потому покамест я, вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вам письма сестер, которые находятся в хорошем здоровье и начинают понемногу успевать. У нас теперь третий день стоит самая крепкая зима и санная дорога, после целой недели почти весенних дней, в которые было весь снег растаял.

Желая исполнения всех ваших желаний,
остаюсь ваш сын

Н. Гоголь.

Обнимаю сестру, маленькую Олиньку, племянников и Павла Осиповича.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Марта 22 <1835. Петербург.>

*Ой, чи живы, чи здорови
Вси родычи гарбузови?*

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первых, потому что не коротко, а во-вторых потому, что я из него больше гораздо узнал о твоём образе жизни.

Посылаю тебе Миргород. Авось либо он тебе придется по душе. По крайней мере я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твоё расположение духа, которое, сколько я замечаю, иногда овладевает тобою и в Киеве. Ей богу, мы все страшно отделились от наших первоначальных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака?

Послушай, брат: у нас на душе столько

грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить в наружу, то это чорт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее [тем сильнее] должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свете: это бутылка доброго вина. Когда душа твоя потребует другой души, чтобы рассказать всю свою полугрустную историю, заберись в свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стакан, то почувствуешь, как [как будто бы] оживятся все твои чувства. Это значит, что в это время я, отдаленный от тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрепляйся железною силою, потому что ты опять увидишься с старыми своими друзьями. Впрочем, я в конце весны постараюсь приехать в Киев, хотя мне впрочем совсем не по дороге. Я думал об том, кого бы отсюда наметить в адъюнкты тебе, но решительно нет. Из заграничных всё правоведцы, да при том от них так пахнет семинарией, что уж слишком. Тарновский идет по истории, и потому не знаю, согласится ли он переменить предмет; а что касается до его качеств

и души, то это такой человек, которого всегда наподхват можно взять. Он добр и свеж чувствами, как дитя, слегка мечтателен и всегда с самоотвержением. Он думает только о той пользе, которую можно принести слушателям, и детски предан этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себе, награждают ли его, или нет. Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия. Если бы даже он не имел тех достоинств, которые имеет, то и тогда я бы посоветовал тебе взять его за один характер. Ибо я знаю по опыту, что значит иметь при университете одним больше благородного человека.

Но прощай. Напиши, в каком состоянии у вас весна. Жажду, жажду весны. Чувствуешь ли ты свое счастье? знаешь ли ты его? Ты свидетель ее рождения, вливаешь ее, дышишь ею, и после этого ты еще смеешь говорить, что не с кем тебе перевести душу... Да дай мне ее одну, одну — и никого больше я не желаю видеть, по крайней мере на всё продолжение ее, ни даже любовницы, что казалось бы потребнее всего весною. Но прощай.

Желаю тебе больше упиваться ею, а с нею и спокойствием и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нет мрака в жизни.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
23 марта <1835. Петербург>

Так как Московский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос назад, потому что он мне очень нужен. Да пожалуйста напечатай в Московских Ведомостях объявление об Арабесках. Сделай милость, в таких словах: что теперь, дискать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (NB. до сих пор ни гроша барыша не получено) и тому подобное.

Здорово ли у вас всё в доме? Я немного прихварываю, но утешаюсь предстоящею поездкою, во время которой предстану к вам. Прощай. Люби тебя бог и шли всякого добра!

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

Апреля 12. <1835. Петербург.>

Письмо ваше, писанное вами 24 марта, я получил. Хлопотал о порученности вашей перезаложить в ломбард имение. Это делается не так скоро, как вы думаете. Если бы даже можно было теперь приступить к этому, то покамест я получу от вас уполномочие, т. е. доверенность, покамест вы получите позволение из опеки на заложку имений малолетних моих сестер, куда должны вы подавать об этом просьбу, покамест это будет готово, может пройти по крайней мере полтора месяца; а между тем через три недели, если не раньше, я выезжаю из Петербурга. Во-вторых, самое главное, перезакладывать имения, заложенного на 12 лет, нельзя до совершенной уплаты долга. Имения по новому уставу не на двадцать четыре, а на 26 лет и на 36 закладываются. Итак вы видите, что теперь этого нельзя сделать. Если бы вы раньше об этом уведомили меня, я бы, может быть, успел кое-кого упросить помочь в этом деле, но теперь

уже выезжают на дачи и не до того теперь. Подумали ли вы хорошенько об том, что вам нужно будет от тех пор вносить каждый год почти 2 500 рублей в ломбард? Представляются ли вам способы к уплате ежегодно такой значительной суммы? Вообразите себе, если вы опять будете прибегать к частным займам для того, чтобы вносить проценты казенные, что из этого будет? Какая ужасная будущность! До чего наконец возрастут долги наши? Я ужаснулся, когда прочитал в письме вашем 32 тысячи. Я утешал себя тем, что, может быть, как-нибудь перо ваше ошиблось. Вы мне писали, кажется, прежде, что 15 тысяч [только 15 тысяч]. Вы хотите уплатить все частные долги ваши, сделавши казенный, и остаток употребить на всё: и на устройство хозяйства и на винокурню, и даже мне на печатанье книг (в чем я вовсе не нуждаюсь). Но разочли вы хорошенько количество получаемых денег? Ведь вы получите только (полагая по 250 р. на душу) 32 500. Итак вы пятьюстами рублей хотите устроить всё и даже мне выслать! Теперь рассмотрите: большая часть долга вашего следует Андрею Андреевичу. Вы

процентов ему не платите, а в казенной вы должны платить проценты. Итак лучше ж вам уплачивать по частям капитал нежели проценты, которые будете вы бросать даром. Итак мое мнение: если вы хотите закладывать, то заложите по крайней мере половину так, как было прежде и получите 18 т. Впрочем это только мнение мое. Вы можете его принять и отвергнуть, это совершенно в вашей воле. Впрочем я скажу о себе, что я хотя не хвалюсь ни хозяйственными познаниями, ни тем, что от меня ничто не скроется, но по крайней мере я имею довольно ясный взгляд на вещи, чтобы видеть верное и благоразумное, и что неверно. Вы вспомните как я вам отсоветывывал заводить фабрику кож. Я не отвергал полезности, но разве я не вооружался против этих подрядов и шивки сапогов и разных сложных вещей, которые можно предпринимать тогда только, когда твердое основание положится. Я удивлялся, как вы не видели, что денег [что сумм] вначале больших вовсе не нужно. Я видел, что всё предприятие было до крайности детское. Я не хотел итти явно наперекор и вооружать против

себя, но я из Петербурга писал к вам и чтобы придать более весу словам моим [словам моим вписано.] говорил, что советовался с опытными мастерами, между тем как это было просто мое мнение. Вы имеете прекрасное сердце и может быть это настоящая причина, что вас не трудно обмануть. Я очень постигаю вас. Я знаю, что ваша вся жизнь была в заботах, что вы вечно должны были бороться с критическими обстоятельствами. От этого не мудрено, что душа ваша ищет успокоения в мечте и что вы любите предаваться ей как верному своему другу и не мудрено, что она вас завлекает иногда. Вам нужен советник, который бы практическим образом глядел на жизнь. Этот советник ваш буду я. Почитайте меня за друга, с которым вы должны делить свои мысли и не сердиться, если этот друг [если он] будет подавать вам советы. Если же вы советы станете почитать за строгие наставления и умничание, ваш друг тогда замолчит и вы ничего от него не услышите. О делах хозяйственных, о средствах к уплате долгов и о прочем поговорим, когда увидимся. Я намерен не шутя приняться за хозяйство, и грех

на моей душе лежит, что я не сделал этого прежде, набросив на вас целый груз самых тягостных забот, омрачивших вашу драгоценную для нас жизнь.

Теперь поговорим о не так важных пунктах вашего письма. Вы слишком предаетесь вашим мечтаниям. Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением. Как бы это ни было, но это очень странно [это чрезвычайно смешно]. Меня, доброго, простого человека, может быть, не совсем [не столь] глупого, имеющего здравый смысл, называть гением! Нет, маминька, этих качеств мало, чтобы составить его, иначе у нас столько гениев, что и <не> протолпиться. Итак я вас прошу, маминька, не называйте меня никогда таким образом, а тем более еще в разговоре с кем-нибудь. Не изъявляйте никакого мнения о моих сочинениях и не распространяйтесь о моих качествах. Скажите только просто, что он добрый сын, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте несколько раз. Это для меня будет лучшая похвала.

Если бы вы знали, как неприятно, как отвратительно слушать, когда родители говорят беспрестанно о своих детях и хвалят их! Я вам говорю, что я никогда не чувствовал [В подлиннике: не участвовал!] уважения к таким родителям, я их считал всегда жалкими хвастунишками, и сколько мне удавалось слышать от других, то и им казались отвратительными все похвалы эти. Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маминька, о литературе. Вы в большом заблуждении. Вы воображаете, что умный человек непременно должен судить о литературе и понимать ее — ничуть не бывало.

Я знаю очень много умных людей, которые вовсе не обращают внимания на литературу, и тем не менее я их уважаю. Литература вовсе не есть следствие ума, а следствие чувства, — таким самым образом, как и музыка, как и живопись. У меня например нет уха [нет сочувствия] к музыке, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презирает. Я не знаю ни в зуб математики, и надо мною [и меня] никто не смеется.

Но если, не зная математики, начну говорить о ней, тогда надо мною будет всякой смеяться. Знаете ли вы, в какой можно попасть просак. Вот вы, например, приписали мне сочинения такого автора, которым гнушается истинный [истинный и глубокий] вкус, автора, который ничего решительно не имеет общего со мною, которым только на хуторах восхищаются и который пользуется презрением даже от не совсем постигающих [Было начато: от имеющих] читателей, а вы его приписали мне, и когда я уверял вас в моем письме, клялся, — вы упрямо стояли на своем. Когда я прочитал этот кусок из вашего письма одному человеку, имевшему вкус (я однако ж ни слова не сказал, что это письмо ваше), он захохотал [захохотал тому сравнению ибо]. Мне самому было смешно, когда я читал его, но вместе досадно, когда я видел, как умная, прекрасная дама, исполненная истинного благородства души, может себя компрометировать и унижить. Видите ли, как много нужно тонкости и особенного чутья в литературе, которое и литераторам даже да-

ется немногим, чтобы судить верно. Вас обмануло то, что вам точно дано чувство и вкус вообще и что вам показались понятными и хорошими некоторые места, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго творение. Но знаете ли вы, что именно те места, которые вам незаметны, те-то и есть, может быть, истинно достойные и что, может быть, вы видите только сотую долю того, что другой видит или должен бы видеть всё. Очень трудно это искусство! Знаете ли, что в Петербурге, во всем Петербурге, может быть, только человек пять и есть, которые истинно и глубоко понимают искусство, а между тем в Петербурге есть множество истинно прекрасных, благородных, образованных людей. Я сам, преданный и погрязнувший в этом ремесле, я сам никогда не смею быть так дерзок, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведение. Нет, может быть, я только десятую долю понимаю. Итак, не говорите о ней. Если вас спросят — отвечайте, но отвечайте односложно и меняйте тотчас разговор на другое. Помните, что это говорит вам друг ваш, который желал

бы, чтобы весь свет почитал вас так, как вы того заслуживаете прекрасными вашими качествами. Но об этом довольно. Посылаю вам в завершение мои повести, довольно давние, которые впрочем недавно вышли из печати.

Посылаю вам несколько огородных семян. Поспешите их приказать посеять, только место нужно выбрать хорошее и поливать пред восхождением солнца и по захождении. Сестры посылают племянникам конфект.

Не знаю, буду ли я еще к вам писать, или, может быть, уже не удастся — разве из Москвы напишу. Будьте здоровы и да пошлет вам бог всё хорошее, урожай на хлеб и на всё хозяйство. Обнимаю сестер и племянников, Павла Осиповича и Катерину Ивановну вместе с моею кузиною, если они только вблизи от вас. Праздники здесь были (кстати поздравляю вас с праздниками), праздники здесь были очень дурны. На первый день явилась вдруг зима с морозом и санною дорогою [с снегом и са<нною дорогою>] после совершенно весенних дней. Теперь идут беспре-

станно дожди.

Преданный вам сын

Николай.

Апреля 12. 1835 г. СПб.

М. П. ПОГОДИНУ
1835. Апреля 17. <Петербург>

Сам чорт разве знает, что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. Я не могу и подумать, чтобы он мог пропасть как-нибудь. У нас [У нас в России] единственная исправная вещь: почтамт. Если и он начнет заводить плутни, то я не знаю, что уже и делать. Пожалуста, потормоши хорошенько тамошнего почтмейстера. Не запрятался ли он куда-нибудь по причине своей миниатюрности между тучными посылками.

Через две недели буду в Москве.

Твой Гоголь.

Г. А. фон-ШВЕРИНУ <Конец апреля 1835 Петербург>

Милостивый государь

Густав Адольфович.

Я к вам с покорною просьбою. Две недели собираюсь к вам, но болезнь пригвоздила меня к четырем стенам моей квартиры и потому решаюсь писать к вам. Я еду на Кавказ. Николай Михайлович сказал мне: отпуск выдается, когда я получу увольнение из университета. Попечитель мне сказал, что он разрешает отъезд мой, но отпуска я не могу получить раньше, покамест не пройдет всё это канцелярским порядком, что будет в четверг, а между тем я в пятницу еду, потому что товарищ, едущий со мною, не может ждать, да и мне тоже нельзя уже больше откладывать. Итак, я покорнейше прошу вас, приняв в уважение подобное обстоятельство, изъяснить Николаю Михайловичу мою надобность, чем

премного обяжете и без того обязанного вам
много Н. Гоголя.

На обороте: Его высокоблагородию милос-
тивому государю Густаву Адольфовичу Шве-
рину, в доме Человеколюбивого общества на
Литейной.

А. А. ДЕГУРОВУ
<25–30 апреля 1835 г.
Петербург>

Милостивый государь Антон Антонович.

Вследствие запроса его сиятельства г-на попечителя о причине небытности моей на лекции, имею честь донести вашему превосходительству, что причиною этому была болезнь моя, а во вторых и желание дать студентам сколько-нибудь времени подготовиться к имеющемуся быть испытанию. О чем я заблаговременно их уведомил.

Я был у декана историко-филологического факультета и изъяснился насчет часов. Он теперь отстранил неудобства, препятствовавшие ему быть и может присутствовать лично от 2 до 4-х в пятницу.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

вашего превосходительства

покорнейший слуга

Николай Гоголь.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ <1835> Май 24. Полтава

Пишу к тебе из дому. Сижу дома на перепутьи около недели уже, не зная, куда лучше ехать — на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море. Из Москвы никак не мог писать: был страшно захлопотан и при всем том многих не видел.

Твоя пиеса за день до моего приезда только получена и еще до сих пор не была в руках Совета. Я поручил Погодину сей же час уведомить тебя и дал ему твой адрес. Получил ли ты от него отзыв или нет? Ну, что слышно у вас в Петербурге и что там делается теперь? Мне кажется, как будто я уже год его не видел. Да, пожалуйста, я к тебе с просьбою: сделай милость ступай на мою квартиру и адресуйся к Матрене, чтобы она тебе дозволила вход к книгам, и возьми там Историю Англии аббата де Тоараса, на русском, один том, содержащий 1 и 2 часть, он в кожаном переплете, и пришли мне, пожалуйста, как можно его

поскорее. Крайняя в нем нужда. Если же, на случай там как-нибудь не отыщешь, то возьми у Смирдина и пришли мне немедленно. Еще: сходи к Роспину и купи у него три термометра — 2 для комнаты и один долженствующий быть на дворе, обыкновенных, простых, которые я у него брал по три рубли каждый, и того составит 9 рублей. Переложих их хлопчатую бумагою в деревянном ящике и пришли мне вместе с книгою. Все издержки с благодарностью возвращу. Или нет: два термометра ты можешь снять с крючков у меня в комнате; только один, стало быть, тебе нужно купить. Обнимаю и целую тебя и прощаюсь до скорого времени. Напиши, пожалуста, что делаешь и что такое писатоночки и как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен и проч., и проч., и проч.

Твой Гоголь.

Адрес мой: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

Г. И. СПАССКОМУ <1 июня 1835. Васильевка>

Милостивый государь
Григорий Иванович!

Ожидал я долго вести от вас, тем более что мне нетерпеливо желалось знать, как вам показалось новое место жительства и тамошний край. Я чуть-чуть было не побывал сам в Перекопе и в Крыму южном за минеральными грязями и следами татарскими и древних Козаков, но куча домашних забот можно сказать схватила меня за горло и не пускала. Вот по какой причине я не писал вам и ожидал по вашему благосклонному ко мне расположению передовой весточки. Я уже хотел на вас пенять, что меня позабыли вовсе, нообразивши хлопоты, которые должны вы были без сомнения иметь при вашем вступлении в новую должность, успокоился и уверил себя, что вы не позабудете того, который искренно с сердечною простотою расположен к вам.

Сделайте милость, хоть тремя строчками уведомьте меня о вашем здоровье, также и о здоровье почтеннейшей супруги вашей и как вы нашли всё. Я воображаю вас поздоровевшим, потолстевшим с свежую краскою в лице, какую наваял вам крымский воздух, воображаю вас сбросившим с себя по крайней мере лишних 15 лет, купающимся в море, имеющим всегда хороший аппетит, одним словом как следует вам быть и каким бы я желал вас всегда видеть.

Что же касается до меня, то я в начале было прихворнул и начал лечиться, брать ванны, но после всё это бросил, увидевши, что здешний воздух и без того помогает и теперь и меня поправил, по крайней мере лучше петербургского моего здоровья. Управившись немного с хлопотами, теперь читаю старые рукописи, которых удалось выкопать изрядный запасец, всё большей частью относящийся к малоросс. истории. Чем теперь занимаетесь Вы? Впрочем, я думаю, вам еще не до того, чтобы заниматься своими делами собственными или нашими книжными. Да, кста-

ти я имею к вам небольшую просьбу, в которой уверен, что вы по благосклонности своей ко мне не откажете. Я намерен отправить подводы за солью, которой в наших местах вообще недостаток и дорого продается. Сделайте милость, уведомите меня о ценах и какую и где выгоднее брать увед.<омите>. Да еще прошу вас, уведомите, что выгоднее поехать в Крым на продажу из хозяйственных произведений, как-то хлеб, сало и прочее и прочее. Здесь такое безденежье и такая невозможность продать, какой я никогда еще не помню несмотря на все неурожаи прошедшие. Известием об этом меня крайне обяжете.

Часто ли вы делаете разъезды или сидите на месте? Я наугад адресую вам в Перекоп. Может быть, вы находитесь теперь где-нибудь в другом месте. Я думаю, вы теперь занимаетесь наблюдением тамошним краем. В том и другом случае желаю вам во всем успехов и исполнения всех желаний. Остаюсь навсегда преданным и покорнейшим слугою вашим

Н. Гоголь.

При всем прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение супруге вашей.

Адресуйте мне письма в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

1835 июня 1-го. Д. Васильевка.

И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ
<11 июля 1835. Васильевка.>

Милостивый государь,
Измаил Иванович.

Приятное для меня письмо ваше я получил. Благодарю вас за Ваше поздравление и душевно жалею, что не могу никаким образом быть у вас в Харькове. Маршрут мой теперь на Киев, куда призывают меня кое-какие гербовые заботы, а между прочим нужно видеться и с нашим земляком, моим старым приятелем, вам известным Максимовичем, которому я уже дал слово. Эти же три недели, которые остаются мне, я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым, [Начато: куда] где странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его.

Итак мне остается заочно приветствовать вас и говорить с вами.

Очень рад, что вы наконец отпечатали 4 книжки разом вашей Старины и с нетерпением жажду читать их, [Начато и] благодаря заранее вашу доброту [за вашу доброту], обещающую мне прислать их. Адресуйте мне так, как адресовали письмо: в Полтаву, а оттуда в д. Василевку. Чем скорее пришлете, тем лучше.

Желая вам всего-хорошего: трудов, охоты, здоровья и денег.

остаюсь вам преданный

Николай Гоголь.

1835 июля 11

Д. Василевка.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Полтава, июля 15. 1835

Человек, страшно соскучившийся без Вас. Шлет Вам поклон из дальнего угла Руси с желанием здоровья, вдохновенья и всех благ. Может быть, Вы и не догадаетесь, что этот человек есть Гоголь, к которому Вы бывали всегда так благосклонны и благодетельны. Всё почти мною изведено и узнано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях. Впрочем здоровье, кажется, уже от одних переездов поправилось. Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что [Далее начато: не дает] если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною Вам. Через месяц я буду сам звонить колокольчик у ваших дверей, крехтя от дюжей тетради. А теперь доку-

чаю вам просьбою: вчера я получил извещение [странное извещение] из Петербурга о странном происшествии, что место мое в Пат.<риотическом> инст.<итуте> долженству-ет заместиться другим господином. Что для меня крайне прискорбно, потому что, как бы то ни было, это место доставляло мне хлеб, и притом мне было очень приятно занимать его, я привык считать чем-то родным и близким. Мне странно, потому что не имеет права сделать этого Аонгинов, и вот почему. Когда я просился на Кавказ для поправления здоро-вья, он мне сказал, что причина моя законна, и никакого препятствия нет на мой отъезд. Зачем же он мне тогда не сказал, что поезжайте, но помните, что вы чрез это лишитесь своего места, тогда другое дело, может быть я бы и не поехал. Впрочем Плетнев мне пишет, что еще о новом учителе будет представле-ние в августе месяце первых чисел, и что ес-ли императрица не согласится, чтобы мое ме-сто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибегаю к вам, нельзя ли так сделать, чтобы императри-ца не согласилась. Она добра и, верно, не со-

гласится меня обидеть. Впрочем что то будет, то будет, а верно будет так, как лучше. Всё, что ни случилось, доброе и злое, всё было для меня хорошо. Дай бог, чтобы и вперед так было. Желая Вам всего, что есть для нас лучшего, обнимая Вас, целуя и оставаясь с совершенным почтением и глубокой преданностью

всегда ваш Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Полтава. Июль 20 дня. 1835

О тебе я потерял совершенно все слухи. Не получая долго писем, я думал, что ты занят; к тому же на ухо шепнула мне лень моя, что нечего и тебе докучать письмами, и я решился лучше всего этого явиться к тебе вдруг в Киев. Но вышло не так: ехавшему вместе со мною нужно было поспешать в срок и никак нельзя было делать заездов, и Киев был пропущен мимо.

Теперь я живу в предковской деревне и через три недели еду опять в Петербург к 13 или к 14. Впрочем буду непременно в Киев, нарочно сделавши 300 верст кругу, и проживу два дни с тобою. И тогда поговорим о том и о другом, и о прочем. Больше, право, ничего не знаю и не умею сказать тебе, кроме того разве, что я тебя крепко люблю и с нетерпением желаю обнять тебя, Впрочем ты, верно, это и без моих объявлений знаешь.

Тупая теперь такая голова сделалась, что мочи нет. Языком ворочаешь так, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находит столбняк. А что, как ты? Я думаю, так движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебе бог за то возрастания сил и здоровья. Если будет тебе время, то отзовись еще, письмо твое успеет застать меня. Право, соскучил без тебя. Дай хоть руку твою увидеть. Прощай.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ

<Нач. мая или августа 1835 г.>

Москва

Завтра в 3 часа к обеду нагрянет к тебе весь
Зученый мир, предводимый растением
Редькою. Означенное растение Редька нароч-
но присылал к тебе человека узнать квартиру
твою, ибо мы с тобою, по свойственному од-
ним нам благоразумию, забыли выставить
место жительства.

М. П. ПОГОДИНУ
<Начало мая или августа
1835 г.> Москва

А что же брюки? О боже мой, боже мой! боже мой! боже мой! что это такое делается с нами! Пожалуйста, дай знать, когда мне можно тебя застать дома. Мне хотелось поговорить еще о многих вещах с тобою.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
Сентября 2. 1835. СПб

Пишу к вам на другой день после приезде моего в Пбрг, который совершился благополучно. Приехал я здоров, всё нашел хорошо. Был у сестер. Обе они, как Анет, так и Лиза, довольно подросли за эти 4 месяца и во всё продолжение их были совершенно здоровы. Сентябрь здесь стоит прекрасный. Погода самая приятная, дни солнечные. За сим известивши вас обо всем этом и желая вам, почтеннейшая маминька, здоровья и счастья со всем домом, остаюсь Вашим послушным сыном

Николай.

М. И. ГОГОЛЬ
<1835>. Сентября 22.
С.Петербург

Я получил письмо ваше из Белгорода. Поздравляю вас с благополучным приездом, и радуюсь душевно, что поездка эта доставила вам успокоение и развлекла немного.

Поздравляю вас также с наступающим днем ангела вашего. Желания не прибавляю: оно без сомнения известно. Если бы оно только исполнилось, то вы бы давно не имели неприятных забот и жили бы смеясь от утра до вечера. Лиза и Анна без сомнения желают того же, хотя и не успели написать вам своего поздравления. Я посылаю при сем их прежн<ие> письма, которые у них несколько залежались.

Очень прискорбно мне было от вас слышать, что хлеба у нас дурны. Я не знаю, как вы в состоянии будете прокормить крестьян. Как вы сделали с Татьяной Ивановной?

Ведь, кажется, кроме этого едва ли теперь вам приходится вносить в ломбард. Но впрочем бог, верно, устроит всё хорошо.

Ведь я кажется два года тому назад был у вас на именинах, и, помнится мне, довольно не скучно мы провели. Еще ваши именины я помню один раз, назад лет пять слишком, когда я был еще дома. Когда был... Кто бишь были, я никого уже не помню... Кажется, Данилевский Федор Якимович, что он? что делает? и как поживает с своею молодою супругою? А что Ларий Тр.<ощинский> служит или в отставке и чем занимается? Передайте ему поклон. Каковы вести об Андрее Андреевиче, также и о Косяревских? Если Агафия Матвеевна живет у нас, то напомните ей, что я очень часто вспоминаю о ней.

Милостивая государыня

Катерина Ивановна!

Припасли ли вы мне песенок?

Ваш Николай.

М. И. ГОГОЛЬ
1835. СПб. Октября 1-го

Поздравляю Вас, маминька, с днем вашего Ангела и желаю вам всего, что может составить счастье Ваше на земле. Чтобы имели сколько можно менее беспокойства, чтобы бог благословил и наградил ваши попечения, чтобы дети Ваши, то есть все мы, были всегда послушны, признательны и почтительны и чтобы вы меньше задумывались и больше веселились. Я Вашими молитвами здоров и спокоен, прочее всё пустое и трывнь-трава. Сестры тоже здравствуют и без сомнения будут писать вам поздравления.

Передайте поклон мой Василию Ивановичу Чарнышу, Татьяне Ивановне и Анне Семеновне. Что она еще не вышла замуж? Но особенный поклон бабушке Марье Илиничне, а вслед затем тетушке Катерине Ивановне, которой скажите, что очень жалею, что до сих пор незнаком с моей сестрицей.

Что же касается до любезной сестрицы Марии Васильевны, то я хотел ей написать особенно с присылкою кое-каких дамских аттрибутов, но отлагаю до другого времени и посылаю поклон, который да разделит она пополам между собою и мужем.

Ваш покорный сын Николай.

Да скажите пожалуйста, какой плут полтавской почтмейстер, я право буду на него жаловаться. Мне были посланы отсюда две посылки, которые я должен был получить еще в июне месяце, а он ни об одной из них не объявил. Сделайте милость, поручите Павлу Осиповичу справиться. В одной из них находятся термометры, а в другой книги. Термометры оставьте у себя, а книги мне пришлите назад. Не дурно, если случатся у вас готовые пары три шерстяных чулок, присообщите к книгам.

М. И. ГОГОЛЬ
1835 года. Сентября
<Петербург>

Дражайшая маменька!

Честь имею вас поздравить со днем вашего ангела, желаю вам его провести как можно веселее. Как бы мне хотелось вас лично поздравить, но нужно не много, надеюсь, потерпеть, так богу угодно. Посылаю вам моей работы карточные щеточки. Я нашла братца гораздо лучше против прежнего, он очень пополнил. Уведомте меня, бесценная маменька, о вашем здоровье; что касается до меня, то я слава богу здорова. Вот уж 3-тий год, как я не была на ваших именинах. Прощайте, неоцененейшая маменька. Целую ручки бабушек, тетиньки. Сестриц, братца и племянников целую.

Целую ваши ручки, бессчетно раз, и остаюсь вас истинно по гроб любящая дочь.

Annette Gogolle.

Письмо Ваше я получил посла<нное> вами от 17 октября. Очень рад, что вы здоровы. Дай бог, чтоб и впредь было так же. Я тоже здоров и жалею, что не удалось мне отведать дынь и арбузов, о которых вы пишете.

Больше не могу писать, потому что сию минуту прислали за мною и я должен ехать в наше правление. Обнимаю сестру <?> и Павла Ос<иповича>, отлагаю до следующего письма.

Ваш сын Н. Гоголь.

А. С. ПУШКИНУ

Октября 7. 1835. СПб

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется; будет сильно смешон. Но теперь остановил его [Но теперь остановился] на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сю-

жет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее чорта. Ради бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите Женитьбу. Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

М. И. ГОГОЛЬ
<1835>. Ноября 10. С.-Пб

Я получил ваши два письма почти вдруг одно после другого. Одно меня порадовало, потому что я видел из него, что вы веселы, а другое не понравилось мне, потому что из него видно, что вы были скучны и в печальном расположении духа. Я должен с горестью заметить вам, маминька, что вы, чем далее, теряете ясность и спокойствие души. Вас тревожат всякие мелочи, вы ищете непременно предчувствий, предзнаменований, [В подлиннике без запятых: предчувствий предзнаменованья] вы начинаете верить самым пустым приметам. Одним словом, Вы живете в каком-то особенном мире. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны решительно ни к чему. Ради бога, маминька, ищите больше обществ, развлекайте себя. Вы даже пишете мне о снах своих. Помилуйте, маминька, мало ли всякой чепухи снится нам, да если мы будем обо всем вздор думать, так у нас поневоле голова пойдет кру-

гом. Вы пишете, что очень странный сон вам виделся. Да, когда же сны не бывают странные! Мне прежде снилась такая дичь, что, верно, в пятьсот раз более странна. Сон есть отражение наших беспорядочных мыслей. То, что мы думаем, что нас занимает, нам видится и во сне, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вам объясню ваш сон. Вы составили <о> мне идею, что я окружен какими-то друзьями; а так как вы любите сей час ваше предположение утвердить, стоять за него горою и уже никто вас не переуверит, и Вы уже потом идете дальше и дальше в мыслях, что эти друзья меня обманывают и проч. и проч., что вы, помни<тся>, мне часто говорили, хотя, признаюсь, мне совершенно были непонятны слова ваши, то вам и приснилось: что я говорю вам: вот что наделали мне друзья! А часы явились вам, как воспоминание, которое иногда вдруг приходит [явля<ется>] к нам во сне, иногда из самых времен детства, и о которых мы совсем не думали. Вот вам с идеею о мне вспомнились и те часы, о которых я писал к вам из Любека, что когда бьет на них 12 часов, показываются 12 человеческих фи-

гур. При этом, может быть, вы часто думали о моем будущем путешествии по Европе и вот вместе с этим что-нибудь взбрело вам на ум и о моем прежнем пребывании за границую. Итак вы видите, маминька, что сон есть больше ничего, как бессвязные отрывки, не имеющие смысла, из того, что мы думали, и потом склеившиеся вместе и составившие винигрет. Сделайте милость, пожалейте всех нас, маминька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, как вы прежде были веселы и с вами не скучно было быть вместе никому. Мы все здесь здоровы. Сестры растут, и учатся, и играют. Я тоже надеюсь кое-что получить приятное. Итак чего же вам более, годка через два я приду в такую возможность, что может быть приглашу вас в ПБург посмотреть на них, а до того времени вам нечего досадовать. Истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен и не верит пустякам. Напишите мне о том, писали ли в опекунский совет о рассрочке, или нет. Напишите также, куда баб<ушка> Мар.<ья> Илична подала просьбу и которого числа и месяца. А до того до свиданья. Занимайтесь больше хозяй-

ством и ездите больше по гостям. То и другое вас развлечет.

Ваш Николай.

Благодарю тебя, милая сестра, за приписку и известие о моем крестнике и о Павл<е> Ос<иповиче>. — Благодарю тебя за усердие, с которым ты стараешься наделить меня старинными картами, только это мне вовсе не нужно и не относится к моему предмету. Обнимаю тебя от души. Твой брат.

М. И. ГОГОЛЬ
<1835> Ноября 19. СПб

Письмо ваше получил 12-го сего месяца. Если будет время и возможность, то я постараюсь доставить вам сулемы <?>. Об Олинъке я хлопотал. Мало имею надежды; на свой счет покамест не могу. Впрочем это дело еще впереди. Посылаю вам письма сестер, которые, слава богу, здоровы. Благодарю очень сестру за приписку, а еще более за любовь, в награду за которую затерял я письмо к ней от Анет. Целую Николинъку и Ваничку и постараюсь привезть им гусаров или лошадей.

Желаю вам здоровья и веселого расположения духа.

Остаюсь ваш

Николай.

М. П. ПОГОДИНУ

1835. Декабря 6. СПб

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебе, что ты приехал и написал ко мне. Но я думал, что ты сделаешь лучше и приедешь прежде в Петербург. Мне бы хотелось на тебя поглядеть и послушать, послушать, что и как было в пути, и что Немещина и немцы. Этого мне хотелось потому, что твои глаза ближе к моим, чем кого другого. Но на письме я знаю сам, что писать об этом слишком громоздко, и для нас, людей ленивых, очень скучно. Я жадно читал твое письмо в Журнале просвещения, но еще хотел бы слушать изустных прибавлений. Уведомь, какие книги привез и что есть такого, о чем нам неизвестно.

Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего беславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора

года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... [Далее начато: бог с ними] и проч. и проч... Я тебе одному говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предуведомить кого следует по

этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пьесу. — Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр. Ну, прощай, мой Погодин. Обнимаю тебя очень крепко! Поцелуй за меня ручку супруги своей.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

1835. Декабря 18. СПб

Поздравляю вас, маминька, с наступающим новым годом и дай бог, чтобы он был для вас счастливее всех когда-либо бывших. По крайней мере я предчувствую, что от него нам ожидать много добра. Я, слава богу, здоров; сестры также. Они посылают вам конфеты и кое-что из работ своих. Я, при этой okazji, приложил семена огородные: оно же и кстати на новый год: это эмблема и девиз, и вместе желание, чтобы вы насеяли много хорошего в начале этого <года> и в этом же самом, чтобы <вели жизнь веселую?> и счастливую, имеющую продолжиться отныне на все годы.

Кстати о семенах. Причину невсхода семян садовник полагает, что их глубоко садили в землю. Он советует их слегка только прикрыть землю, лишь бы закрыть семечко, чтобы солнце могло на них действовать, и никак не советует прежде намачивать в воде,

но садить их сухими лучше, потом полить. И потому всем этим советую Павлу Осиповичу воспользоваться.

Сестре посылаю какие нашлись у меня книги. Пусть их читает во здравие. Она их, я думаю, в одну неделю проглотит все. Желая всего хорошего и посылая при этом поклон всем родным и знакомым, остаюсь ваш сын

Николай.